

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3-4 (20-21) 2015

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Пи*

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Екатеринбург – 2015

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 3-4 (20-21)
Декабрь 2015**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 21.12.2015 г.

Формат 60x84^{1/8}

Усл. печ. л. 20,93

Тираж 300 экз.

Заказ № E0025982

Отпечатано в типографии «Артикул»
620026, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 71 Б
Тел: +7 (343) 251-61-77
http://www.artikul.ru

**Журнал индексируется в базе данных системы
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Ю. Г. Ершов – доктор философских наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, Екатеринбург, Россия)

С. Г. Зырянов – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия)

К. В. Киселев – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Е. А. Кожемякин – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия)

Н. А. Комлева – доктор политических наук, профессор (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

О. В. Коркунова – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия)

В. О. Лобовиков – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. С. Мартыанов – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

С. В. Мошкин – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

К. С. Романова – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. М. Русаков – доктор философских наук, профессор (Уральский финансово-юридический институт, Екатеринбург, Россия)

Е. М. Олову – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

А. Д. Трахтенберг – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

И. Б. Фан – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Л. Г. Фишман – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. М. Андриюхина – доктор философских наук, профессор (Уральский профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия)

В. Г. Богомяков – доктор философских наук, профессор (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

М. В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия)

А. Д. Королев – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия)

К. Н. Любутин – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)

О. Ю. Малинова – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия)

Л. Н. Синельникова – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени

В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

Е. А. Степанова – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Л. Н. Тимофеева – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

В. Е. Хвощев – кандидат философских наук, доцент (Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск, Россия)

А. Н. Чумаков – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Д. М. Ковба – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Научному журналу «Дискурс-Пи» – 15 лет

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков
«Дискурс-Пи» 2001–2015 гг.: история современности через призму научного журнала 10

Тропы метода

Л. В. Селезнева, И. А. Тортунова
К вопросу о соотношении терминов «текст» и «дискурс» в современной семиотической науке 17

В. Л. Берсенёв
Эволюция экономической теории как отражение противостояния политической экономии и «экономикс» 25

Б. В. Орлов
Методологические парадигмы и синтагмы современной эстетики: к проекту словаря по философии художественности 32

А. В. Бочаров, В. М. Русаков, А. А. Хмелинин
Дискурсивно-идеологический комплекс «цветных революций» 42

Е. Д. Кочнева
Политика памяти в России как систематическая работа с прошлым 50

А. С. Исаков
Фракционистское измерение политики памяти в Иране: концептуальные основы 57

Современные интеллектуальные технологии

В. О. Лобовиков
Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г. В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель 65

Парадигмы и процессы

С. И. Глушкова, О. Ф. Русакова
Интеллектуальная мобильность и основные направления исследований уральских политологов, сотрудничающих с РАПН 72

В. А. Корнеева, А. В. Волков
Спортивный дискурс soft power в религиозной политике современной России 82

К. С. Романова
Свойства социального пространства и времени как факторы, определяющие мобильность личности 88

Д. В. Хаботина
Рейтинг soft power Аргентины на основе RGMs 94

А. А. Марьянова
Мягкая сила Венесуэлы 102

О. Е. Царёва
Soft power Колумбии 110

О. Б. Подвинцев
Единый язык как средство размежевания и конфронтации (размышления по поводу фильма «Мандарины») 115

Антропология

С. Н. Некрасов
Личность, права человека, человеческий капитал как центральная проблематика российских перестроек 119

Политические технологии

Р. С. Мухаметов
Сравнительный анализ выборов президента США и РФ 127

Конференц-зал

П. Н. Кондрашов
Первый всемирный конгресс по марксизму в Пекине: глобальное будущее 134

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков
Круглый стол «Философия, культура и дискурс мобильности» на VII Российском Философском Конгрессе 144

Энциклопедия «Дискурсология»*Статьи***В. И. Карасик**

Дискурс 147

А. В. Олянич

Презентационный дискурс 148

*Статьи***А. В. Олянич, А. С. Захарова**

Ихтио- и аквадискурс 150

А. В. Олянич, Т. Н. НекрасоваДискурс геоинформационного
ориентирования 153**А. В. Олянич, В. В. Копылова**

Лингводидактический дискурс 155

Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич

Сакральный дискурс 158

Т. Н. Астафурова

Магический дискурс 161

И. В. Палашевская

Судебный дискурс 164

Судебный нарратив 166

Н. Н. ПанченкоДостоверность как междискурсивная
категория 169**В. М. Русаков**

Путник 171

Путь 171

Приключение 172

Травелог 172

Дискурсивно-идеологический комплекс 174

Рецензии и рефераты**Ю. П. Чусовитина**От групповой идентичности
к политической сплоченности
и приверженности 175

«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 3-4 (20-21)
December 2015

Published four times a year

Founded by

The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg, 620102, Russia

Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on 21.12.2015
Format 60x84 1/8
Reference sheet area 20,93
Issues – 300
Order № E0025982

Printed by Typography «Artikul»
ul. Belinskogo 71 B
Ekaterinburg, 620026, Russia
Phone: +7 (343) 251-61-77
<http://www.artikul.ru>

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

**The journal is included
into the «CyberLeninka» database**

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Board:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru; dipi@nm.ru

All issues of the journal are available on the website
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*НУ

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O. F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E. G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Y. G. Yershov – Doctor of Philosophy (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of Russia, Ural Institute of Management, Ekaterinburg, Russia)

S. G. Zyryanov – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia)

K. V. Kiselev – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

E. A. Kozhemyakin – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia)

N. A. Komleva – Doctor of Political Sciences, Professor (Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia)

O. V. Korkunova – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia)

V. O. Lobovikov – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V. S. Martianov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

S. V. Moshkin – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

K. S. Romanova – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V. M. Rusakov – Doctor of Philosophy, Professor (Ural Institute of Finance and Law, Ekaterinburg, Russia)

E. M. Olovu – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

A. D. Trachtenberg – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

I. B. Fan – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L. G. Fishman – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V. G. Bogomyakov – Doctor of Philosophy, Professor (Tyumen State University, Tyumen, Russia)

M. V. Ilyin – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

A. D. Korolyov – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia)

K. N. Lubutin – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Mikhail Malyshev – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico)

O. Y. Malinova – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)

L. N. Sinelnikova – Doctor of Philology, professor (Crimean Federal University Vernadsky, Humanities and Education Academy (branch), Yalta, Russia)

E. A. Stepanova – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L. N. Timofeyeva – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia)

V. E. Khvoshchev – PhD, associate professor (South-Ural State National Research University, Chelyabinsk, Russia)

A. N. Chumakov – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

SECRETARY

E. G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

D. M. Kovba – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

15th Anniversary of «Discourse-P»

O.F. Ruskova, V.M. Ruskov
«Discourse-P» 2001–2015: The History
of Modernity through Scientific Journal 10

Tropes of Method

L.V. Selezneva, I.A. Tortunova
To the Question about the Relationship
of the Terms «Text» and «Discourse» in Modern
Semiotic Science 17

V.L. Bersenev
Evolution of the Economic Theory as Reflection
of Opposition between Political Economy
and «Economics» 25

B.V. Orlov
Methodological Paradigms and Syntagma
of Modern Aesthetics: To Project of Dictionary
of Philosophy of Artistry 32

**A.V. Bocharov, V.M. Ruskov,
A.A. Khmelinin**
Discursive-Ideological Complex
of «Color Revolutions» 42

E.D. Kochneva
Politics of Memory in Russia as a Systematic
Work with The Past 50

A.S. Isakov
The Factional Measurement of Politics
of Memory in Iran: Conceptual Bases 57

Modern Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov
Historical-Philosophical and Logical Aspects
of Interconnection of Truth and Provability:
G. W. Leibniz; A. Tarski; K. Gödel 65

Paradigms and Processes

S.I. Glushkova, O.F. Ruskova
Intellectual Mobility and Main Political
Science Researches of Ural Political Scientists
Cooperated With RPSA 72

V.A. Korneeva, A.V. Volkov
Sports Discourse of Soft Power in the Religious
Policy of Modern Russia 82

K.S. Romanova
Properties of Social Space and Time as Factors
Determining the Mobility of the Individual 88

D.V. Khabotina
Argentina’s Soft Power Rating on the Base
of RGMs 94

A.A. Maryanova
Soft Power of Venezuela 102

O.E. Tsareva
Colombia’s soft power 110

O.B. Podvintzev
One Language as a Means of Disengagement
and Confrontation. Reflections on the Film
«The Mandarins» 115

Anthropology

S.N. Nekrasov
Person, Human Rights, Human Capital
as a Central Issue of Russian
Rearrangements 119

Political Technologies

R.S. Mukhametov
Comparative Analysis of the Election
of the President of The United States
and The Russian Federation 127

Conference Chamber

P.N. Kondrashov
First World Congress on Marxism in Beijing:
Global Future 134

O.F. Ruskova, V.M. Ruskov
Round Table «Philosophy, Culture and Discourse
of Mobility» At the VII Russian Congress
of Philosophy 144

Encyclopedia «Discoursology»

Articles

V.I. Karasik
Discourse 147

A.V. Olyanich
Presentation Discourse 148

A.V. Olyanich, A.S. Zaharova Ichthyo- and Aqua Discourse.....	150
A.V. Olyanich, T.N. Nekrasova Discourse of the Geoinformation Orientation	153
A.V. Olyanich, V.V. Kopylova Linguistic Didactic Discourse.....	155
T.N. Astafurova, A.V. Olyanich Sacred Discourse.....	158
T.N. Astafurova Magical Discourse	161
I.V. Palashevskaya Judicial Discourse	164
Judicial Narration.....	166
N.N. Panchenko Reliability as an Inetrdiscursive Category	169
V.M. Rusakov Wayfarer.....	171
Way	171
Adventure.....	172
Travelogue	172
Discursive-Ideological Complex	174
<i>Reviews and Abstracts</i>	
Y.P. Chusovitina From The Group Identity to the Political Cohesion and Commitment.....	175

УДК 001 + 323.3 + 378

«ДИСКУРС-ПИ» 2001–2015 ГГ.: ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

АНОО Уральский финансово-юридический институт,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Статья посвящена библиографическому анализу научного журнала «Дискурс-Пи» за 15 лет его существования. Научный журнал «Дискурс-Пи» начинался как альманах (ежегодник), орган Уральской философской школы на рубеже 90-х и 2000-х годов. Он объединил широкий круг научно-образовательной общественности, проводившей разнообразные теоретические исследования в поисках нового методологического инструментария. Журнал выразил настоятельную потребность в преодолении дефицита методологической культуры, в росте внимания к междисциплинарным исследованиям и сохранении гуманистического смысла современного российского социально-философского и методологического теоретизирования.

Ключевые слова:

Дискурс-Пи, научный журнал, методология, дискурс-анализ, Уральская философская школа, современная философия, российская философия.

В конце приснопамятных 90-х годов с легкой руки своих организаторов и исполнителей (которые никуда не исчезли из рядов господствующей российской «элиты»), получивших романтическое наименование «лихие», российская научно-образовательная

общественность остро ощутила наступившие последствия неолиберального нашествия на науку, образование и культуру. Очень быстро термины «реформы» и «инновации» не только становились эвфемизмами, но приобретали ругательный смысл и грозили

перейти в область обценной лексики. Всю глубину предстоявшего разгрома этих сфер жизни российского общества, разумеется, еще предстояло увидеть, оценить и понять на протяжении последующих пятнадцати лет.

Уральская философская школа, сложившаяся в Уральском государственном университете им. А. М. Горького и объединившаяся благодаря деятельности ее отцов-основателей (М. Н. Руткевича, Л. М. Архангельского, А. Ф. Еремеева, К. Н. Любутина, Л. Н. Когана, Б. В. Емельянова, В. В. Кима и др.) весьма широкий круг ученых и преподавателей вузов Екатеринбурга и целого ряда других городов России, к тому времени имела 35 лет трудового стажа. Это, внешне казавшееся эфемерным, внутреннее если не единство, то существенное сходство мировоззренческих и методологических ориентаций стало основой довольно быстро сложившегося некоего относительно устойчивого «кипящего слоя» авторов и участников проекта издания научно-практического альманаха «Дискурс-Пи» [1]. Инициативным центром издательского проекта стал Институт философии и права УрО РАН, вокруг которого объединилась группа ученых из УрГУ им. А. М. Горького и УрАГС.

В процессе работы над концепцией альманаха сложились некоторые устойчивые формы совместной деятельности и общения: круг постоянных авторов, руководители основных рубрик и, конечно, обязательные презентации очередного выпуска, носящие черты перформанса. Потребность в междисциплинарности исследований, определенного дистанцирования от забюрократизированной официальной рубрикации российского социально-философского исследования и творческая энергия авторов альманаха родили целый ряд нетривиальных рубрик (или разделов), пользующихся большим интересом у читающей публики: «Антропология» [2], «Игра в бисер» [3], «Тропы метода» [4], «Персона» [5], «Поликлиника» [6], «Трибуна» [7], «Четвертая власть» [8], «Политические технологии» [9], «Сексуальный зритель» [10]. Широта

спектра исследовательских интересов уральской и российской научно-образовательной общественности искала и находила выражение на страницах альманаха в новых рубриках: «Галерея» [11], «Парадигмы и процессы» [12] и др.

Кроме того, приверженность традициям Уральской философской школы, уважение к творчеству одного из ее основателей – Заслуженного деятеля науки РФ, профессора К. Н. Любутина, породили рубрику философского юмора под названием «Клуб дядюшки Лю» [13]. Русская философия традиционно тяготела к поэтическому выражению своих мыслей и чувств, и альманах не стал исключением [14]. И, разумеется, большинство авторов альманаха прошли хорошую историко-философскую школу философского факультета УрГУ и помнили опыт издания первого русского философского журнала «Вопросы философии и психологии» (1889–1918), который учил вниманию к биобиблиографической стороне философии [15].

Альманах «Дискурс-Пи» реагировал на философско-мировоззренческие и методологические вызовы времени заявляемыми «сквозными» темами каждого выпуска, которые в то же время не были какой-то догмой, требовавшей обязательного соответствия всех без исключения материалов номера. Темы «Дискурс власти и власть дискурса», «Дискурс современных мифологий», «Новый левый дискурс», «Дискурс мобильности», «Дискурс Soft Power», «Дискурс идентичности», «Дискурс прошлого и будущего», «Дискурс травелога» и др., разумеется, в разной степени отразили исследовательский интерес уральских и российских ученых, но неизменно оказывались в мейнстриме российской и международной мысли. Об этом говорит проведение российских и международных конференций «Дискурсология: Теория. Методология. Практика» [16], «Soft Power: теория, ресурсы, дискурс» [17], «Дискурс травелога» [18] и др.

За первые пять лет своего существования альманах отдал свои страницы результатам

исследований, идеям, размышлениям около 300 авторов из более чем 20 городов России – Москвы, Омска, Ростова-на-Дону, Саратова, Орла, Барнаула, Томска, Нижнего Новгорода, Краснодара, Перми, Нижневартовска, Глазова, Уфы, Владивостока и др.

В журнале, помимо того, что в каждом выпуске в среднем публиковались 60–70 авторов, всегда предоставлялось место молодым ученым – студентам, магистрантам, аспирантам и докторантам. Замечательно, что к.ф.н. (ныне PhD) А.С. Кузнецов – начальник дирекции Европейских программ университета провинции Альберта (Канада), недавно опубликовавший монографию по парадипломатии в престижном издательстве Routledge [19] или PhD Е.В. Ишменев, защитивший диссертацию и работающий в Нью-Йоркском университете – начинали как авторы альманаха «Дискурс-Пи».

«Дискурс-Пи» с первого появления на свет трепетно относится к российским и зарубежным ученым, ставших мэтрами философской и социально-политической мысли: в каждом выпуске читатели знакомятся с глубокими и содержательными интервью выдающихся современников, которые в большинстве своем были проведены руководителем рубрики «Персона» д.полит.н. И.Б. Фан. Свои интервью для альманаха давали Э.Ю. Соловьев, Ф.М. Бурлацкий, С.С. Алексеев, М.Н. Руткевич, И.С. Кон, А.А. Гусейнов, А.А. Зиновьев, В.А. Лекторский, В.В. Бибахин, Михаил Маркович (Сербия), Т.И. Ойзерман, М.В. Ильин, К.Н. Любутин, А.Н. Чумаков, Ричард Саква (Великобритания) и др. Публикуются переводы любезно предоставленных журналу статей зарубежных авторов: И. Кучуради, У. Кимлика и др.

Не обошли своим вниманием авторы журнала сферу философской афористики – в соответствующей рубрике представлены оригинальные работы профессора Автономного университета штата Мехико М.А. Малышева (Мексика), выступающего представителем русской философии

в Мексике и мексиканской философской мысли – в России.

В связи с активной работой по организации и проведению различных конференций и иных научных форумов с участием коллектива авторов журнала неизбежным стало появление рубрики «Конференц-зал», где отображаются наиболее значимые события подобного рода.

Вступление во второе десятилетие существования издания его главный редактор обозначил как веху, которая призвана дать старт новым глобальным научным проектам: «Самым крупным проектом, работа над которым началась в 2009 году, выступает фундаментальный проект международной энциклопедии «Дискурсология». Предполагается, что данный проект создаст глобальную сеть научных коммуникаций в области разнообразных направлений и тематических блоков дискурс-исследований» [19]. Сегодня к проекту, помимо уральских ученых, присоединяется все большее количество авторов из различных городов России – Белгород (Кожемякин Е.А.), Волгоград (Карасик В.И., Олянич А.В.), Москва (Селезнева Л.В.), Санкт-Петербург (Гаврилова М.В.), Ялта (Л.Н. Синельникова).

В 2011 г. альманах «Дискурс-Пи» был переименован в Научный журнал «Дискурс-Пи» и стал издаваться вначале два раза в год, а с 2013 г. с периодичностью четыре номера в год.

Сложившееся ядро авторов и участников издания [20] постоянно искало и экспериментировало с формами выражения творческой энергии: в 2006 начинается ежегодное проведение международной конференции «Дискурсология: Теория. Методология. Практика», в 2004 – организуется Издательский дом «Дискурс-Пи», в 2006 – НП «Международная академия дискурс-исследований» (МАДИ), с 2008 – ежегодные научно-практические конференции «Дискурс травелога».

Большую помощь и поддержку на разных этапах своего существования журнал по-

лучал от Института философии и права УрО РАН (в настоящее время является единственным учредителем), Уральской государственной сельскохозяйственной академии (ныне УрГАУ), ДРП «Локомотив» (генеральный директор А.Е. Спасский). Издание журнала осуществляется главным образом за счет грантов. В 2003–2005 гг. журнал получал поддержку гранта Президента РФ «Научные школы» (№ НШ-2228.2003.6). Первое пятилетие существования альманаха было замечено российской научно-образовательной общественностью [21].

Говоря об «узнаваемости» журнала, следует сказать, что он имеет международную регистрацию ISSN 1817–9568, с первого выпуска осуществляется обязательная рассылка через Всероссийскую книжную палату, с 2013 г. – он зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере печати, связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, материалы журнала размещаются на сайте www.madipi.ru. С 2015 г. журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). В настоящее время учредителем журнала поставлена задача вхождения его в перечень ВАК РФ.

С 2002 г. журнал «Дискурс-Пи» является постоянным участником презентаций научных изданий, проходящих на Российских философских конгрессах, организуемых Российским философским обществом (РФО) и на Всероссийских конгрессах политологов, проводимых Российской ассоциацией политической науки (РАПН). На его страницах размещаются тексты докладов участников различных конгрессов, конференций, круглых столов, а также их фото отчеты.

В планах издания – расширение круга зарубежных авторов, создание специальных молодежных выпусков, составителями и авторами которых станут студенты и магистранты, участвующие в работе Молодежного Совета РАПН, предоставление места для размещения научных публикаций Евразийского научно-исследовательского

Института Человека (ЕНИИЧ), сотрудничество с Народным университетом российского конституционализма при Ельцин-Центре.

ЖУРНАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

2001-2015	Кол-во
Номеров (выпусков)	19
Печ. листов	417
Страниц	3276
Статей	891
Интервью	19
Количество публикаций наиболее активных авторов	
Александров А.А.	2
Аманова Л.М.	2
Андрюхина Л.М.	6
Берсенев В.Л.	4
Богомяков В.Г.	3
Булекбаев С.Б.	5
Вершинин С.Е.	2
Воробьев А.М.	5
Гаврилова М.В.	8
Гагарин А.С.	7
Гайда А.В.	2
Главацкий М.Е.	3
Гладкова И.В.	4
Глушкова С.И.	2
Грибовод Е.Г.	7
Дьякова Е.Г.	12
Емельянов Б.В.	19
Ершов Ю.Г.	2
Железняк В.Н.	2
Жукоцкий В.Д.	2
Зайнетдинова Р.А.	4
Зубарев С.М.	3
Ильин М.В.	3
Ильченко М.С.	4
Ионайтис О.Б.	5
Ишменев Е.В.	5
Казанцев М.Ф.	10
Киселев К.В.	14
Ковалева Д.М (Ковба)	4
Коваленко Е.Н.	5
Кожемякин Е.А.	15
Комлева Н.А.	8

Коркунова О.В.	8
Коряковцев А.А.	3
Кузнецов А.С.	7
Куликов В.Б.	2
Лобовиков В.О.	17
Любути К.Н.	14
Малинова И.П.	3
Мальшев М.А.	14
Мартъянов С.В.	10
Матвеева А.И.	2
Мирошников Ю.И.	2
Модель И.М., Модель Б.С.	4
Моисеенко Я.Ю.	3
Москвин Д.	2
Мошкин С.В.	12
Мухаметов Р.С.	6
Наумова Т.В.	3
Некрасов С.Н.	14
Олову Е.М.	17
Олянич А.В.	12
Подвинцев О.Б.	2
Романов А.В.	3
Романова К.С.	20
Руденко В.Н.	9
Русаков В.М.	12
Русакова О.Ф.	50
Саранчин Ю.К.	4
Спасский А.Е.	8
Степанова Е.А.	3
Стровский Д.Л.	3
Трахтенберг А.Д.	9
Трескова П.П.	2
Уфимцев В.В.	6
Фадеичева М.А.	16
Фан И.Б.	16 (2 статьи + 14 интервью)
Фишман Л.Г.	8
Фурсов К.К.	3
Хмелинин А.А.	3
Чемякин Ю.В.	9

1. Русакова О.Ф. Что за «Дискурс-ПИ»? // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Вып. 1. Дискурс власти и власть дискурса. Екатеринбург, 2001.

2. Наиболее последовательно наполняет ее д. ф. н.,

профессор А. С. Гагарин.

3. Бессменным автором и ведущим специалистом здесь выступает д. ф. н., профессор В. О. Лобовиков.

4. Здесь находили возможность замолвить слово за методологическую культуру такие мэтры и признанные авторы как М. В. Ильин, В. Л. Берсенев, так и молодые исследователи – А. С. Кузнецов, Е. В. Ишменев, А. Е. Спаский.

5. Всеобщее признание получила высококвалифицированная работа доктора политических наук И. Б. Фан, которая подготовила и провела целую серию замечательных интервью с известными российскими и зарубежными учеными.

6. Рубрика, ставившая своей задачей привлечь внимание к диагностированию актуальных процессов в культуре, политике, обществе. Большой вклад внесли д. ф. н., профессор И. М. Модель, к. ф. н., доцент Б. С. Модель.

7. Неизменный интерес к этой рубрике обусловлен всегда яркими работами д. политических н., профессора С. В. Мошкина.

8. Разумеется, рубрика нацеливалась на исследование роли СМИ и вообще проблемы медиатизации политики и социальной жизни современного общества, поэтому было логично, что ее постоянными авторами выступают, прежде всего, ученые факультета журналистики УрГУ – д. ф. н., проф. В. Ф. Олешко, д. ф. н., проф. Д. Л. Стровский, к. политических наук, доцент Ю. В. Чемякин, философы и политологи д. п. н. Е. Г. Дьякова, к. полит. н., доц. А. Д. Трахтенберг и др.

9. Политические технологии стали, своего рода, знаком нашей эпохи и способом организации политической жизни.

10. Оригинальность рубрике неизменно придают работы д. филос. н., профессора С. Н. Некрасова.

11. Историко-философские интересы к изучению как прошлой, так и современной философской мысли нашли выражение в этой рубрике, постоянным автором которой выступают признанные специалисты – д. ф. н., проф. К. Н. Любути, д. ф. н., проф. Б. В. Емельянов и др.

12. Эта рубрика была призвана утолить жажду именно в многообразных междисциплинарных исследованиях, которые очень часто не вмещает в себя не лишняя косности официальная рубрикация философского и социально-политического знания.

13. О замечательных особенностях и традициях творческой атмосферы Уральской философской школы см.: Емельянов Б. В., Русаков В. М. Уральская философская школа: 1965–2005 гг. Екатеринбург, 2005. – 120 с.

14. Рубрика «Поэтик» – пала первой жертвой новых требований, когда альманах вынужден был перекалцироваться в научный журнал (См.: Дискурс-Пи. Научный журнал. Выпуск 13. Дискурс мобильности. Екатеринбург, 2013: «Редакция рекомендует авторам придерживаться стилистики научного дискурса»).

15. Е. М. Олову с первого выпуска альманаха ведет рубрику «Новые книги по философии, политологии, социологии и праву». Об этой традиции первого русского философского журнала: Емельянов Б. В., Русаков В. М., Шляпугина Р. Я. «Вопросы философии и психологии» – первый русский философский журнал (1889–1918). Екатеринбург, 1001. – 136 с.

16. См.: Фадеичева М. А. Дискурс научной конфе-

ренции «Дискурсология: Методология. Теория. Практика» // Дискурс-Пи. Научный журнал. Вып. 11–12. 2013. Екатеринбург, 2013. С. 294–297.

17. См.: Русакова О.Ф. Навстречу первой в России международной конференции по изучению Soft Power // Дискурс-Пи. Научный журнал. № 1 (14) 2014. Екатеринбург, 2014. С. 10–11.

18. См.: Русаков В.М. VI научная конференция «Дискурс травелога» // Дискурс-Пи. Научный журнал. Вып. 11–12. Екатеринбург, 2013. С. 288–289.

19. Русакова О.Ф. Альманаху Дискурс-Пи – 10 лет! // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Вып. 9–10. Екатеринбург, 2010. С. 14.

20. Нельзя не отметить, например, вклад А.А. Панова, разработавшего оригинальный дизайн-макет первых выпусков альманаха, которого редакция придерживается до сих пор. Не менее важен вклад А.Е. Спасского в задание высоких полиграфических стандартов, которые также придают журналу узнаваемость.

21. См.: Гриценко В.П. «Власть дискурса» (Чем пленяет «Дискурс-Пи») // Полис, 2006, № 4; Гиренко Ю. Этюды о власти // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований, М., 2002, № 2 (21); Якубовский А. Скромное обаяние дискурса // Наука Урала, март 2003, № 6; Подкорытова Н. Политологом можешь ты не быть, но почитать журнал... // Областная газета, 22 января 2004; Королев А.Д., Чумаков А.Н., Ярошук Н.З. Дискурс-Пи. Выпуск 4: Россия лицом к Востоку // Вестник Российского Философского Общества, М., 2005, № 1 (33); Юров В. Россия лицом к Востоку // Большая Медведица, 2005, № 1 (3).

1. Rusakova O.F. Chto za «Diskurs-Pi»? // Diskurs-Pi. Nauchno-prakticheskij al'manax. Vyp. 1. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Ekaterinburg, 2001.

2. Naibolee posledovatel'no napolnyaet ee d.f.n., professor A.S. Gagarin.

3. Bessmennym avtorom i vedushhim specialistom zdes' vystupaet d.f.n., professor V.O. Lobovikov.

4. Zdes' naxodili vozmozhnost' zamolvit' slovo za metodologicheskuyu kul'turu takie me'try i priznannye avtory kak M.V. Il'in, V.L. Bersenev, tak i molodye issledovateli – A.S. Kuznecov, E.V. Ishmenev, A.E. Spasskij.

5. Vseobshhee priznanie poluchila vysokokvalificirovannaya rabota doktora politicheskix nauk I.B. Fan, kotoraya podgotovila i provela celuyu seriyu zamechatel'nyx interv'yu s izvestnymi rossijskimi i zarubezhnymi uchenymi.

6. Rubrika, stavivshaya svoej zadachej privilech' vnimanie k diagnostirovaniyu aktual'nyx processov v kul'ture, politike, obshhestve. Bol'shoj vklad vnesli d.f.n., professor I.M. Model', k.f.n., docent B.S. Model'.

7. Neizmennyj interes k e'toj rubrike obusloven vseгда yarkimi rabotami d.politicheskix n., professora S.V. Moshkina.

8. Razumeetsya, rubrika nacelivalas' na issledovanie roli SMI i voobshhe problemy mediatizacii politiki i social'noj zhizni sovremennogo obshhestva, poe'tomu bylo logichno, chto ee postoyannymi avtorami vystupayut, prezhde vsego, uchenye fakul'teta zhurnalistiki UrGU – d.f.n., prof. V.F. Oleshko, d.f.n., prof. D.L. Strovskij, k.politicheskix nauk, docent Yu.V. Chemyakin, filosofiy i politologi d.p.n. E.G. D'yakova,

k.polit.n., doc. A.D. Traxtenberg i dr.

9. Politicheskie texnologii stali, svoego roda, znakom nashej e'poxi i sposobom organizacii politicheskoy zhizni.

10. Original'nost' rubrike neizmenno pridayut raboty d.filos.n., professora S.N. Nekrasova.

11. Istoriko-filosofskie interesy k izucheniyu kak proshloj, tak i sovremennoj filosofskoj mysli nashli vyrazhenie v e'toj rubrike, postoyannym avtorom kotoroj vystupayut priznannye specialisty – d.f.n., prof. K.N. Lyubutin, d.f.n., prof. B.V. Emel'yanov i dr.

12. E'ta rubrika byla prizvana utolit' zhazhdu imenno v mnogoobraznyx mezhdisciplinarnyx issledovaniyax, kotorye ochen' chasto ne vmeshhaet v sebya ne lishennaya kosnosti oficial'naya rubrikaciya filosofskogo i social'no-politicheskogo znaniya.

13. O zamechatel'nyx osobennostyax i tradiciyax tvorcheskoj atmosfery Ural'skoj filosofskoj shkoly sm.: Emel'yanov B.V., Rusakov V.M. Ural'skaya filosofskaya shkola: 1965–2005 gg. Ekaterinburg, 2005. – 120 s.

14. Rubrika «Poe'tik» – pala pervoj zhertvoj novyx trebovanij, kogda al'manax vynuzhden byl perekvalificirovat'sya v nauchnyj zhurnal (Sm.: Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. Vypusk 13. Diskurs mobil'nosti. Ekaterinburg, 2013: «Redakciya rekomenduet avtoram priderzhivat'sya stilistiki nauchnogo diskursa»).

15. E.M. Olovu s pervogo vypuska al'manaxa vedet rubriku «Novye knigi po filosofii, politologii, sociologii i pravu». Ob e'toj tradicii pervogo russkogo filosofskogo zhurnala: Emel'yanov B.V., Rusakov V.M., Shlyapugina R.Ya. «Voprosy filosofii i psixologii» – pervyj russkij filosofskij zhurnal (1889–1918). Ekaterinburg, 1001. – 136 s.

16. См.: Fadeicheva M.A. Diskurs nauchnoj konferencii «Diskursologiya: Metodologiya. Teoriya. Praktika» // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. Vyp. 11–12. 2013. Екатеринбург, 2013. С. 294–297.

17. См.: Rusakova O.F. Navstrechu pervoj v Rossii mezhdunarodnoj konferencii po izucheniyu Soft Power // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. № 1 (14) 2014. Екатеринбург, 2014. С. 10–11.

18. См.: Rusakov V.M. VI nauchnaya konferenciya «Diskurs traveloga» // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. Vyp. 11–12. Екатеринбург, 2013. С. 288–289.

19. Rusakova O.F. Al'manaxu Diskurs-Pi – 10 let! // Diskurs-Pi. Nauchno-prakticheskij al'manax. Vyp. 9–10. Екатеринбург, 2010. С. 14.

20. Nel'zya ne otmetit', naprimer, vklad A.A. Panova, razrabotavshego original'nyj dizajn-maket pervyx vypuskov al'manaxa, kotorogo redakciya priderzhivaetsya do six por. Ne menee vazhen vklad A.E. Spasskogo v zadanie vysokix poligraficheskix standartov, kotorye takzhe pridayut zhurnalu uznavaemost'.

21. См.: Gricenko V.P. «Vlast' diskursa» (Чем пленяет «Дискурс-Пи») // Полис, 2006, № 4; Гиренко Ю. Этюды о власти // Обшhaya tetrad'. Vestnik Moskovskoj shkoly politicheskix issledovaniy, М., 2002, № 2 (21); Yakubovskij A. Skromnoe obayanie diskursa // Nauka Urala, mart 2003, № 6; Podkorytova N. Политологом можешь ты не быт', но почитать журнал... // Oblastnaya gazeta, 22 yanvarya 2004; Korolev A.D., Chumakov A.N., Yaroshhuk N.Z. Diskurs-Pi. Vypusk 4: Rossiya licom k Vostoku // Vestnik Rossijskogo Filosofskogo Obshhestva, М., 2005, № 1 (33); Yurov V. Rossiya licom k Vostoku // Bol'shaya Medvedica, 2005, № 1 (3).

UDC 001 + 323.3 + 378

«DISCOURSE-P» 2001–2015: THE HISTORY OF MODERNITY THROUGH SCIENTIFIC JOURNAL

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Institute of Finance and Law,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article is devoted Bibliographic analysis of the scientific journal «The discourse of Pi» in the 15 years of its existence. Scientific journal «The discourse of Pi» began as an almanac (yearbook), the organ of the Ural school of philosophy at the turn of the 90s and 2000s. He combined a wide range of scientific and educational community, held a variety of theoretical research in search of a new methodological tools. The magazine has expressed the urgent need to address the shortage of methodological culture, the growth of attention to interdisciplinary research and preservation of humanistic sense of modern Russian social and philosophical and methodological theorizing.

Key words:

discourse-Pi, scientific journal, methodology, discourse analysis, Ural school of philosophy, modern philosophy, Russian philosophy.

УДК 659.4

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «ТЕКСТ» И «ДИСКУРС» В СОВРЕМЕННОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Селезнева Лариса Васильевна,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы РГСУ (Российский государственный
социальный университет),
E-mail: loramuz@yandex.ru

Тортунова Ирина Анатольевна,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы РГСУ (Российский государственный
социальный университет),
E-mail: tortunova@yandex.ru

Аннотация

В статье дается обзор современных концепций, рассматривающих понятия «дискурс» и «текст» с точки зрения семиотики. Авторы исследуют разные подходы к дискурсу и соотносят его с текстом на основе лингвистических критериев. В статье показано становление дискурсивного направления в условиях противоборства формального и функционального взглядов на природу языка. Семиотика стала одной из тех наук, которая способствовала формированию дефиниции дискурса. В рамках семиотики текст предстает в его непосредственной взаимосвязи и соотносительности с дискурсом. Методологической базой исследования стали работы Э. Бенвениста, Ф. де Соссюра, М. Бахтина, В. Миловидова, Ю. Лотмана, П. Гальперина, Е. Кубряковой и др.

Ключевые слова:

дискурс, текст, семиотика, лингвистика текста.

Одним из основных исходных понятий семиотики является текст, однако общая тенденция семиотических исследований уже выходит за его рамки и заключается, по определению В.А. Миловидова [14, с. 98], в направлении от семиотики текста к семиотике дискурса. Это связано с тем, что, во-первых, термин «текст» применяется к разным явлениям общественной

культуры и может не иметь прямого отношения к естественному языку: это осмысленная последовательность любых знаковых единиц, поэтому текстом считают и ритуал, и обряд, и картины, и музыкальное произведение; во-вторых, несмотря на присущую семиотике экстраполяцию частных принципов на весь объект, на семиотические исследования оказы-

вает влияние многосторонняя трактовка дискурса, выводя их во внеязыковую реальность.

Очевидно, что единого лингвистического критерия для определения текста научные исследования не выявили до сих пор. Так, М.М. Бахтин считает текстом «знаковый комплекс, относящийся к высказываниям и имеющий те же признаки, что и высказывание» [3, с. 98]. Ю.М. Лотман утверждает, что текст есть «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как трансформационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [12, с. 130]. П.Я. Гальперин определяет текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [5, с. 18]. Е.С. Кубрякова предлагает называть текстом «информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» и отмечает, что «в известных условиях самодостаточным оказывается и отдельно взятое предложение и даже отдельное высказывание (имплицитное предикат, но не содержащее его в явной форме). Таковы, например, тексты заголовков или названий произведений живописи... Тексты такого рода «информационно, самодостаточны для интерпретации, имеют своего адресата и преследуют вполне ясные цели» [11, с. 76]. Б. Успенский дает такое определение текста: «Текст может рассматриваться как сложный знак, образуемый в речи сочетанием разного рода языковых знаков; в свою очередь, сообщение может рассматриваться как обозначаемое (сигнификат) или содержание текста» [18, с. 97–98].

Термин «дискурс» давно укрепился в науке, и уже нет необходимости обосновывать законность его употребления. Однако использование его в разных областях, изучающих

принципиально разные предметы, обусловило и различное толкование этого термина. Само слово «дискурс» происходит от латинского *discursus* – бегание взад-вперед; движение, круговорот, беседа, разговор. Во французском и английском языке *discourse* употребляется в значении «речь, беседа, трактат, рассуждение, слова», наряду и с более привычными словами *speech, parole*. Так, Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики», рассматривая соотношение языка и речи, использует слово «*parole*», под которым понимает индивидуальную часть речевой деятельности (*langage*). Э. Бенвенист, напротив, практически не употребляет слово «*parole*», а предпочитает ему *discours* в значении «речь». В качестве лингвистического термина слово было употреблено при анализе языка рекламы З. Хэррисом, а применительно к таким наукам, как логика, философия, социология и социальная семиотика, «дискурс» стал термином благодаря Ю. Хабермасу. Первоначальная многозначность термина предопределила и дальнейшее активное расширение семантики.

Становление теории дискурса и, в частности, активизация лингвистических и семиотических исследований в этом направлении, приходится на 50-е годы XX века, на период смены научных парадигм. Расширение информационного поля оказало огромное влияние на развитие семиотики текста. В рамках печатных, медийных и виртуальных СМИ были созданы новые формы и жанры текстов, размыты традиционные границы. Активное развитие языка рекламы дополнило жанровую палитру. Синтез текстов привел и к синтезу научных дисциплин. Так, Дэвид Кристал отмечает, что поиск постоянных лингвистических единиц и структур находится в центре внимания ученых, представляющих различные дисциплины. Например, лингвисты исследуют те средства языка, которые связывают предложения. Социологи изучают структуру социального взаимодействия, в первую очередь в рамках двусторонней коммуникации. Этнографы акцентируют внимание на соотношении традиций и культур разных народов. Структура мифов и сказок оказывается в цен-

тре внимания антропологов. Психологи проводят эксперименты для выяснения ментальных процессов, лежащих в основе миропонимания и исследования окружающей действительности. А знания специалистов, работающих в когнитивной науке, охватывают все вышеупомянутые области.

Изменение парадигмы научного знания связано, как отмечают ученые, с появлением новой онтологии, т. е. иного научного способа вычленения и представления предмета анализа. На смену механической онтологии, которую Ром Харрэ и Грант Жилет условно назвали «онтологией Ньютона», пришла новая «онтология Выготского». Изменились объекты исследования, система координат при их описании: вместо предметов и событий единицами исследования стали речевые акты и дискурс, при этом описание пространственно-временных рамок объекта сменили социально-психологические характеристики – кто сказал, кому, как, о чем, с какой целью. Интенсивное исследование языка в разных гуманитарных науках (филологии, культурологии, социологии, семиотики, литературоведения, социолингвистики, прагматики, когнитивной лингвистики и т. д.) и выбор в качестве методологического основания научного анализа языка или дискурса позволило российским ученым вслед за Ромом Харрэ говорить о лингвистическом или дискурсивном перевороте (И. П. Ильин, Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина, М. Л. Макаров, В. З. Панфилов, Г. В. Степанов, В. Е. Чернявская и др.).

Таким образом, в условиях дискурсивного переворота был определен новый объект исследования – дискурс. В настоящее время это одно из частотных понятий, которое имеет множество интерпретаций и подходов. А. А. Кибрик замечает, что, возможно, именно отсутствие общепризнанного определения «дискурса» способствовало его широкой популярности, «приобретенной этим термином за последние десятилетия: связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке» [9].

Разнонаправленность дискурсивных исследований показывает классификация О. Ф. Русаковой, которая выделяет шесть основных подходов к интерпретации дискурса: 1. лингвистический подход, который рассматривает языковую сторону дискурса; 2. кратологическую интерпретацию, получившую распространение в социологии и связанную с именем Мишеля Фуко, который интерпретировал дискурс как мощный ресурс, обладающий властно-принудительной силой; 3. семиотические концепции, в рамках которых дискурс выступает как знаково-символическое образование, как культурный код; 4. социально-коммуникативную трактовку, определяющую коммуникативные цели и социальные функции дискурса; 5. постмодернистское направление, рассматривающее дискурс как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходит переформатирование реальности и конструирование новой; 6. комбинированный подход, соединяющий различные трактовки дискурса [15, с. 340]. Если исходить из постулатов науки, в чей терминологический аппарат входит понятие дискурс, то, безусловно, можно выделить и большее количество направлений.

Постепенное введение нового объекта лингвистического исследования и становление дискурсивного направления проходило в условиях противоборства формального и функционального взглядов на природу языка. Принцип формализма в подходе к языку был нацелен на изучение структурных особенностей и не учитывал функционирование языка и влияние его употребления на структуру. Функционализм противопоставил этому изучение языка не только изнутри, в терминах его формальных свойств, но и извне, в социокультурном контексте. Язык рассматривался с точки зрения его функции в человеческой коммуникации, как одна из его систем, а не как множество структурных описаний предложений. Главной функцией языка, по мнению функционалистов, является инструментальная функция, т. е. язык воспринимается как инструмент речевого взаимодействия людей, и в центре внимания находятся типы речевых действий, средства, используемые языками

для указания на ситуации (и их участников) в дискурсе. Таким образом, возникновение в 70-е годы функционализма способствовало активному исследованию дискурса и развитию дискурсивного направления, или дискурсивной парадигмы. «Главная особенность всего дискурсивного направления, – как отмечает Е. С. Кубрякова, – убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию» [11, с. 10].

Функционализм расширил пространство исследования и поставил под сомнение возможность изучения дискурса только лингвистическими методами и средствами. Как отмечала Д. Шиффрин, формальный и функциональный подход к языку приводит нас «в два разных аналитических мира – в пределах и вне лингвистики, которые трудно объединить» (This means that dealing with both can take us into two different analytical worlds – inside and one outside of linguistics – that are often difficult to integrate [20, с. 39]). Семиотика стала одной из тех наук, которая способствовала формированию дефиниции дискурса.

В рамках семиотики также нет однозначного понимания этого термина. С одной стороны, его отождествляют с семиотическими процессами, в том числе с такими неязыковыми процессами, как ритуал, рисованный комикс, кинофильм. В некоторых европейских языках дискурс употребляют в качестве синонима слова текст, т. к. отсутствует эквивалент франко-английского термина дискурс. С другой стороны, под дискурсом подразумевают высказывание-результат. Альгирдас Греймас и Жозеф Курте в объяснительном словаре по семиотике, выделяя эти два определения дискурса, все же отмечают его многозначность. Они считают, что и определенная область семиотических факторов, в силу социальной коннотации, может быть названа дискурсом, например, литературный или философский дискурс [6, с. 483–550].

Одной из важных теоретических предпосылок для семиотического исследования дискурса были работы Эмиля Бенвениста. Он рассматривал язык как систему с наиболее

ярко выраженным семиотическим характером. Это объясняется и формальной структурой языка, и особенностями его функционирования. По своей структуре язык состоит из отдельных единиц, каждая из которых является знаком. При этом он подчеркивал, что любая единица языка воспринимается не сама по себе, а в составе единицы более высокого уровня. В докладе «Уровни лингвистического анализа», прочитанном на IX международном конгрессе лингвистов в 1962 г., была представлена вертикальная иерархия языковых ярусов, заканчивающаяся предложением. Несмотря на то, что иерархия оказалась неполной, впоследствии она была дополнена уровнями выше предложения, которые именовались по-разному (гиперсинтаксис, супрасинтаксис, связный текст), однако значимы были идеи Бенвениста о том, что предложение является таким уровнем интеграции языковых знаков, на котором заканчивается «область языка как системы знаков» и начинается пространство языка как средства общения: «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь (le discours)» [4, с. 139].

Р. Барт позже писал, что отрезки текста от предложения и выше должны описываться в рамках транслингвистики, которую он рассматривал как раздел семиотики. Иерархическую структуру от предложения и выше он назвал миром связного текста, что вполне сопоставимо с понятием дискурс: «За пределами предложения, в мире связного текста, смысл неизбежно приобретает референциальный характер, он определяется той или иной конкретной ситуацией, без учета которой соответствующая коммутация невозможна» [2, с. 443].

Рассматривая функционирование языка, Бенвенист писал о проблемах коммуникации и, в современной интерпретации, – о дискурсе. Под дискурсом он понимал всякое высказывание, которое состоит из говорящего с его намерением воздействовать на слушающего, слушающего и самой ситуации, в которой реализуется дискурс. При этом он отмечает

три типа отношений, которые проявляются в высказывании: 1) отношения, устанавливающиеся между говорящим и языком, что определяет языковые черты высказывания; 2) отношение с реальным миром (референция): «Действительность *производится заново* при посредничестве языка» [4, с. 140]; 3) отношение с собеседником: «*Всякий акт высказывания является, эксплицитно или имплицитно, обращением к кому-либо, он постулирует наличие собеседника*» [4, с. 142]. Тем самым подчеркивается процессуальный характер дискурса: высказывание, которое создает говорящий, с одной стороны, определяется дискурсом (т. е. тремя типами отношений, в которые вступает говорящий), а с другой стороны – определяет дискурс для слушающего (т. е. для слушающего при помощи высказывания воссоздается некая действительность).

Развивая идею процессуальности, А. Греймас и Ж. Курте рассматривают дискурс как перспективу, «которая ведет от начального состояния к состоянию конечному» [6, с. 483–550]. Это означает, что в основе дискурса лежит последовательность трансформаций, т. е. соотношений двух или нескольких семиотических объектов. Таким образом, дискурс в семиотике воспринимается как акт-высказывание, как процесс.

С семиотикой связан и коммуникативный подход к исследованию дискурса. Как отмечает Л. М. Землянова, «в коммуникативистике понятие дискурсивности ассоциируется с коммуникабельностью текста как ткани, фактуры и структуры многообразных языков информации в их речевом проявлении в разных социокультурных контекстах. В качестве дискурсов изучается разнообразная информация – от газетно-журнальных текстов до театрально-сценических, фотографических, телевизионно-кинематографических, живописных, архитектурных, балетных и других образных языков общения в действии и проявлениях» [7, с. 54]. Теория коммуникации лежит и в основе определения, предложенного Е. О. Менджеричкой, предполагающей, что дискурс – это «передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом адресату через посредство текста

в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации» [13, с. 123].

Дискурс представляет собой сложное явление. Разнообразие подходов к его исследованию и употреблению термина обуславливают множество дефиниций. Авторы определяют объем и содержание термина, указывают ракурсы анализа. В современной науке дискурс определяется как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами [1, с. 136–137], как текст, погруженный в ситуацию реального общения [8], как «язык в языке», особый мир [16, с. 44], как вербализованная речемыслительная деятельность [10, с. 113–114] и т. д.

На соотношение дискурса и текста существуют различные точки зрения. 1. Текст рассматривают как фрагмент дискурса, как его элементарную (базовую) единицу или одну из сфер существования дискурса. 2. Дискурс рассматривается как целый текст или совокупность объединенных каким-либо признаком текстов. 3. Текст воспринимается как определенный результат функционирования дискурса, как «информационный след» дискурса, как «свернутый» дискурс», а дискурс – как процесс текстопостроения и рецепции текста. 4. Дискурс и связный текст используются как равнозначные понятия. Так, например, Р. Барт называет связным текстом (*discours*) «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку (*langue*)» [3, с. 446].

Проанализировав различные определения текста и соотношение его с дискурсом, можно говорить о двух подходах к тексту в рамках семиотики. Представление о тексте как статическом продукте дискурса позволяет определить его как последовательность вербальных (словесных) знаков. Рассматривая тексты как осмысленную совокупность словесных знаков, выделяют три основных условия существова-

ния текста: выраженность, отграниченность, структурность.

Выраженность – это реализация языковой знаковой системы в двух формах: письменной и устной. В письменной форме базовой формой выражения являются графические знаки. В устной форме это могут быть тексты устных выступлений (про них часто говорят «текст доклада/сообщения/речи»), а также тексты, записанные на звукозаписывающей аппаратуре и предназначенные для прослушивания. Отграниченность представляет собой наличие у текста границы, которая бывает пространственной (т. е. пространством между текстами) или временной (начало и конец текста). Это отличает текст от такого знакового образования, как язык. Структурность – внутренняя организация текста. Текст не является только некой последовательностью знаков, расположенных между двумя границами, как, например, алфавит или случайный набор знаков. Тексту присуща структурная целостность, т. е. наличие композиции [16].

Всякий текст, будучи совокупностью знаков, выполняет три важнейшие основные функции: 1) креативная функция заключается в том, что у текста есть инициатор высказывания (автор, составитель, организатор); 2) референтная функция: у текста есть смысл, т. е. в данной совокупности знаки нечто сообщают; 3) рецептивная функция: у текста есть потенциальный адресат, т. е. кем-то этот смысл может быть понят.

Ю. М. Лотман выделяет также функцию памяти, которая воплощается в том, что текст сохраняет информацию о произошедшем: «текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах» [12, с. 115]. В разных коммуникациях словесный текст выполняет еще и дополнительные функции. Так, например, Р. Барт отмечает, что в рекламе словесный текст выполняет функции закрепления смысла изображения, в комиксах – функцию связывания [3, с. 445]. Такой подход сближает текст с высказыванием и игнорирует принципиальное различие между письменным

и устным модусами. Что само по себе важно для определения текста, например, в рамках лингвистики текста, которая настаивает на отнесении понятия текст только к письменным документам.

В ракурсе идей динамического подхода текст рассматривается как продукт дискурсивной деятельности, ее результат. Текст раскрывает свой динамический характер и воспринимается уже не как статичный объект, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции. По мнению Ю. М. Лотмана, текст воспринимается благодаря пересечению трех компонентов: презумпции создателя, презумпции аудитории и определенных структурных признаков, которые воспринимаются как сигналы текста [13, с. 118]. Отношения автор (адресант) – читатель (адресат) Ю. М. Лотман уподоблял чтению палиндрома: если для автора логическая последовательность создания текста заключается в схеме *мысль (содержание текста) → кодирующий механизм языка → текст*, то для читателя характерна обратная последовательность *текст → кодирующий механизм языка → мысль (содержание текста)*. При этом возможно два типа отношений между читателем и текстом: *понимание* и *непонимание*. Понимание достигается прежде всего наличием единого кода, т. е. языка, на котором написан текст. Но любое понимание предполагает и непонимание одновременно, ведь читатель «вносит в текст *свою* личность, *свою* культурную память, коды и ассоциации. А они никогда не идентичны авторским» [12, с. 119].

Таким образом, в рамках семиотики все чаще текст рассматривается в его непосредственной взаимосвязи и соотносительности с дискурсом, и анализ данного двуединого феномена выстраивается, как правило, на основе представления о тексте как одной из составляющих дискурса. Как писал Р. Якобсон, «ни одну разновидность человеческого языка... нельзя понять, не обратившись к «миру дискурса» (выражение Ч. Пирса), иначе говоря, соотношению дискурса и условий его осуществления...» [19, с. 81]. При этом семиотика дискурса, которая пришла на смену семиотике текста, ставит перед собой задачу изучения

как лингвистических механизмов текста, так и структурирования смыслов говорящим, при этом акцент делается на лингвистические механизмы текста, на смысловые предпосылки и смысловые последствия дискурса как процесса текстопостроения.

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. с. 136–137.

2. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / Составление, общая редакция и вступительная статья Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – с. 442–462.

3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожин. – М.: Худож. лит., 1986. – с. 428–472.

4. Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с фран. / Общ. ред., вст. ст. и комм. Ю.С. Степанова. М.: Либроком. – 2010. – 448 с.

5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.

6. Греймас А. – Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / Составление, вступит. статья и общая редакция Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – с. 483–550.

7. Землянова Л.М., Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во МГУ, 2004. – 652 с.

8. Карасик В.И. О типах дискурса // URL:/http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/.

9. Кибрик А.А., Кибрик А., Паршин П. Дискурс // Онлайн энциклопедия Кругосвет // URL:/http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html.

10. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гносиз. – 375 с.

11. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. Научно-информ. Исслед. Отд. языкознания. Редкол.: С.А. Ромашко, отв. ред и др. М., 2000. с. 10.

12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. – 448 с.

13. Менджеричкая Е.О. Когнитивный синтаксис современного английского языка: предмет и принципы анализа // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ, 1996, с. 117–124.

14. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу. Тверь: Твер.гос.ун-т, 2000. – 98 с.

15. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. – 340 с.

16. Селезнева Л.В. Целостность дискурса как лингвистическая проблема // Филология и человек. – 2012 – № 2. – с. 7–18.

17. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей / Под ред. академика Ю.С. Степанова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – с. 35–73.

18. Успенский, Б.А. Ego Loguens: Язык и коммуникативное пространство. – М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 320 с.

19. Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

20. Schiffrin D. The language of discourse: Connections inside and out // Text. vol. 10. 1990.

1. Arutyunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / glav. red. V.N. Yarceva. – M.: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya», 2002. s. 136–137.

2. Bart R. Lingvistika teksta // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta / Sostavlenie, obshhaya redakciya i vstupitel'naya stat'ya T.M. Nikolaevoj. – M.: Progress, 1978. – s. 442–462.

3. Baxtin M.M. Problema rechevyx zhanrov // Literaturno-kriticheskie stat'i / Sost. S. Bocharov i V. Kozhinov. – M.: Xudozh. lit., 1986. – s. 428–472.

4. Benvenist E'. Obshhaya lingvistika: per. s fran. / Obshh. red., vst. st. i komm. Yu.S. Stepanova. M.: Librokom. – 2010. – 448 s.

5. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Editorial URSS, 2005. – 144 s.

6. Grejmas A. – Zh., Kurte Zh. Semiotika. Ob'yasnitel'nyj slovar' teorii yazyka // Semiotika / Sostavlenie, vstupit. stat'ya i obshhaya redakciya Yu.S. Stepanova. – M.: Raduga, 1983. – s. 483–550.

7. Zemlyanova L.M., Kommunikativistika i sredstva informacii: Anglo-russkij tolkovyj slovar' koncepcij i terminov. M.: Izd-vo MGU, 2004. – 652 s.

8. Karasik V.I. O tipax diskursa // URL:/http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/.

9. Kibrik A.A., Kibrik A., Parshin P. Diskurs // Onlajn e'nciklopediya Krugosvet // URL:/http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html.

10. Krasnyx V.V. «Svoj» sredi «chuzhix»: mif ili real'nost'. M.: Gnosiz. – 375 s.

11. Kubryakova E.S. O ponyatiyax diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funkcional'nye i strukturnye aspekty: sb. obzorov / RAN INION. Centr gumanitar. Nauchno-inform. Issled. Otd. yazykoznanija. Redkol.: S.A. Romashko, отв. red i dr. M., 2000. s.10.

12. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashix mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. – 448 s.

13. Mendzherickaya E.O. Kognitivnyj sintaksis sovremennogo anglijskogo yazyka: predmet i principy analiza // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya. Vyp. 1. M.: Izd-vo MGU, 1996, s. 117–124.

14. Milovidov V.A. Ot semiotiki teksta k semiotike diskursa: Posobie po spekursu. Tver': Tver.gos.un-t, 2000. – 98 s.

15. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-diskurs: teoretiko-metodologicheskij analiz. Ekaterinburg: UrO RAN, Institut mezhdunarodnyx svyazej, 2008. – 340 s.

16. Selezneva L.V. Celostnost' diskursa kak lingvisticheskaya problema // Filologiya i chelovek. – 2012 – № 2. – s. 7–18.

17. Stepanov Yu.S. Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip Prichinnosti // Yazyk i nauka konca 20 veka: sb. statej / Pod red. akademika Yu.S. Stepanova. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995. – s. 35–73.

18. Uspenskij, B.A. Ego Loguens: Yazyk i kommunikativnoe prostranstvo. – M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2007. – 320 s.

19. Jakobson R. Raboty po poe'tike: perevody / Sost. i obshh. red. M.L. Gasparova. – M.: Progress, 1987. – 464 s.

20. Schiffrin D. The language of discourse: Connections inside and out // Text. vol. 10. 1990.

UDC 659.4

TO THE QUESTION ABOUT THE RELATIONSHIP OF THE TERMS «TEXT» AND «DISCOURSE» IN MODERN SEMIOTIC SCIENCE

Selezneva Larisa Vasilievna,

Candidate of Philological Sciences,
Docent of Department of Russian Language and Literature of the RSSU (Russian state social University),
E-mail: loramuz@yandex.ru

Tortunova Irina Anatolievna,

Candidate of Philological Sciences,
Docent of Department of Russian Language and Literature of the RSSU (Russian state social University),
E-mail: tortunova@yandex.ru

Annotation

The article provides an overview of the modern concepts dealing with the concept of «discourse» and «text» from the point of view of semiotics. The authors investigate different approaches to discourse and relate it to the text on the basis of linguistic criteria. The article shows the formation of discursive directions in terms of confrontation between formal and functional views on the nature of language. Semiotics is a science that contributed to the formation of definitions of discourse. In the framework of semiotics the text is presented in his immediate relationship and relationship with the discourse. Methodological basis for the research was the work of E. Benveniste, F. de Saussure, Mikhail Bakhtin, V. Milovidova, Y. Lotman, P. Galperin, E. Kubryakova, etc.

Key words:

discourse, text, semiotics, text linguistics.

УДК 330.101

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И «ЭКОНОМИКС»

Берсенёв Владимир Леонидович,

Институт экономики УрО РАН,
доктор исторических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: colbers@bk.ru

Аннотация

Возрождение политической экономии как науки и учебного предмета требует уточнения понятийного аппарата и содержания данной дисциплины применительно к настоящему времени. В статье выявляются истоки самого термина «политическая экономия» и отмечаются основные особенности этой науки в период её формирования: сочетание теории с практикой, приверженность морально-этическим принципам, наличие идеологических установок. Доказывается, что и в XX веке политическая экономия сохраняла свой исследовательский потенциал, несмотря на доминирование «экономикс», и сохраняет своё значение в настоящее время как теоретическая база экономической политики.

Ключевые слова:

политическая экономия, теория, практика, идеология, «экономикс».

Своеобразный юбилей дефиниции – 400 лет с момента публикации Антуаном де Монкретьеном (1575/76–1621) «Трактата политической экономии» – предоставил повод для очередного осмысления места данного направления экономической мысли в системе экономических наук. В связи с этим 13–14 мая 2015 г. в Москве прошёл II Международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии» (к 400-летию рождения имени), в работе которого довелось поучаствовать и автору.

В качестве центральной уже на пленарном заседании зазвучала мысль о том, что политическая экономия как отдельная наука со своими задачами, методологией и методами

исследования совершенно неоправданно была вытеснена на обочину экономического дискурса. В частности, председатель оргкомитета конгресса, д. э. н., профессор кафедры политической экономии МГУ (одной из немногих в стране!) А. В. Бузгалин представил целую программу возвращения политэкономии в образовательные программы. Другой докладчик, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) О. Ю. Мамедов выступил с лозунгом «Долой политэкономическое невежество!». В свою очередь, заведующий кафедрой политической экономии МГУ, д. э. н., профессор А. А. Пороховский назвал политэкономия «ко-

ролевой общественных наук», а академик НАН Белоруссии П. Г. Никитенко отметил «космопланетарный» характер политической экономии. Наконец, академик РАН А. И. Татаркин предложил рассматривать политико-экономическое видение общественного развития как основу научного моделирования экономической политики.

Разумеется, по ходу конгресса не обошлось без пикировки с представителями Высшей школы экономики, олицетворяющими не только в московских пределах, но и в масштабах всего российского научно-экономического сообщества пресловутую «экономикс». Сразу надо уточнить, что эта калька с английского термина, в переводе означающего экономическую науку (теорию), утвердилась в качестве самостоятельного понятия исключительно в отечественной академическо-вузовской среде. Более того, когда в начале 1990-х годов кардинальным образом менялись учебные программы подготовки экономистов, слово «экономикс», случалось, занимало своё место в расписании занятий (доводилось наблюдать лично. – *Б.В.*), а словосочетание «политическая экономия» воспринималось как нечто ретроградное и подлежащее ostracism. Сколько политэкономов-марксистов тогда в одночасье стали адептами «экономикс», история умалчивает, но факт остаётся фактом: противостояние «старого» и «нового» не обошло стороной даже терминологию.

В таком случае можно говорить об особой форме агона как символа соперничества, хотя те же философы далеко не всегда проясняют данный феномен достаточно определённо. К примеру, А. В. Яровой утверждает, что, с одной стороны, «противоречия возникают по поводу ценностей и, разрешаясь в результате агона, утверждаются в качестве основ общественной идентичности». С другой же стороны, по его мнению, «противоречивость множественности бытия не преодолевается в результате агона, а закрепляет на время определённый порядок господства...» [7, с. 37, 40].

Впрочем, всякий не-философ, не сомневаясь в значимости и первой, и второй версии участия агона в снятии каких угодно противоречий, способен заметить, что соперничество научных школ (не обязательно экономических) является свидетельством агональности науки вообще.

Более того, поскольку любая теория (концепция, доктрина и т. д.) выражается посредством соответствующим образом организованного и оформленного текста, то любую научную дискуссию можно представить в качестве проявления агонального дискурса. Вопрос лишь в том, насколько оправданным оказывается получаемый в итоге «определённый порядок господства» той или иной научной школы.

Отсюда и история противостояния политической экономии и «экономикс» – это пример агона, растянувшегося во времени и пространстве и сохраняющего свой соревновательный потенциал в перспективе. При этом, с изрядной долей условности (или шутки), первыми «политэкономами» можно называть уже древнегреческих философов. По крайней мере, понятие «экономия» или «ойкономия» (греч. οἰκονομία, то есть «домохозяйствование», «домостроительство») впервые упоминается Ксенофонтом (430–354 до н. э.), назвавшем «Οἰκονομικός» («Домострой») один из своих диалогов. Другой «Οἰκονομικός», не дошедший до наших дней, был написан Ксенократом (396–314 до н. э.). Для Аристотеля (384–322 до н. э.) и эллинистических философов конца IV – середины I в. до н. э. «экономия» уже была наукой. Кстати, хотя наиболее «политэкономична» у Аристотеля «Никомахова этика», он являлся также автором трактата «Πολιτικά» («Политика»), что не могло не повлиять на рождение термина «политическая экономия».

По крайней мере, наиболее распространённая версия предполагает, что А. де Монкретьен как знаток и поклонник античности просто соединил в определении новой науки названия двух известных произведений древнегреческих авторов. Вместе с тем на рубеже XVI–XVII веков нечто подобное уже высказывалось и другими европейскими мыслителями. В частности, Й. Шумпетер упоминает в числе «материалов, исключённых из рассмотрения» в «Истории экономического анализа», многотомный труд Иоганна Колеруса (1566–1639) под знаковым названием «Oeconomia ruralis et domestica» («Сельская и домашняя экономия») и «Sistema disciplinae politicae» («Система политических дисциплин») Бартоломео Кеккерманна (1573–1609), включавшего в свою систему и «экономия», хотя и опре-

делявшего её в традиционном духе как «дисциплину о правильном управлении домом и семьёй» [6, с. 198]. В свою очередь, Г. Д. Гловели напоминает (со ссылкой на статью Дж. Кинга 1948 г.), что за четыре года до выхода из печати трактата А. де Монкретьена словосочетание «политическая экономия» употребил, пусть и не в заглавии, некий Луи де Маэрен Тюркэ [3, с. 74]. Однако не ему, а А. де Монкретьену суждено было войти в историю науки как автору термина «политическая экономия».

Вместе с тем известно, что в цензурском разрешении на печатание труда А. де Монкретьена трижды говорится «Livres intitulés: Traité oconomique du Trafic», то есть «Книга, озаглавленная: Экономический трактат по торговле». Термин же «политическая экономия» встречается только на обложке, и больше на нём внимание не концентрируется. Возможно, уточнённое название трактата было подсказано автору кем-то из современников. В этом плане вполне объяснимым (но оправданным ли?) представляется утверждение Й. Шумпетера, что А. де Монкретьен является малозначительным автором XVII века, незаслуженно удостоенным бессмертия, а его трактат – книгой весьма посредственной и начисто лишённой оригинальности [6, с. 25, 213].

Кстати, агональность научного дискурса может сопровождаться порой невероятными сюжетами. Известно, что А. де Монкретьен вёл достаточно авантюрный образ жизни, периодически выступая то как драматург, то как дуэлянт, то как предприниматель. Дворянин, занимающийся бизнесом во Франции начала XVII века – явление достаточно экзотическое, но не в случае А. де Монкретьена. Пожив в изгнании (не того соперника убил на дуэли) на территории Англии и Нидерландов и познакомившись с зарубежными реалиями эпохи первоначального накопления капитала, будущий автор «Трактата политической экономии» по возвращении домой женился на вдове-гугенотке и принял деятельное участие в семейном предприятии. Более того, будучи католиком, он не отказал себе в удовольствии примкнуть к небольшому гугенотскому мятежу и погиб в бою. Как утверждала на конгрессе знаток биографии А. де Монкретьена, к. э. н., доцент экономического факультета МГУ М. А. Слудковская,

в этой схватке группе из шести повстанцев противостоял отряд из 20 королевских мушкетёров во главе с неким Тюрго – предком Анн Робера Жака Тюрго (1727–1781), автора трактатов «Размышления о создании и распределении богатства» и «Ценности и деньги». В них за столет до возникновения маржинализма был высказан ряд идей, предвосхитивших рождение теории предельной полезности и, впоследствии, «экономикс» как направления, заменившего политическую экономию в качестве *mainstream* экономической науки в XX веке. Так представители семейства Тюрго по-своему поучаствовали в данном агоне.

Специфика научных определений и терминов заключается в том, что их судьбу определяют не авторы, а логика познания и императивы исследовательской деятельности. Соответственно, несмотря на то, что после рождения термин «политическая экономия» был забыт на полтора столетия, пока Джеймс Стюарт (1712–1780) не выпустил в 1767 г. своё «Исследование о принципах политической экономии» («Трактат политической экономии» Жана-Батиста Сэя будет опубликовано только в 1803 г., а первая кафедра политической экономии появится в колледже Haileybury в 1805 г.), новая наука состоялась и обрела некоторые отличительные черты. Разумеется, в кратком историографическом обзоре невозможно учесть все нюансы, но, по крайней мере, несколько характерных особенностей становления канонической версии политической экономии можно выделить.

Во-первых, для неё изначально была свойственна ориентация не просто на выявление общих закономерностей хозяйственной жизни, но и на выработку практических рекомендаций по проведению экономической политики. Уже у пионеров политической экономии – меркантилистов – встречаются соответствующие названия трактатов, например, у Томаса Мана (1571–1641) – «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства». Не менее определённо звучит название у Джона Ло (1671–1729) – «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами». Собственно, и Уильям Петти (1623–1687) свой вариант трудовой теории

стоимости сформулировал в «Трактате о налогах и сборах», ориентированном на решение вполне прагматичных задач.

Конечно, по мере усложнения анализа теоретико-методологическая составляющая в произведениях политэкономов XVIII–XIX веков начинает преобладать, что не отменяет приложения получаемых выводов к хозяйственным реалиям своего времени. В этом плане переключка двух определений – «политическая экономия» и «экономическая политика» – сохраняет своё значение как отражение процесса продвижения от теории к практике и в настоящее время.

Во-вторых, произведения классиков политической экономии XVII–XIX столетий содержат разного рода морально-этические оценки исследуемых ситуаций (вопрос о наличии либо отсутствии этико-социального компонента в экономической теории всерьёз был поднят в упоминаемой А. Б. Аткинсоном [8, с. 3] заочной дискуссии между Л. Роббинсом и Дж. М. Кейнсом лишь в 1930-х годах, что было бы трудно себе представить ранее). Отсюда в качестве проблемных экономистами-теоретиками той эпохи провозглашаются глобальные вопросы бытия. В частности, в рамках классической школы политической экономии искался ответ на вопрос «Как созданная трудом стоимость («богатство нации») распределяется между классами общества?». В этом смысле даже «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (1723–1790) нельзя рассматривать как экономическое произведение в чистом виде. Известно, что А. Смит много лет преподавал нравственную философию, и с этих позиций как раз и следует воспринимать главный труд его жизни. Отсюда, кстати, неудивительно, что собственно экономический анализ присутствует в основном в первых двух частях (книгах) «Богатства народов» из пяти.

В-третьих, прагматизм в сочетании с моральными установками не мог не обуславливать идеологическую направленность трудов по политической экономии, что наиболее явственно стало проявляться уже в XIX столетии. К примеру, отнесённые Карлом Марксом (1818–1883) к числу «вульгарных» политэкономы первой половины XIX в. (Дж. Милль, Т. Р. Мальтус, Н. У. Сениор и др.) уже стремились, скорее,

не объяснить, а оправдать факт эксплуатации рабочих, а причины и источники возникновения доходов различных классов трактовали местами весьма своеобразно. К. Маркс также исследовал механизм производства и присвоения прибавочной стоимости отнюдь не ради академического интереса, а в контексте разработки идеологических установок нарождающегося рабочего движения.

Соответственно, возникновение и распространение маржинализма в последней трети XIX в. можно рассматривать не только как методологический прорыв в экономических исследованиях на микроуровне, но и как результат идейного противоборства с наследием классической школы политической экономии (трудовая теория стоимости) и, в частности, – с марксизмом. Одним из лидеров австрийской школы маржинализма Ойгена Бём-Баверка (1851–1914) называли «буржуазным Марксом» не только потому, что он написал свой «Капитал» (точнее – «Капитал и прибыль»), но в том числе и за то, что его «психологическая теория процента» по-своему объясняла и оправдывала факт эксплуатации труда капиталом, выступая в качестве некоей противоположности теории прибавочной стоимости. Сюда же можно добавить и теорию предельной производительности труда и капитала Джона Бейтса Кларка (1847–1938), объяснявшего присвоение части вновь созданной стоимости капиталом экзотическим утверждением, что только продукт последней единицы труда определяет норму заработной платы [4, с. 274]. Впрочем, в данном случае приходится уже говорить не о политической экономии, а о пришедшей к ней на смену «экономикс» или о неоклассическом направлении экономической мысли.

В оправдание Альфреда Маршалла (1842–1924), с лёгкой руки которого термин «экономикс» стал у нас восприниматься без перевода, надо сказать, что он отнюдь не ставил целью предать забвению политическую экономию. Кстати, его главная работа «Principles of Economics» («Принципы экономической науки») начинается с более чем нейтрального утверждения:

«§ 1. Политическая экономия, или экономическая наука (*Economics*), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого сообщества; она изучает ту сферу

индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» [5, с. 56].

Тем не менее, не только термин «политическая экономия», но и содержательная сторона экономической теории в традиционном понимании подверглись в первой половине XX века своеобразному остракизму, и в рамках «экономикс» выявление общих закономерностей процесса воспроизводства сменилось решением достаточно узкой проблемы рационального распределения ограниченных ресурсов. Лайонел Роббинс (1898–1984) вообще утверждал, что экономическая наука изучает человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативное применение [9, с. 15].

Наиболее общее представление между старым и новым *mainstream*’ом экономической науки даёт следующая таблица.

Наряду с этим доминирование «экономикс» на протяжении всего XX в. отнюдь не отменило факта параллельного существования политической экономии, причём не только в СССР. При этом и у нас в стране после Великой Октябрьской социалистической революции необходимость сохранения политэкономии как науки также ставилась под сомнение. Николай Иванович Бухарин (1888–1938) выражал достаточно распространённое мнение, заявляя в «Экономике переходного периода», что конец капиталистического общества будет концом и политической экономии («Относительность «категории» политической экономии становится ясной до полной очевидности») [2, с. 157]. Однако, по мере избавления от романтических иллюзий, советские идеологи и учёные-экономисты не только признали значимость политической экономии как базовой теоретической дисциплины в системе экономических наук, но и расширили её исследовательское пространство за счёт анализа

Таблица 1 – Сравнительная характеристика политической экономии и *economics*.

	Политическая экономия	«Экономикс»
Ведущая проблема	Распределение богатства, воплощённого в стоимости, между классами общества (теория доходов)	Рациональное распределение ограниченных ресурсов (теория фирмы)
Объект исследования	Общественные классы	Факторы производства
Предмет исследования	Производственные отношения	Экономическое равновесие
Масштабы анализа	Национальная экономика	Экономика предприятия
Ведущая категория	Стоимость	Предельная полезность
Основные методы исследования	Абстрактно-логический, метод поиска исторических аналогий и др.	Графический, экономико-математический и др.

Конечно же, нельзя утверждать, что тем самым «неоклассики» увели экономическую науку в область «новой схоластики». В рамках «экономикс» весьма успешно изучались проблемы частичного и общего равновесия, конкуренции и т. д., разрабатывались различные концепции предпринимательства и даже были заложены основы направлений экономической мысли, отвергающих базовые постулаты той же неоклассики, в частности – кейнсианства. Не следует также забывать об институционализме, «новой экономической истории» (клиометрике) и иных «боковых» направлениях экономической мысли XX века, испытавших в той или иной мере влияние и политической экономии, и «экономикс».

закономерностей строительства социализма.

Конечно же, сохранение в советской экономической науке термина «политическая экономия», равно как и неприятие термина «экономикс» (даже главный труд А. Маршалла издавался под искажённым названием «Принципы политической экономии»), предопределялось соответствующими идеологическими установками. Вместе с тем и на Западе в XX в. политическая экономия и как термин, и как наука оставалась инструментом в руках фрондирующих интеллектуалов. Конечно, особо следует сказать о Франции, где просто существует традиция отторжения англоязычных терминов. Однако, если заглянуть в двухтомный учебник Раймона

Барра (1924–2007) «Политическая экономия», то становится очевидным, что это отнюдь не франкоязычная версия «экономикс», хотя сам автор делает реверансы в сторону *mainstream*'а, утверждая: «Человеческая деятельность принимает экономический характер, когда ведётся борьба с редкостью материальных благ» [1, с. 10]. Впрочем, и англичанин Джеймс Эдуард Мид (1907–1995), отец-основатель агатотопии или экономики партнёрства, свой четырёхтомный учебник также предпочёл назвать «Principles of Political Economy» («Принципы политической экономии»).

Но, пожалуй, наиболее показательным примером неприятия «экономикс» именно в англоязычной среде являлась деятельность сторонников так называемой «радикальной политической экономии» (Г Шерман, Ф. Гордон, Р. Эдвардс и др.) При этом приходится признать, что, сложившись в 1960–1970-х годах в США, это направление так и не выработало какую-либо единую концептуальную базу своих исследований, сосредоточившись в основном на критике и капитализма, и социализма («политэкономия протеста и вызова»). Вместе с тем политэкономы-радикалы внесли свой вклад в анализ возникших в тот период новых явлений в развитии производительных сил, в социальной структуре западного общества и т. д.

Наконец, свою нишу среди школ и направлений современной экономической мысли занимает «новая политическая экономия», наиболее яркими представителями которой являются Джеймс Макгилл Бьюкенен (р. 1919) и Гордон Таллок (р. 1922). Однако, ориентируясь на изучение влияния политических процессов на особенности функционирования экономики, включая такие феномены, как коррупция, рен-тоориентированное поведение и т. п., они, скорее, тяготеют к теории и методологии неоинституционализма, а не традиционной политической экономии. Более того, в ряде случаев «новую политическую экономия» можно рассматривать как раздел политологии, нежели экономической науки (что не помешало Дж.М. Бьюкенену получить в 1986 г. премию им. Альфреда Нобеля по экономике).

Разнонаправленность творческих поисков необходимо только приветствовать, однако нель-

зя превращать дефиницию в фетиш, обесценивая подлинный смысл выражения «политическая экономия». Как утверждал Й. Шумпетер, развитие экономической науки проявляется не в смене доктрин, а в совершенствовании техники исследований [6, с. 7]. Соответственно, политическая экономия XXI века нуждается в обогащении не только теоретико-методологической, но и методической базы. Что же касается содержательной стороны рассматриваемого агона, то разработчики паспорта специальностей по экономическим наукам из Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации предложили изящный выход из ситуации. В области исследований под названием «Общая экономическая теория» последовательно расположились политическая экономия, микро- и макроэкономическая теории, то бишь «экономикс», а заодно и институциональная и эволюционная экономическая теория. Так что на уровне диссертаций агон плавно переходит в мирное сосуществование, однако дискуссии на II Международном политэкономическом конгрессе свидетельствуют, что шоу будет продолжено.

1. Барр Р. Политическая экономия. В 2-х т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995.

2. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 94–176.

3. Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 73–81.

4. Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М.: Гелиос АРВ, 2000.

5. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. I. М.: Прогресс, 1993.

6. Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3-х т. Т. I. СПб.: Экономическая школа, 2001.

7. Яровой А.В. Агональность как стремление бытия быть // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4. С. 35–41.

8. Atkinson A.B. Economics as a Moral Science. York: The University of York, 2008.

9. Robbins L. An essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. L.: Macmillan, 1935.

1. Barr R. Politicheskaya ekonomia. V 2-kh t. T. 1. M.: Mezhdunarodnye otnoshenia, 1995.

2. Bukharin N.I. Ekonomika perekhodnogo perioda // Bukharin N.I. Problemy teorii i praktiki sotsializma. M.: Politizdat, 1989. S. 94–176.

3. Gloveli G.D. Istoricheskie labirinty politicheskoi ekonomii: zametki po povodu neochevidnogo yubileyu // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2015. № 1. S. 73–81.

4. Klark J.B. Raspredelenie bogatstva. M.: Gelios ARV,

- 2000.
5. Marshall A. Printsipy ekonomicheskoi nauki. T. I. M.: Progress, 1993.
6. Shumpeter J. Istoriya ekonomicheskogo analiza: V 3-kh t. T. 1. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2001.
7. Yarovoi A. V. Agonal'nost' kak stremlenie bytiya byt' // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2010. № 4. S. 35–41.
8. Atkinson A.B. Economics as a Moral Science. York: The University of York, 2008.
9. Robbins L. An essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. L.: Macmillan, 1935.
-

UDC 330.101

EVOLUTION OF THE ECONOMIC THEORY AS REFLECTION OF OPPOSITION BETWEEN POLITICAL ECONOMY AND «ECONOMICS»

Vladimir L. Bersenev

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences,
Ural branch,
doctor of historical sciences, professor,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: colbers@bk.ru

Annotation

Renewal of political economy as a science and an educational subject calls for improvement of definitions and its content according to present. The author analyses appearance of the term «political economy» and marks main characteristics of this science. Such as: combination of theory and practice, commitment to ethical principles, presence of ideological attitude. It is also proving that political economy kept its research potential in 20th century in spite of «economics» domination. And now it remains the theoretical basis of economic policy.

Key words:

political economy, theory, practice, ideology, «economics».

УДК 7.01

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И СИНТАГМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ: К ПРОЕКТУ СЛОВАРЯ ПО ФИЛОСОФИИ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

Орлов Борис Викторович,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры,
кандидат философских наук, доцент,
Россия, Екатеринбург,
E-mail: bvo51@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются возможности и условия создания современного словаря по философии искусства в принципиально новом для российской и мировой эстетики формате: электронно-медийном с использованием потенциала специального сайта с креативными возможностями его заполнения, обновления и перманентного общения онлайн с эстетиками-авторами словаря (и не только) всего мира под лозунгом «Соединяя эстетиков / Connecting the Aestheticians».

Ключевые слова:

словарь-гlossарий, современная эстетика, проективная философия искусства, новые гуманитарные методологии.

Достаточно очевидно, что современная философия искусства сейчас переживает новый парадигмальный сдвиг, благодаря своеобразию пост- постмодернистской социокультурной ситуации, что, конечно же, влияет на осмысление специфики художественности и не может не учитываться в аспекте создания, так сказать, «проективной философии художественности», ориентированной в большей степени не на прошлое, и даже не на настоящее, а, в основном, – на будущее. В этой связи в статье речь в значительной степени пойдет о необходимости и возможностях нового видения и переосмысления художественности, что может стать основой для создания словаря по эстетике нового типа, который бы смог наиболее адекватно «схватить и удержать» специфику именно современно-

го искусства. Гипотетически, такой словарь мог бы называться и вот как: «Проективный словарь-гlossарий по эстетике современного искусства», имея в виду то, что эстетика, по преимуществу, – философская дисциплина, а в ее предмет входят на равных правах и в виде предельных оснований как эстетическая, так и собственно художественная составляющая. При этом под «проективностью» имеется в виду необходимость создания и реализации проекта современной эстетики, которая была бы адекватна современному искусству и всякий раз не отставала бы от его «вызовов», а была бы, как минимум, синхронной ему и, как максимум, концептуально (то есть, прежде всего, через новые вводимые концепты) и креативно перспективной.

Предлагаемый проект созвучен и когерентен основным, сравнительно «недавно» опубликованным, новым типам отечественных «словарей по эстетике» (в самом широком смысле): это, например, (если не по алфавиту и не по значимости, так как каждый из них значим по своему, а по году издания) – «Альтернативная культура. Энциклопедия» (2005), «Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века» (2003), «Проективный философский словарь. Новые термины и понятия» (2003), «Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты» (2001), «Словарь терминов московской концептуальной школы» (1999) [1].

Но почему все-таки в предлагаемой далее версии концепции словаря акцент делается на художественности?

В результате многолетних исследований в сфере эстетики в ее многообразных аспектах сложилось твердое убеждение в том, что именно художественность – самый таинственный и даже мистический феномен искусства, своего рода «художественная вещь в себе», а потому и наиболее интересная и перспективная для дальнейшего изучения (тем более, в контексте современной культуры), иначе говоря, это – несомненная атрибутивная составляющая предмета эстетики и философии искусства.

В этой связи сейчас в наибольшей степени интересны самые современные гуманитарные методологии, наиболее значимые в отношении аутентичной спецификации художественности искусства и, если сказать вслед за Ортегой-и-Гассетом, постижение своеобразия «художественного искусства». При этом, хотя это и не является главной темой статьи, можно подчеркнуть, что художественности придается экзистенциальный статус уникального – ничем другим не заменимого – смыслового феномена человеческого бытия – статус художественного экзистенциала.

В предложенном контексте проект словаря предполагает, прежде всего, рассмотрение возможностей применения разных философско-эстетических методологий при изучении специфики художественности в их, так сказать, диф-

ферансе и синтагме на этой основе. Вот почему с самого начала возникает вполне закономерный вопрос о наборе и доминантах существования и применения как основных методологических парадигм, так и более конкретных перспективных, так сказать, маргинальных методологием осмысления современной художественности.

О своевременности маргинальных гуманитарных методологий

В ситуации «неожиданных вызовов» со стороны настоящего и, особенно, грядущего в том, что называется «современными» социокультурными процессами бытия, решающую роль должны играть адекватные и мобильные «системы быстрого реагирования» на происходящее и наиболее соответствующие его осмыслению. В предельном, то есть собственно философском смысле, речь может идти о значимости гуманитарных методологий как «суммы» способов интеллектуальной рефлексии и саморефлексии, то есть как о значимости самого процесса «думанья думы» (Хайдеггер), так и о первоначальности того, как – каким образом – это «думанье» возможно осуществить наиболее проактивно и перспективно.

В традиционном наборе известных философско-гуманитарных методологий есть своего рода исчерпанность и тупиковость, экстремально продемонстрированная в постмодернистской версии интерпретации социокультурных процессов тем, что чаще всего маркируется как «деконструкция». Деконструктивистская методология парадоксально обнажила «нищету» предшествующих методологий и чрезмерные претензии на якобы достигаемое с их помощью оптимальное единство Истины и Пользы (и плюс, возможно, даже Добра и Красоты) в знании о природе современности. Но при этом парадокс деконструкции состоял и в том, что «сказанное» ею, *mutatimutandis* относилось и к ней самой тоже, причем, еще в большей степени. В этой связи не случайно, что именно в ее контексте появилась очень странная гуманитаристика Делёза и Гваттари, тяготеющая к «шизоанализу», «ноп-анализу», «ризоматике», «шизоэстетике» и т. п., не толь-

ко обозначившая значимость маргинальности – по отношению к предыдущим – новых методологий, но и предложившая один из проектов таковой, хотя и не бесспорный, но явно знаково креативный относительно и самой деконструкции тоже.

Что же не так в прежних методологиях в аспекте их несвоевременности (асинхронности) – почему они стали отставать от подлинного времени человеческого бытия, а их собственная темпоральность, финально представленная «постсовременностью», оказывается сейчас малосовременной, то есть, уже не отвечающей самым актуальным вызовам будущего и весьма «не детским» неожиданностям нынешнего времени?

Отвечая на этот «исходный» для наших рассуждений вопрос, нельзя не подразумевать и не учитывать постановку еще более значимого «последнего» вопроса о том, какие же методологии в этой ситуации становятся синхронными, то есть своевременными? Если сразу же идти дальше уже использованного поименования «маргинальные» и пытаться сходу, хотя бы в общем виде и в первом приближении, найти их единую первооснову, то можно в данном случае оттолкнуться от идеи парадигм гуманитарной ментальности, их предельных оснований и соответствующих синтагм.

В истории современной гуманитарной ментальности хорошо известны, прежде всего, две парадигмы, которые работают в качестве основных образцов и служат первоосновой наличных методологий – то есть конкретных способов их (парадигм) реализации и тиражирования вплоть до разного рода симулякров. В общем, речь идет о двух взаимосвязанных, но принципиально разных дискурсах – о классическом и неклассическом а, соответственно, о двух базисных парадигмах того же наименования, если коротко и акцентированно, – о Классике и Постклассике (в ее преимущественной неклассической интенции). Но применительно к нынешней ситуации имеет смысл обратить внимание на то, что находится после и Классики и Постклассики тоже – на «постпостклассичность» осмысления современности, то есть, и на «постпостсовременность» тоже. Это, конечно же, является терминологическим нонсенсом,

но весьма репрезентативным нонсенсом, знаково индексирующим не только проблему адекватной терминологии, но, что еще более важно, саму необходимость возникновения новой гуманитарной парадигмы и соответствующих ей методологий, то есть, совсем другого дискурса – на краях классичности и постклассичности, маргинального им и именно так синхронного современности.

В этой связи заслуживает особого внимания попытка выхода за пределы дурной бесконечности «постпост...», которую осуществил М. Эпштейн в своих работах самого начала XXI века [2].

Основная идея парадигмального звучания и значения состоит в том, что благодаря акцентированию кардинальной смены вектора современной культуры – ее магистральной направленности не в сторону прошлого (пост), а в сторону будущего по преимуществу, новым методологиям придается особый статус – «протеистичности». Речь идет о «протеизме» (в терминологии автора), то есть, говоря несколько иначе, по существу о протеистической парадигме и об ее отличиях от исторически предшествующих парадигм (в данном интересующем нас случае, – от «Классики» и «Постклассики» в виде своего рода «Протоклассики» – уже в нашей терминологии, инспирированной рассматриваемым подходом и соответствующим дискурсом).

«Протеизм, как культурное движение, – это альтернатива тому «пост-» (постмодернизм, постструктурализм, постутопизм, постиндустриализм...), которое отталкивалось от прошлого и вместе с тем было зачаровано им, не могло выйти из его магического круга. Прото-... соизмеряет себя с предстоящим и наступающим, а не с прошедшим. Протеизм, как гуманитарная методология, изучает возникающие, еще не оформленные явления в самой начальной, текучей стадии их развития, когда они больше предвещают и знаменуют, чем бытуют в собственном смысле...» [3].

В этом контексте феномен «современности», конечно же, выглядит иначе, представая через явно маргинальные («когда б вы знали, из какого сора...») ростки («линии побега» и «ризому» их переплетений по Делёзу и Гваттари)

будущего в настоящем, то есть, как «протосовременность».

Классическая и постклассическая парадигмы предлагают такие методологии, которые не могут справиться с трендом протосовременности, и поэтому становятся асинхронными. Синхронными (то есть, своевременными) «протосовременности» могут стать только «протометодологии» – методологии вызревающие, зарождающиеся, поисковые, креативные... – *admarginem*.

В самом деле, что принципиально нового может предложить в методологическом аспекте, например, Классика? Традиционность классического позиционирования связана в основном с аналитической и систематической методологией и их почти полностью реализованными возможностями. Аналитика сильна тяготением к точному поименованию сущего на основе языковых конвенций и «*семейных сходств*» (Л. Витгенштейн).

При этом тупиковость аналитики состоит в том, что в контексте «протосовременности» более актуально появление новых языковых конвенций и «зарождение» новых «семей». Этот, собственно креативный, процесс и не поддается аналитике, делающей ставку на имеющиеся, а потому уже прошлые поименования и конвенции (на исчерпанность и повторность которых и было в основном обращено все внимание неклассической (то есть, в этом отношении, тоже маргинальной на этапе ее зарождения) Постклассики. Но и систематическая методология оказалась столь же (хотя и по другим причинам) исчерпанной. Искомая «система систем» (в том или ином варианте) вроде бы всякий раз создавалась по видимости успешно, но была бессильна в объяснении феномена (пожалуй, здесь уместнее – «теоремы») неполноты любой системы и, следовательно, была аполлонически холодно-импотентной по отношению к дионисийско-хаотическому зову (призыву-вызову) бытия (к месту вспомним в этой связи маргинального «несистемщика» Ницше). Закономерное движение традиционной систематики в сторону «странной» синэргетики тоже свидетельствует о необходимой маргинализации «классической, очень классической» методологии.

Постклассика также явила две основные «*линии побега*» (здесь, видимо, правомерно использование этой ризоматической терминологии из «эстетического манифеста» Делёза – Гваттари для схватывания специфики новой синтагмы) – побега от Классики: феноменолого-герменевтическую и интертекстуалистско-деконструктивистскую неклассические методологии, так сказать, нетрадиционной ориентации (как казалось вначале). Общезначимой новацией была, например, перверсия идеи субъект-объектного взаимодействия, лежащей в концептуальной основе классической парадигмы. Приоритет был отдан феномену intersubjectности диалогически общающихся субъектов в герменевтике, а в деконструкции – intersubjectности текстов (и Субъект здесь логично «умирал» так же не случайно, как и Автор). Но это свидетельствовало не только еще раз об исчерпанности Классики и о стремлении ее «ревизии», как и о связанных с этим новых возможностях, но и обозначило новые тупики – уже постклассических методологий.

С одной стороны, явным преимуществом герменевтики была попытка сделать ставку на подлинное, живое (а не схематически систематизированное), настоящее, диалогически раскрывающееся «*бытие сущего*», с другой стороны, процесс творения новых смыслов современности оставался все же сокрытым, а понимание его довольно туманным и даже мистическим. Понимание схватывало процесс «*про-из-ведения Истины в действительность*» (Хайдеггер) как уже нечто свершившееся и было совершенно непонятно, в каком случае бытие раскрывается в своей непотаенности, а в каком случае нет. Интертекстуалистская методология, имевшая в качестве базисного принципа деконструкцию, пошла дальше не только систематики, но и попыталась осовременить герменевтику, насколько это было возможно в пределах общей для них пост/неклассической парадигмы. Деконструкция обратила внимание не на экзистенциальную изначальность смысла текста, а на его отложенность, отсроченность, то есть, на его саморазличание или «*дифференс*» по Деррида в процессе «*письма*», вот почему и сделала ставку на «пост-» как «после». Условия появления ростков новых смыс-

лов, то есть того, что ранее нами было названо «протосовременностью», Постклассику не интересовали в качестве главного. Постклассика не позиционировалась «в поисках иных смыслов» (В. Налимов) и не смогла поэтому выйти за пределы «герменевтического круга» утонченной скрипции современности, превратив попытку ее живого понимания (а не аналитики-систематики) в нечто «искусственное» – в симуляционность текстовых артефактов. Можно сказать и так: «герменевтический круг» понимания современности не разомкнулся эвристически, а превратился в дурную текстовую бесконечность «постпост...».

«Протоклассика», предпочитая маргинальные методологии, идет совсем другим путем, делая основную ставку, так сказать, на «зачатие», «беременность», «рождение» и «родовспоможение» в связи с возможностями появления нового существа «протосовременности». Что собой конкретно представляют эти «протометодологии» и в чем их собственная специфика – вопрос, конечно же, важный, но еще важнее сам феномен их маргинальности, который *par excellence* связывается с собственной креативностью по-новому себя позиционирующего гуманитария. «Протометодологии» – это только «как бы методологии» в аспекте их традиционности. Решающую роль играет сама живая конкретика процесса «думанья думы» – новое, а потому «продленное в будущее настоящее время» современных методологий зарождается только в креативном акте «про-двинутого» гуманитарного мышления *ad absurdum et ad marginem*.

Из-за лимитированности объема текста пока возможны лишь ссылки на некоторые примеры маргинальных гуманитарных протометодологий: «*философия нестабильности*» И. Пригожина, «*шизоанализ*» Делёза-Гваттари, «*концептивизм*» М. Эпштейна, «*фанкибизнесменеджмент*» Нордстрёма-Риддерстрале, «*брендкодинг*» Т. Гэда, «*краткая история попы*» Ж. - Л. Эннига... Последним можно бы предварительно эффектно закончить, сделав акцент на возможности и вот такой метафоричности схватывания специфики «всей этой истории» методологий. Делёзовская «*линия бедра*» как графическая основа «*ризомати-*

ки» действительно современного осмысления той ситуации, в которой все мы сейчас оказались и выход из которой – только «*бегство вперед*» (Р. Барт) (хотелось бы добавить, «*и выше!*»), своевременна как никогда.

Особенности возникновения синтагм интерпретации художественности более подробно рассматривались в ранее опубликованном докладе на ОМЭК VI [4, с. 207–211], а также в статье [5, с. 35–64].

В продолжение ранее сказанного необходимо подчеркнуть сейчас, что только в случае поиска других, более современных методологий схватывания мига «*Впервые Бытия*» (В. Рабинович) художественности и возникает перспектива выхода за пределы дурной бесконечности интертекстуализма *ad absurdum*. Важнее всего здесь – прорастающая, творящаяся, живая *ризоматичность* самой художественности как она есть. И тогда появляется надежда, отчасти и вслед за Делёзом и Гваттари, возможного выхода из тупиков рассмотренных методологий в исследовательском лабиринте художественности за счет культивации, например, явно маргинальной «психошизоаналитической методологемы» в более общем контексте «психошизодискурса» в целом.

Кроме проективного концепта «ризома», есть и другие не менее значимые в интересующем нас аспекте, например, «существо». Так, в работе «Что такое философия?» Делёз и Гваттари (в главе о чувствах, перцептах и аффектах) утверждают следующее:

«Affects are no longer feelings or affections; they go beyond the strength of those who undergo them. Sensations, percepts and affects are beings (or entities) whose validity lies in themselves and exceeds any lived. They, could be said, to exist in the absence of man. The work of art is a being (or entity) of sensation and nothing else: it exists in itself» [6]. То есть: «Аффекты – это не чувства или аффектации; они по ту сторону силы тех, кто им подвержен. Чувствования, перцепты и аффекты это существа, основательность которых – в них самих, что и питает все живущее. Если можно так сказать, они могут существовать при отсутствии человека. Произведение искусства это существо

чувствования и ничто больше: оно существует само по себе» (Перевод мой – Б.О.).

Художественность в новой парадигме Протоклассики (то есть, Протеизма) может специфицироваться как возникновение, взаимосвязь и взаимоотношения – «о –существование» и «существование» каких-то особых («сюрчеловеческих»? «виртуальных»? существ, имеющих полное право на самостоятельное бытийствование, тем самым и творящих собственно художественные смыслы. «Художественное творение» (Хайдеггер) трансформируется в «художественную тварь», а ее «исток» становится, как вариант, «неудовлетворенное желание», инобытийствование в вымышленном, иллюзорном, виртуальном мире и реализация «принципа удовольствия» и «эротика текста» на этой первооснове. В близкой версии – в контексте психошизоаналитического дискурса – речь может идти и об «архетипе художественности», который, по всей видимости, Юнг имел в виду, трактуя специфичность произведения искусства, например, через малопонятные только в контексте его герменевтической методологии концепты «самосуцность» и «автономный психический комплекс» [7, с. 104, 113].

Но еще в большей степени оказывается значим подход М. Эпштейна (уже упоминавшийся ранее) и приобретают более четкие очертания, применительно к философствованию о художественности, как названная им Протеизмом новая парадигма Протоклассики, так и соответствующий парадигмальный сдвиг к ней от Постклассики.

Попробуем в этой связи основных парадигм и методологем, которая образует вполне определенную новую синтагму, «зацепиться», хотя бы частично, за конкретную методологию, поименованную автором «концептивизм», убедительно и достаточно полно им разработанную, то есть, сделаем основную ставку на концептивистскую методологему» и ее креативную проективность:

«КОНЦЕПТИВИЗМ (от латинских «conspirere» и «conceptare», вбирать в себя, представлять себе, замышлять, начинать, беременеть; отсюда английское conceive – «почтичь» и «зачать»; «conception» – это и концепция, и зачатие) – философия «зачинающих понятий», конструктивная деятельность

мышления в области концептов и универсалий. Как и **конструкционизм** (см.), **концептивизм** признает «конструктность», концептуальную заданность «реальности», но ставит своей задачей **не критику и демистификацию этих конструктов, а творческое их порождение, создание множественных моделей возможных миров, познавательных и общественных практик.** Термин «**концептивизм**» указывает на **зачинательно-генеративную природу новых методологий, которые не столько деконструируют концептуальные объекты, сколько порождают их в соответствующих гипотетических и POSSIBILITY-модальностях** (см. **Потенциация, Прото-**) (...) Образцы **концептивного мышления** и понимания задач философии содержатся у Ф. Ницше: «Философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться» [Ф. Ницше. Воля к власти. Цит. по кн.: Жиль Делез, Феликс Гваттари. Что такое философия? СПб., Алетейя, 1998, с. 14]. Согласно **концептивизму**, задача философии – не объяснять и не изменять существующий мир, а расширять и умножать «мирность» мира, его концептуальную мыслимость, которая не сводима к одному из миров. Переход от анализа и критики к **концептивному мышлению** как основной функции философии осуществляется в поздних трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари, для которых «философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов... Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто» [Жиль Делез. Феликс Гваттари. Что такое философия? Пер. с франц. С.Н. Зенкина. СПб., Алетейя, 1998, с. 14]. **Концептивизм** открывает новую эпоху мышления, которая наследует кантовскому критицизму и вместе с тем выходит за рамки тех «критических» функций, которыми в значительной степени ограничила себя послекантовская философия, особенно.

Если критицизм ограничивает пределы теоретического разума, то концептивизм исходит изнутри этих пределов – и переступает их, заново...» [8].

В этой связи, в контексте «проективной философии художественности», можно, например, ввести концепт «художественное существо» и предположить, что это – «воображающий», придающий статус экзистенциальной подлинности своим собственным творениям-фантазмам [х. фантазм – конкретное воплощение х. образа в х. реальности, которому придается статус подлинности и которое эвоцирует (побуждает) к проживанию другой – воображаемой – жизни; х. образ (способ) – первоначально х. ментальности (сознательной и бессознательной), это способность х. гения к продуцированию новых смыслов бытия через троп (поворот); х. существо – это особый субъект – носитель и творец художественной ментальности, это тот, кто инобытийствует х. способом (образом), то есть воображаемо творит и проживает другие жизни (инобытийствует) в условном х. мире (х. реальности); х. реальность – условный х. мир, дополняющий внехудожественную реальность (действительность) за счет возможных смысловых проявлений человеческого бытия; х. произведение; х. воздействие (эвокация); х. экзистенциал (художественность); х. бессознательное (артезис); х. творчество; х. смысл; х. инобытие]. Фантазмы как художественные микросущества и создают новые (то есть, проективные) художественные смыслы, до того ранее не существовавшие, а значит, и очень Современные и очень Протеистичные. Тем самым и раскрываются новые возможности бытийствования, а в аспекте проективной спецификации художественности особую значимость, например, приобретает еще один базисный концепт – «овозможение» (М. Эпштейн), который закономерно образует синтагму с более известным концептом «остраннение».

В предфинале данной статьи хотелось бы акцентировать и озвучить еще одну весьма значимую и актуальную тему из возможной дальнейшей разработки «проективной философии художественности» как «художественной культуроники» (то есть, мышления культурными проектами – см. «Культуроника» у М. Эпштейна)

и, может быть, даже самую сокровенную в творческом аспекте. Как представляется, в этом плане весьма перспективными концептами могут выступить – «художественная философичность» и «философическая художественность». Что касается основного изначально заявленного проекта – актуального словаря по эстетике современного искусства, – то в свете вышеизложенного гипотетически он может выглядеть следующим образом.

Проект концепции словаря

1. Словарь имеет концептивистский характер – он основывается на базисных, ключевых концептах как актуальных «старых», так и принципиально новых, через которые сейчас только и схватывается аутентичная специфика современной художественности и которые являются важнейшими критериями ее «определения» для конкретного автора из команды создателей словаря, открывая возможные перспективы для дальнейшей креативности как собственно философско-эстетической (в аспекте создания «новой эстетики»), так и собственно художественной (в аспекте будущего протеистического развития современного искусства).

2. По своему жанру и стилю философствования словарь, прежде всего, – глоссарий, то есть набор основных «терминов художественности» с минималистской, лаконичной разверсткой (в пределах одной емкой фразы, максимум двух-трех: см., например, «Словарь терминов московской концептуальной школы» или см. выше в данной статье про «х. фантазм» и др.) значений термина и его основного смысла для автора, который появился в его личном опыте философствования на «эстетические темы» художественности (как теоретические, так и практические). В этой связи, словарь является персонифицированным – авторским – и предполагает собственное «высказывание» как собственное доконвенциональное «решение» проблемы специфики современной художественности. При этом сам набор терминов – для концентрации содержательности высказывания – целесообразно ограничить, например, 12 концептами, отобранными автором для спецификации

и предложенными в его собственном видении и логике (или отсутствии таковой по принципу децентрированной «ризома», то есть на основе «шизоэстетики» – «Не будите в себе Генерала!» (Делёз – Гваттари) – или (и) принципа «семейных сходств», по преимуществу). Выбор и привнесение новых концептов может осуществляться как в разумных пределах (но без *ad absurdum*) в пределах той или иной отдельной методологии, так и в их «эклектической» (точнее, ризоматической) произвольной, свободной комбинации (главное – оправданные новации, креативность, а не повторы общеизвестного, надоевшего и сейчас уже не работающего интеллектуально и, тем более, художественно-практически).

3. Структурно весь словарь предлагается строить не по алфавиту или тематически (исключая отдельные разделы и общий финальный список авторов и терминов), а по «отраслевому» принципу, то есть, по преимущественному позиционированию автора как профессионала в той или иной институции, связанной с художественным миром или в качестве агента этого мира. Структура не предполагает иерархии или диахронии, она предполагает синхронию и плюрализм, по существу, это дискурс – полилог вербальных смыслов (а, возможно, и невербальных – в виде «образцов» – экземплификаций и репрезентаций «чистых» и «нечистых» случаев-казусов самой художественности как она есть в своем возникновении и данности здесь-и-сейчас). Как вариант, хотя исходная структура и задается, но она должна быть ускользящей, а «система словаря» – полиструктурной и открытой (важный вопрос – о технике репрезентации уже самого словаря, но он, будем надеяться, решаем технически на основе применения новых мультимедийных технологий). Исходная структура, точнее, контекст позиционирования и представления своих концептов может быть таким: эстетика и философия искусства; философия культуры и культурология; искусствознание и другие науки об искусстве (и не об искусстве тоже); критика; арт-менеджмент и выставочный «экспозиционизм»; художники (как профессионалы, так и «воскресные художники» – непрофессионалы; реципиенты; «случайные прохожие» (люди, да-

лекие от «балета» – вспомним известный анекдот про посещение неким дилетантом, внезапно проснувшимся во время исполнения балета «Спартак» («...Какой счет?»); и т. д. (структура словаря – открытая). Возможно позиционирование и соответствующее размещение концептов одного автора (или соавторов) в разных разделах словаря (без повторов, разумеется).

4. Конвенции предполагаются разные. Особенно важна, прежде всего, «внутренняя конвенция» – с самим собой как автором и своим-другим (*alterego*) для большей точности при продуцировании (порождении, творении) смыслов на фоне значений «своих» терминов, да и собственно новых концептов тоже (то есть, речь идет об экзистенциальности концептов (творческих озарениях, уникальности, подлинности, свободе видения и мнения, автономности) и о конвенциальности (гетерономности, дружности и диалогичности) только на этой исходной первооснове. Есть конвенциональность и внешняя – как в пределах ближайшего сообщества авторов по разделу (разделам): обсуждение с единомышленниками – по выбору – и возможные коррективы в этой связи, так и в контексте словаря в целом при участии экспертного совета (авторитетной редколлегии). И очень важна будет, так сказать, «гиперконвенция». Было бы правильно открыть страницу (сайт?) в Интернете под реализацию проекта словаря и организовать форум с той или иной степенью доступа и полномочий, включая и другие сервисы тоже. Помимо корректировки «статей» с помощью такого инструментария это даст, например, возможность вслед за публикацией первой бумажной версии словаря публиковать последующие – уточненные и расширенные версии, что приведет к созданию перманентного словаря и так позволит максимально синхронизировать словарь и современное искусство. Итак, следовательно, возможен и перспективен «Перманентный (электронный) словарь по философии современной художественности». Вместе с тем, инвариантное содержание в дальнейшем может трансформироваться и в «Энциклопедический словарь по современной эстетике» с более традиционным подходом написания развернутых (в том или ином формате) «поясняющих – объясняющих –

понимающих» статей. Выход словаря в Интернет также позволит решить технически проблему мультимедийности и по существу превратит его в электронный ресурс (в том числе и образовательный). В этой связи особое значение приобретает реальная возможность давать ссылки на электронные источники самой различной информации и презентации «чистых случаев» художественности в версии автора, наглядно, непосредственно через само искусство, представляющих тот или иной концепт. Возможно, что требование таких приложений будет включено в условия публикации основных текстов, то есть, приложения такого рода нужно бы сделать атрибутивными для каждой публикации и даже для каждого концепта (с короткими пояснениями).

5. Авторы словаря, входящие в команду, «набираются», прежде всего, за счет ресурсов трех «оставшихся в живых» кафедр эстетики РФ – Московского университета, С. – Петербургского университета и Уральского федерального университета (Екатеринбург) при самом широком и добровольном участии всех единомышленников как в России, так и за рубежом, заинтересованных в реализации данного проекта, – по всем разделам. Поскольку проект носит открытый характер *non finito*, то потенциально автором может стать любой желающий (при соответствующем редактировании, конечно) с последующим указанием при публикации основных персональных данных и присвоением авторских прав. Институт кураторов проекта и экспертный совет создаются на основе конвенции инициаторов проекта и его авторитетных потенциальных участников. В целом проект имеет некоммерческий характер (но, в частности, возможна и финансовая составляющая).

Ad et Pro Marginem!

1. См.: Альтернативная культура. Энциклопедия / сост. Дмитрий Десятерик. – Екатеринбург: Ультра Культура, 2005; Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. – М.: Роспэн, 2003; Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. – СПб.: Алетейя, 2003; Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2001; Словарь терминов московской

концептуальной школы. – М.: AdMarginem, 1999.

2. См., напр.: Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: НЛО, 2004.

3. Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия [Электронный ресурс]. – URL: http://emory.edu/INTELNET/fs_proteism.

4. Проективная философия художественности / Философия современного искусства: Материалы VI Овсянниковской международной эстетической конференции. Москва, 13–15–11. 2014 // Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2014.

5. Художественность как она есть: проблема адекватной спецификации // Границы искусства и территории культуры. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет: Гуманитарный университет, 2013.

6. G. Deleuze, F. Guattari, What is Philosophy?, trans. H. Tomlinson and G. Burchell, New York: Columbia University Press, 1994, p. 164; см. также: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? [Электронный ресурс]. – URL: http://society.polbu.ru/delez_philosophy/ch07_v.html.

7. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Карл Густав Юнг. Феномен духа в искусстве и науке. Собр. соч. в 19 т. Т. 15. – М.: «Ренессанс», 1992.

8. Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия [Электронный ресурс]. – URL: http://emory.edu/INTELNET/fs_proteism.

1. См.: Альтернативная культура. Энциклопедия / сост. Дмитрий Десятерик. – Екатеринбург: Ультра Культура, 2005; Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. – М.: Роспэн, 2003; Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. – СПб.: Алетейя, 2003; Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2001; Словарь терминов московской концептуальной школы. – М.: AdMarginem, 1999.

2. См., напр.: Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: НЛО, 2004.

3. Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия [Электронный ресурс]. – URL: http://emory.edu/INTELNET/fs_proteism.

4. Проективная философия художественности / Философия современного искусства: Материалы VI Овсянниковской международной эстетической конференции. Москва, 13–15–11. 2014 // Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2014.

5. Художественность как она есть: проблема адекватной спецификации // Границы искусства и территории культуры. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет: Гуманитарный университет, 2013.

6. G. Deleuze, F. Guattari, What is Philosophy?, trans. H. Tomlinson and G. Burchell, New York: Columbia University Press, 1994, p. 164; см. также: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? [Электронный ресурс]. – URL: http://society.polbu.ru/delez_philosophy/ch07_v.html.

7. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Карл Густав Юнг. Феномен духа в искусстве и науке. Собр. соч. в 19 т. Т. 15. – М.: «Ренессанс», 1992.

8. Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия [Электронный ресурс]. – URL: http://emory.edu/INTELNET/fs_proteism.

UDC 7.01

METHODOLOGICAL PARADIGMS AND SYNTAGMA OF MODERN AESTHETICS: TO PROJECT OF DICTIONARY OF PHILOSOPHY OF ARTISTRY

Boris V. Orlov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
assistant professor of ethics, aesthetics, theory and history of culture,
Ph.D., Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: bvo51@rambler.ru

Annotation

The possibilities of creating a new contemporary dictionary/glossary on the philosophy of art are reviewed so as the new format of its presentation as multimedia Internet site too under the slogan «Connecting the Aestheticians».

Key words:

glossary, contemporary aesthetics, projective philosophy of art, methodologies of humanities.

УДК 327.8

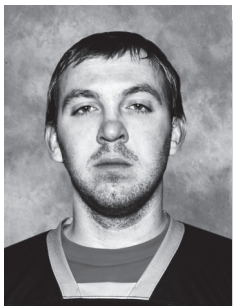
ДИСКУРСИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Бочаров Алексей Васильевич,

Медиа-холдинг «Регионы России»,
директор департамента,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: alexbos@bk.ru

Русаков Василий Матвеевич,

АНОО Уральский финансово-юридический институт,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Хмелинин Алексей Алексеевич,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук, кафедра истории и теории политической науки,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Аннотация

В статье анализируется дискурсивно-идеологический комплекс «цветных революций», под которым понимается система архетипических категорий-концептов, образующая в совокупности его ценностно-смысловое ядро и задающая его дискурс, обладающий семиотическими и властными свойствами. Этот новый дискурс служит продвижению глобального неолиберального проекта.

Ключевые слова:

цветные революции, неолиберализм, социальные сети, twitter-революция, политические технологии, умная толпа, политика памяти, дискурс, дискурсивно-идеологический комплекс.

Новый феномен современной политической жизни, получивший название «цветные революции» (ЦР) продолжает привлекать внимание исследователей. Причины интереса по-

нятны – крайняя опасность данного явления, его тяжелые социально-политические последствия в кратковременной и долговременной перспективе. Дело в том, что в последние годы в целом ряде стран с относительно устойчивой политической системой произошли ЦР, которые в итоге привели к демонтажу прежних режимов. По своей идеологической сути ЦР являются стратегическим инструментом неолиберального проекта нового мирового порядка, связанного с глобальным господством миросистемы, ядром которой выступают страны G7 и крупнейшие ТНК.

Согласно установкам неолиберализма на смену старой колониальной концепции «разделяй и властвуй» приходит современная доктрина «управляемого хаоса», которая логически подкрепляется стратегией гибкого комбинирования (в зависимости от текущих политических задач и интересов сил влияния) инструментами мягкого и жесткого влияния. Под лозунгом демократизации государств неолиберализм организует политический хаос, используя внешние и внутренние инструменты дестабилизации. В ситуации такого организованного хаоса сегодня находится громадный регион, включающий Ирак, Ливию, Сирию, Йемен.

Неолиберальные идеологи категорически отрицают любую критику своего проекта мироустройства, обнаруживая таким образом глубокую связь политических практик и технологий ЦР с интересами транснационального капитала.

По сути, ЦР являются ничем иным, как государственными переворотами, совершаемыми более или менее мирными средствами, но при колоссальной поддержке (давлении) извне. Для заинтересованных государств и транснациональных корпораций корректировка местной политики в собственных интересах через «цветные революции» значительно дешевле, чем проведение военных операций типа иракской [2]. Нельзя не отметить огромную роль внешних сил, которые, во-первых, обеспечивают финансирование,

обучение и мотивирование организаторов революции, во-вторых, присваивают и активно используют статус верховного арбитра, определяющего легитимность или нелегитимность акторов конфликта, в-третьих, участвуют в качестве посредников в переговорах в наиболее критические моменты, но при этом открыто выступая на стороне оппозиции [2].

В информационном поле ЦР подаются в образе народной борьбы за демократические преобразования общества, каковой они убедительно выглядят только на первом этапе своего развертывания. Манипулятивный же характер политических технологий ЦР начинает становиться очевидным только после того, как массы вдруг для себя обнаруживают, что вдохновляющие их идеалы не получают практического воплощения, что плодами революции пользуются не они, а узкий круг политиков и «олигархов». И тогда цветные революции переименовываются в олигархические, тогда становится очевидным их империалистический и неолиберальный характер.

Неолиберальный характер ЦР вначале удается «спрятать», поскольку критикуемая оппозиционными силами существующая власть действительно погрязла в коррупции, превратилась в систему обслуживания интересов узкого круга монополистов и бюрократической верхушки, породила глубокий разрыв между доходами населения, вызвав тем самым естественный протест населения против увеличения бедности. Однако борьбу с обнищанием было бы не совсем верно приписывать в качестве заслуги ЦР, поскольку, как правило, уровень жизни людей до ЦР бывает гораздо выше, чем после [2]. Это происходит потому, что с победой ЦР в полной мере раскрываются шлюзы для широкого проведения в жизнь неолиберального политического курса, основанного на дальнейшем усилении коммерциализации социальной сферы и режима монетизации экономики. В итоге богатые становятся еще богаче, а бедные еще беднее.

Цветные революции готовятся практически открыто, публично, с использованием

всех современных средств массовой коммуникации, а также сетевых технологий.

Перейдем далее к конкретному рассмотрению *на новейших технологий*, которые используются в качестве инструментария ЦР, совершаемых в интересах неолиберальных сил.

Прежде чем цветная революция перейдет в фазу непосредственного государственного переворота, ей должен предшествовать подготовительный этап, предполагающий одновременный запуск целой серии программ и технологий, которые можно разделить на три основных комплекса.

Комплекс 1. Включает запуск программ вербовки, мобилизации и поддержки агентов неолиберального государственного переворота, к которым следует в первую очередь отнести разнообразные НПО (неправительственные организации) и НКО (некоммерческие организации), молодежные организации, круги неолиберально-настроенной политической, экономической, интеллектуальной и медийной элиты.

Основная технология вербовки критически настроенных к власти НПО и НКО – подсаживание за зарубежные гранты. К примеру, в России активность либерально настроенных НПО и НКО оплачивают Фонды Форда и Макартуров, Национальный фонд поддержки демократии (NED), Национальный демократический институт (NDI), Международный республиканский институт (IRI), Агентство США по международному развитию (USAID), Институт «Открытое общество» (OS).

Зарубежные специалисты по работе с общественными организациями в целом делятся на две основные группы: а) группы по работе с практиками или «полевые сотрудники», б) группы информационного давления [8].

Так называемыми «полевыми сотрудниками» выступают наблюдателями на выборах, проводят тренинги для активистов, непосредственно поддерживают контакты с самими активистами во время различных публичных мероприятий и т. д. Именно они отвечают за распределение грантов и координацию протестных акций.

Задачей второй группы, которая курируется такими организациями, как «Freedom House» (FH), «Transparency International» (TI), «Human Rights Watch» (HRW), «Reporters Without Borders» (RWB), является создание массивного информационного потока сообщений с целью убеждения мировой общественности в наличии системных, «не совместимых с демократией» нарушений в стране.

Нередко на роль ударной силы в цветных революциях вербуют представителей разного рода радикальных, ультра-националистических и религиозно-фундаменталистских группировок. Например, на Украине при подготовке к проведению «оранжевой революции», а затем и «Евромайдана» проводилась специальная работа среди объединений украинских националистов и правых радикалов. Данный контингент, как правило, обладает неплохой военной подготовкой и способен оказать силовое давление на правительственные структуры.

В качестве важной революционной силы рассматривается студенческая молодежь, с которой ведется работа по специальным программам. Именно студенты эмоционально более всех других социальных слоев способны вдохновляться идеями свободы, демократии, европейскими ценностями, мира без границ и т. п. Именно студенты быстро «вспыхивают» от возмущения в отношении конкретных фактов и проявлений вопиющей несправедливости, дискриминации, коррупции власти. Именно студенты хорошо владеют новейшими сетевыми технологиями коммуникации. Они к тому же являются креативной силой, вырабатывающей оригинальную символику и риторику революционной борьбы.

Первой влиятельной в международном масштабе молодежной организацией, сыгравшей решающую роль в подготовке и экспорте ЦР, стала организация «Отпор», созданная группой студентов-активистов Белградского государственного университета, руководившей студенческими акциями в Сербии в 1991–1992 и 1996–1997 годах. Организация «Freedom House» (FH) активно курировало данное движение, в частности, передала его

активистам для изучения тактики и методов ненасильственной борьбы 5 тыс. экземпляров книги Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии» [8]. В августе и сентябре 2000 года для активистов «Отпор» проводились десятидневные сборы в американских посольствах в Болгарии и Румынии, на которых сотрудники ЦРУ и специалисты по пропаганде обучали молодых оппозиционеров политическим технологиям.

К 2000 г. количество членов «Отпора» достигло 100 000 человек [8]. Символом этой организации стал сжатый кулак на черном фоне, а основными лозунгами, направленными против тогдашнего президента Сербии Слободана Милошевича, были: «Gotov je!» («Конец ему!»), «Vreme je!» («Его время истекло!») и «Dosta je!» («Довольно ему!»).

После успешной кампании в Сербии «Отпор» меняет название на CANVAS («Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий») и превращается в своего рода учебный центр по подготовке цветных революций.

Аналогичные молодежные революционные организации при содействии активистов «Отпор» были созданы в Грузии и на Украине. В апреле 2003 года на базе студенческого движения Тбилисского университета была образована организация «Кмара!» («Хватит!»), сыгравшая немаловажную роль в грузинской революции. У «Отпора» была позаимствована и символика – плотно сжатый кулак. Единственное отличие грузинского варианта состояло в том, что знак «Кмары» – кулак – был изображен не на черном, а на оранжевом фоне.

Весной-летом 2003 года около 2 тыс. активистов «Кмары» под руководством сербских инструкторов прошли подготовку на специальных семинарах. В июне 2003 года в городке Цхваричама (в 15 км от Тбилиси) в бывшем советском пионерлагере проводились трехдневные курсы обучения методам «ненасильственной борьбы» для более 1 тыс. членов «Кмары».

С ноября 2003 года лидеры «Отпор» стали совершать поездки по Украине. Они по-

сетили с лекциями по технологиям и методам ненасильственного сопротивления власти пять крупных украинских городов, участвовали в организации лагерей для украинских активистов. Так, 1 августа 2004 года в летнем лагере Евпатории был организован недельный слет 320 молодых украинцев.

В марте 2004 г. накануне президентских выборов на Украине было создано молодежное политическое движение «Пора!». Основными задачами организации были: поддержка оппозиции и борьба против власти в лице президента Леонида Кучмы и премьера Виктора Януковича [8].

Во время подготовки Евромайдана в 2013 году студенческая молодежь снова выступила в роли инициативного пропагандиста и проводника неолиберальной идеи ненасильственного свержения государственной власти, вдохновляясь перспективой выхода страны в пространство Европейского Союза.

В целом, программы и технологии, входящие в первый комплекс мер по подготовке цветной революции, можно назвать *рекрутинговыми*. Их главная задача – сформировать в публичном политическом пространстве хорошо скоординированную сеть агентов для осуществления серии протестных акций.

Комплекс 2. Включает *технологии формирования мобильных информационно-коммуникативных систем*, позволяющих оперативно проводить в нужное время и в нужном месте серии протестных акции.

Социальные интернет-сети сегодня являются неотъемлемым мобилизационным ресурсом ЦР. Считается, что именно интернет-коммуникации сыграли решающую роль в подготовке и проведении ЦР в странах Ближнего Востока, получивших название «Арабская весна». Во время революционных событий в Египте и Ливии основными способами использования информационных технологий были: организация рассылки руководящих инструкций к действию через электронную почту; создание страниц в социальных сетях, где повстанцы обращались к пользователям с призывом участвовать в массовых демонстрациях. В данной си-

туации службы безопасности государства оказались бессильными в противостоянии новой для них форме организации протестного движения, которое сразу же приобрело лавинообразный, неуправляемый характер. Государственными властями были предприняты попытки временного прекращения работы социальной сети Facebook и сервиса Twitter, однако это не смогло предотвратить использование Сети протестующими – они продолжили пользоваться микроблогами через мобильные приложения, SMS-сообщения [9].

Следует заметить, что с помощью таких социальных сетей как «Facebook» и «Twitter» осуществляется организация так называемой «умной толпы» [3], способной выступить в роли людского формирования быстрого реагирования. «Использование данной технологии заключалось в применении определенных инструментов: во-первых, информационные вирусы, мигрирующие из одной социальной сети в другую; во-вторых, смс-атаки; в-третьих, полноценная информационная война, когда официальная информация приобретала явный перекося, блокировался доступ к каналам, выражающим плюралистическую точку зрения (в Западной Украине не показывали российские каналы). Для привлечения людей на Майдан по сети гуляли разнообразные вирусы, например: «Утром могут начать разгон. Максимальный репост, пожалуйста», «Янукович подписал таможенный союз», «30 ноября на Майдане «Беркут» до смерти забил девушку». Несмотря на ложный характер большинства сообщений основными целями их распространения, с одной стороны, было привлечение внимания к теме Майдана менее заинтересованных и политически нейтральных наблюдателей, а с другой стороны, сплочение людей и эмоциональная подпитка майдановцев для дальнейшей политической борьбы» [5, с. 74].

В социальных сетях и микроблогах создаются специальные группы, в которых объединяются совершенно разные люди, имеющие, однако, общие представления о политической жизни в стране. Они могут становиться участниками различных акций, которые ор-

ганизуются уже в оффлайне. Таким образом, стратегия «Twitter-революция», реализуемая вначале лишь в цифровых медиа, получает продолжение в реальной среде [7, с. 14–15].

В условиях Twitter-революции на смену уличным битвам приходят «сетевые войны», где объектом, которым хотят завладеть, является часть пространства сети. В результате происходит виртуальная эскалация политического конфликта. В свою очередь, сетевые войны выступают важным катализатором протестных настроений, реализуемых уже в оффлайне.

Комплекс 3. Включает технологии, запускающие дискурсивные механизмы *политики памяти*, связанной с задачей конструирования новой идентичности [1], которая помогает избавиться от символического наследия «проклятого режима». В дискурсе политики памяти, внедряемом в общественное сознание в ходе ЦР, преследуются такие стратегии, как: переинтерпретация прошлого, консолидация общества на основе новых символов и мифов; легитимизация протестных движений и вновь образованных политических структур [4, с. 244]. В целом же, политику памяти можно определить как систему способов и форм политизации прошлого в целях управления коллективной памятью [6, с. 11].

Технологии политики памяти в периоды подготовки перехода к новому неолиберальному устройству общества представляют собой совокупность следующих приемов:

1) отождествление неугодного режима с тоталитарной системой, от которой следует обязательно избавиться;

2) формирование образа собственного народа как жертвы тоталитарного режима;

3) создание музеев тоталитарных режимов и памятников их жертвам;

4) героизация исторических персонажей, которые вели борьбу с тоталитарным режимом; создание нового пантеона национальных героев [6, с. 11–12];

5) переинтерпретация символов существующей власти, «борьба с памятниками» и старой символикой;

6) пропаганда в СМИ новых версий национальной истории.

Указанные приемы прошли свою апробацию в период «цветных революций» в Венгрии (1956 г.), в Чехословакии (1968 г.), а также в период неолиберальных реформ в странах Восточной Европы и в России в начале 1990-х гг.

В России в условиях сверхцентрализованного государства, построенного по принципу «вертикали власти» и не имеющего «подушки безопасности» в виде сильного гражданского общества, опасность возникновения ситуации «управляемого хаоса» особенно велика, а наличие сильнейшей социальной дифференциации и антагонизмов может стать внутренним источником и благоприятной почвой для прорастания ЦР.

Одной из теоретико-методологических задач, направленных на профилактику появления на свет ЦР, является проникновение в суть дискурсивно-идеологического комплекса цветных революций. *Под дискурсивно-идеологическим комплексом того или иного общественно-политического движения (в данном случае – «цветных революций») мы понимаем систему архетипических категорий-концептов, образующую в совокупности его ценностно-смысловое ядро и задающую его дискурс.*

Во-первых, это система мифологем, концептов. В ЦР таковыми выступают «народ», «свобода», «права человека», «коррупция».

Во-вторых, это система, в которой существует ценностно-смысловое ядро, качественно определяющее взаимосвязь всех прочих мифологем. В ЦР – это «народ» и «борьба» за его освобождение. Ценностно-смысловое ядро определяет своеобразный облик того или иного движения в сравнении с другими, даже если при этом набор мифологем достаточно похож.

В-третьих, как всякий дискурс, дискурс ЦР или его ценностно-смысловое ядро в виде дискурсивно-идеологического комплекса обладает кратологическим, семиотическим и праксеологическим ресурсом, что означает следующее: а) дискурс есть *властный ресурс*,

б) он предписывает и *задает пространство смыслов* и значений, в) он формирует *комплекс социальных и политических практик*. Все вместе это и порождает сложный характер таких массовых социально-политических движений как популизм, фашизм, фелькише и т. п.

Дискурсы, порождаемые и транслируемые конкурирующими социальными акторами, представляют собой в то же время и конкурирующие знаково-символические системы. В результате, одним и тем же событиям и явлениям даются различные интерпретации и оценки. Общественное мнение формируется под воздействием наиболее сильных дискурсов, т. е. таких, которые в конкурентной борьбе с другими дискурсами в итоге оказываются наиболее убедительными, впечатляющими, эмоционально и интеллектуально заряженными, энергетически емкими. В свою очередь создание «привлекательности» невозможно без лингвистического конструирования, без интерпретации реальности, без акцентирования внимания на взаимно противоположных оценочных суждениях (типа: Бог–Дьявол, добро–зло, свобода–рабство, демократия–диктатура и т. д.). Причем именно проводники «мягкой власти» определяют, что есть «хорошо» или «справедливо», какая страна становится изгоем или образцом демократических трансформаций, подвигая тем самым остальных участников политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на лояльность [10].

Указанные аспекты отчетливо прослеживаются в становлении и развитии протестного дискурса в России и других странах, переживших кризисные явления. В периоды кризисов складывается новое *знаково-символическое пространство*, которое начинает пронизывать все другие пространства социального мира (политику, экономику, искусство, образование, воспитание и т. п.). Здесь особая роль принадлежит *смыслопорождению*: вводятся в оборот общественного сознания принципиально новые смыслы, которые доказали свою жизнеспособность и действенность в конкуренции с ранее существующими и альтернативными. Информационная революция позволяет

в короткие сроки «перекодировать» сознание, начиная с изменений в коллективной исторической памяти и заканчивая миром символов-смыслов. В конечном счете, формируется новая семиотическая структура с центральным смысловым ядром – мифологемой «демократия». Для идентификации «свой-чужой» начинает использоваться яркая «революционная» опознавательная символика.

В период подготовки ЦР переозначивание привычного семиотического пространства осуществляется при помощи *главного инцидента*, который создается специально. В революциях в Сербии (2000), на Украине (2004) и в Грузии (2004) таким инцидентом стали результаты выборов, которые были объявлены сфальсифицированными. Революция в Тунисе (2010) – стране с авторитарным режимом – началась с самосожжения торговца на одной из центральных площадей столицы. В итоге событие, казалось бы, не очень значительное по своему масштабу, вызвало цепную реакцию и привело в движение большую массу протестующих. В каждом конкретном случае в сознание активистов посредством распространения протестного дискурса закладывалась мысль о необходимости срочных (или радикальных) перемен, исключающая возможность принятия взвешенного решения не только об участии в «ненасильственных» акциях, но и о целесообразности их проведения вообще.

В целом, эволюцию центрального смыслового ядра дискурсивно-идеологического комплекса ЦР можно схематично представить как *движение от очарования демократическим и протестным дискурсом к манипулятивному дискурсивному управлению толпой посредством переозначивания прежних символов и конструирования новых смыслов*. В политической практике постсоветских государств данный процесс получил название «декоммунизация». И далее после прохождения этапа дискурсивной *деструкции* осуществляется движение в направлении полномасштабного *утверждения и господства идеалов и ценностей неолиберализма*.

1. Малинова О.Ю. Политика памяти в постсоветской России // <http://postnauka.ru/video/41333>.
2. Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) // <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>.
3. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР ПРЕСС. 416 с.
4. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.
5. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Том. 14. Выпуск 4. С. 65–76.
6. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2015. № 1 (18). С. 10–19.
7. Столяров А.А. Коммуникационные стратегии в политическом PR. Автореф. дис... канд. филол. наук. Москва, 2015. 28 с.
8. США начинают подготовку к «цветной революции на Украине?» // <http://kramtp.info/news/12/full/id=24126>.
9. Юсупова-Фарзиева Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современном мире: Автореф. дис... канд. полит. наук. Пятигорск, 2012 // <http://pandia.ru/text/77/415/89680.php>.
10. <http://svom.info/entry/223-sekrety-cvetnyh-revoljucij-prodolzhenie/>.

1. Malinova O.Yu. Politika pamyati v postsovetskoj Rossii // <http://postnauka.ru/video/41333>.
2. Ovchinskij V.S., Sundiev I.Yu. Funkcional'nyj genезis i sistema texnologij XXI veka (doklad Izbornskomu klubu) // <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>.
3. Rejngol'd G. Umnaya tolpa: novaya social'naya revolyuciya / per s angl. A. Gar'kavogo. M.: FAIR PRESS. 416 s.
4. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. 400 s.
5. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2014. Tom. 14. Vypusk 4. S. 65–76.
6. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Agonal'nyj diskurs sovremennoj politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», 2015. № 1 (18). S. 10–19.
7. Stolyarov A.A. Kommunikacionnye strategii v politicheskom PR. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. Moskva, 2015. 28 s.
8. SShA nachinayut podgotovku k «cvetnoj revolyucii na Ukraine?» // <http://kramtp.info/news/12/full/id=24126>.
9. Yusupova-Farzieva D.M. Informacionno-kommunikativnye texnologii kak osnova «cvetnyh revolyucij» v sovremennom mire: Avtoref. dis... kand. polit. nauk. Pyatigorsk, 2012 // <http://pandia.ru/text/77/415/89680.php>.
10. <http://svom.info/entry/223-sekrety-cvetnyh-revoljucij-prodolzhenie/>.

UDC 327.8

DISCURSIVE-IDEOLOGICAL COMPLEX OF «COLOR REVOLUTIONS»

Bocharov Alexei Vasilyevich,

«Regions of Russia» Media Holding,
Department Director,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: alexbox@bk.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Institute of Finance and Law,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Khmelinin Aleksey Alekseevich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Annotation

The article analyzes the discursive and ideological set of «colored revolutions», which is understood as a system of categories and the archetypal concepts together formed its value-semantic core and set its discourse with a semiotic and powerful properties. This new discourse serves to the promotion of a global neoliberal project.

Key words:

colored revolutions, neoliberalism, social nets, twitter-revolution, political technologies, smart crowd, politics of memory, discourse, discursive-ideological complex.

УДК 327

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ КАК СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РАБОТА С ПРОШЛЫМ

Кочнева Елена Дмитриевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: lestognij@yandex.ru

Аннотация

В статье содержится обзор проблематики политики памяти, а также анализ различных подходов к интерпретации этого феномена. В частности, рассматривается историческая память и национальная память, состояние политики памяти в постсоветском пространстве – изучение практик политического использования исторических событий на примере Великой Отечественной войны.

Ключевые слова:

политика памяти, историческая память, фальсификация истории, национальный консенсус, Великая Отечественная война.

Память уже давно не является предметом ожесточенных и часто смертельных идеологических битв в России. Те, кто контролирует прошлое, также контролируют и настоящее.

В последнее время российская власть обратила большое внимание нашей «тысячелетней истории». Это не только установление хронологических рамок, но и принцип повествования конкретных событий, провозглашенный государственными руководителями. Политика памяти постоянно уменьшает возможности для общественного обсуждения в самой России и между Россией и ее соседями, поскольку обе стороны пытаются привить идеи, которые противоречат как реальности, так и интересам противоположной стороны. Последовав за своими соседями по политике памяти, Россия лишь усиливает атмосферу глухого диалога.

Изучение политики памяти является развивающимся международным явлением.

Определяющим событием в проблематике памяти стало появление в 1978 году статьи историка Пьера Нора о «коллективной памяти». Нора, в определении памяти, объяснил, что можно отмечать и описывать все те формы присутствия прошлого и политизированного подхода к истории, которые до этого не подверглись критическому анализу. Большой успех публикации под редакцией Нора «Места памяти» («Lieux de Memoir») [15], в которой памятные места трактовались как символы национальной идентичности, придал новый импульс исследованию проблематики памяти. Изначально употреблялось только понятие «политика памяти» (politique de la mémoire).

И во Франции, и в России государство пытается влиять на историков, проводя определённую историческую политику. Во Франции в последние 20 лет проявилась следующая тенденция: Национальное собра-

ние принимает законы, касающиеся защиты жертв, а не законы о защите государства, – это большая разница. Закон, противодействующий отрицанию Холокоста, закон о рабстве как преступлении против человечности, закон о жертвах колонизации, закон о геноциде армян. Самые острые дебаты вызвал в 2005 году закон о колонизации: цель его заключалась в том, чтобы представить роль колонизационной армии и колонизации с положительной стороны. Этот закон, который критиковали многие историки, был сначала принят, а потом отменен. Надо сказать, что, в основном, такие акты принимались под нажимом общественных объединений, а не под давлением государства.

Подобные вещи не получают должной поддержки (даже когда наличествуют гуманистические соображения, как с законом об отрицании Холокоста), потому что принципиально неправильно, чтобы государство или Национальное собрание принимали законы, которые квалифицируют исторические подходы. Закон, а не исследователи начинают определять, что в истории было правильным, а что неправильным, что является истиной, а что ложью и фальсификацией. Власти имеют право и даже должны содействовать формированию коллективной памяти об исторических событиях, памяти о жертвах (например, заниматься компенсациями жертвам, облегчением их положения, сохранением памяти об их страданиях). Но всякий закон, принятый по поводу исторических оценок, может быть очень опасным.

Мы рискуем впасть в то, что известный историк Марк Блок называл «непростительным грехом анахронизма» [1]. **Сейчас также понятие Пьера Нора «место памяти» очень популярно в исторических и культурологических исследованиях.** Нужно различать «мемориалы» и то, что называется «местами памяти». «Мемориалы» – это то, что создают официальные общественные объединения или правительство, чтобы сохранить память о чем-либо. Название улиц, ассоциации ветеранов, памятники жертвам войны; все это – мемориалы. Понятие «место памяти» олицетворяется с существующим пространством памяти, которое

гораздо шире, чем отраженное в мемориалах представление о прошлом.

В это же терминологическое поле также попало понятие «поколение». Это очень популярный термин. Но какова его история? Это слово стали употреблять, начиная с Французской революции. Концепция «поколения» развивалась и менялась до 1968 года, когда молодые люди создали как бы новый вид поколения. До этого мы всегда говорили, к примеру, «поколение первой Мировой войны», «поколение Народного фронта», «Поколение Освобождения». В 1968 году появилась книга под названием «Поколение», выступающая против всех поколений и форм авторитарности. Много говорили и о том, что поколение – это люди одного возраста, имеющие общую память. Стали появляться книги по истории литературы, основанные на этой концепции поколений. И они иногда сближали авторов, имевших разницу в возрасте в 20–30 лет, но принадлежавших к одному поколению. Тот же историк Марк Блок, например, говорил, что понятие «поколение» историки не должны использовать, ибо оно не имеет никакого значения – ни интеллектуального, ни демографического. Пьер Нора стал использовать его, чтобы подчеркнуть все сложности и противоречия и показать, что оно само является одним из «мест памяти», местом, которое как и гранитный мемориал способно хранить [8]. «Поколение» – это довольно специфическая категория, которая не использует конкретную категорию времени. Когда речь идет о месте памяти, связь со временем, демографией, историей всегда очень сложна.

В России явление «политика памяти» проявляется в особой форме, поскольку постсоветская память является крайне политизированной. Отчасти это связано с наследием коммунистического режима, легитимность которого была проведена на основе Сталинской концепции истории, и была подорвана в период перестройки путем радикальной переоценки советского прошлого. Однако после падения коммунизма истории потеряли свою привлекательность. «Политика памяти», которую Миллер в статье 2009 года «Россия: власть и история» определяет как «различные общественные практики

и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти» [7], является лишь одной из форм исторической политики, нередко доминирующей, что может привести к приравнению или смешению двух понятий.

Уже несколько лет в России ежегодно проходит интенсивная информационная кампания, пропагандирующая жест памяти, связанный со Второй Мировой войной: каждому человеку предлагается носить георгиевскую ленточку. Их раздают на улице, а после 9 мая их можно найти валяющимися на земле. Можно ли таким образом «сверху» создать «место памяти»?

В 2000-е годы эволюцию режима Путина сопровождал новый пересмотр истории, которая вновь стала центральной темой для новой российской идеологии, чьи сторонники заявляют, что после распада традиционных идеологий, «политика памяти – это единственно возможная форма политической жизни» [9]. Защита национального прошлого рассматривается как основа национального сплочения. Однако фигура Сталина, даже после его частичной реабилитации в официальном дискурсе, в учебниках по истории и фильмах казалась слишком проблематичной, чтобы быть выбранной в качестве ключевых исторических символов постсоветской России [14]. Вместо личности Сталина стала Вторая Мировая война как центральная часть для новой политики памяти.

Великая Отечественная война – яркое выражение советского общества. Некоторые историки и политики считают ее частью системообразующего опыта, который поддержал коллективную идентичность советских людей.

«Миф основания» [2] долгое время оставался предметом поисков в постсоветском периоде. Великая Отечественная война – это очень важное событие с богатейшим потенциалом для политического использования. В 1990-е годы делались попытки как-то вписать его в новый нарратив. Но именно в 2000-х годах Великая Отечественная война стала рассматриваться как «миф основания» современной России. Отметим, что в советском нарративе принимается во внимание то, что было до Октябрьской революции, и то, что после, – коммунистическое

будущее. Сложность конструирования постсоветского нарратива – именно в определении его «перспективы».

Цена победы СССР в Великой Отечественной войне – 22-й «спорный вопрос» по русской истории и всей правды об этом периоде мы еще не знаем. Стоит обратить внимание в этой связи не на количество жертв и утраченных материальных ценностей, а на то, почему в новой России официальная история Великой Отечественной войны стала неприкосновенной темой.

Постсоветская Россия такого исторического события, на котором держался бы «миф об основании», так и не обрела. 22 августа 1994 года было провозглашено Днем Государственного флага России, а в обществе отношение к нему остается неоднозначным: большинство предпочитают называть максимально обезличенно – «августовскими событиями».

В 2004-м перестал быть праздником и другой значимый для «новой России» день – 12 декабря; в 1993 году в этот день была принята демократическая Конституция. В 2007 году власти устроили грандиозное празднование Дня флага.

В ельцинскую эпоху была поставлена задача на позиционирование современной России как «новой России», отхождение от России предыдущей и установление вектора на строительство светлого будущего. Но эффективных инструментов увековечения этого нового исторического опыта в рамках коллективной памяти так и не было найдено. День Победы, пожалуй, единственный «народный» праздник. Великая Отечественная война на протяжении двух десятилетий постсоветской России сохраняла статус самого важного народно-исторического события.

Новая российская власть сознательно не разрывает символическую связь с советским периодом. Примером коллективной памяти выступает годовщина Октябрьской революции, которая продолжала оставаться официальным праздником до 1996 года.

По мнению О. Малиновой, существуют три критерия политической пригодности событий прошлого:

Узнаваемость – объясняет, почему так сложно заново номинировать символы прошлого для политического использования (например, память о Великой Отечественной войне является удобной, т. к. является узнаваемым символом, память о котором формируется по разным каналам).

Способность соответствовать культурно заданным шаблонам воображения политических сообществ. И вновь память о войне хорошо встраивается в разных проекциях: это символ героического прошлого, великих жертв, страданий, спасения.

Неоспариваемость – символы прошлого, которые не характерны для конструирования национальной идентичности, являются объектом двусмысленного оспаривания. В этом плане Великая Отечественная война при всем обилии самых разных интерпретаций и трактовок не подвергается сомнению своего значения, и поэтому оказалось, что это символ, универсально пригодный для политического использования [6].

Существует мнение относительно того, почему в советский период не пропагандировался культ Победы. Например, британец Ричард Овери предполагает, что это вынужденный шаг в сторону сохранения приоритетной позиции самого культа личности вождя. «Он желал восстановить свою личную власть после войны, после нескольких лет своей зависимости от лояльности и компетентности других», и для этого вполне достаточно было «заставить замолчать тех, кто прямо или косвенно противоречил его излюбленному нарративу о себе как об «архитекторе победы», – писал Овери в своем труде «Война России» [16].

Но с приходом к власти Хрущева был развенчан сталинский миф: «Не Сталин, а партия в целом, советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ – вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне», – объявил первый секретарь ЦК на историческом закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года [11].

В 1990-е годы политика памяти Бориса Ельцина подчеркивала не столько имперскую

славу России, а, скорее, ее культурные достижения, особенно в XVIII и XIX веках, которые многие россияне считают как минимум сопоставимыми с Западом. Национальный консенсус путем стимулирования «культурного патриотизма» был и остается вариантом для новой политики памяти.

В 1990-е годы события Великой Отечественной войны подвергались переоценке, но не подвергались глубокому переосмыслению. Понятно, что люди были больше сосредоточены на наиболее очевидных темных сторонах коммунистического прошлого, чистках, репрессиях и тому подобном.

При Путине государство заменило культуру как ключевую тему новой политики памяти. Культ государства является ядром «новой русской идеологии», которая призвана оправдать огромные увеличения полномочий Президента, рост государственной бюрократии, господство исполнительной власти над законодательной, уничтожение многопартийной системы и возвращение к неоимперской позиции во внешней политике.

Новая мифология войны подчеркивает единство народа и государства, а не государство насилия над людьми. Она подчеркивает мирный характер Советской внешней политики и защищает память государства от обвинений, таких как соучастие в инициировании войны, насилия со стороны Красной Армии и ее захват независимых государств с последующей установкой марионеточного «народного демократического» режима. Это подчеркивает роль России в победе над фашизмом и утверждает ее право на всеобщее признание и, косвенно, для той части мира, которую она завоевала. Россия «страдает» историей, признав цену победы и, сохраняя память о войне как привилегированное выражение пережитого ужаса и зверства, перекрыв память сталинских репрессий [10].

Несмотря на институционализацию государственного культа Великой Отечественной войны для молодого поколения события 70-летней давности становятся прошлым. «Мы подводим итоги прошедшего, строим планы – что сделать на следующий год. В ис-

текшем году было много событий, но самым значимым было 70-летие Великой Победы», – сказал Путин [12]. Но согласно опросам ВЦИОМ, 43% россиян считают главным событием 2015 года военную операцию России в Сирии (так ответили 43% респондентов). 26% россиян уверены, что самым значимым событием 2015 года стало обострение отношений между Россией и Турцией. Еще 25% опрошенных полагают, что основные события 2015 года происходили на Украине.

Восточная Европа (включая Россию) переживает запоздалое национально-государственное строительство, сопровождающееся национализацией истории. Однако написание национальной истории сегодня весьма проблематично, учитывая глубокие изменения в интеллектуальной перспективе, вызванные достижениями социальной и культурной истории.

Высшей точки институционализация государственной «политики памяти» достигла при Дмитрии Медведеве. В записи в своём видеоблоге от 8 мая 2009 года Президент Медведев отметил, что попытки фальсификаций «становятся все более жёсткими, злыми, агрессивными» [13]. В мае 2009 года Президент Дмитрий Медведев создал комиссию для решения проблемы «фальсификации истории в ущерб интересам России» [3]. Комиссия призвана обобщать и анализировать информацию о фальсификации исторических фактов, «направленную на умаление международного престижа России». Кроме того, комиссия должна вырабатывать стратегию противодействия фальсификаторам и предлагать Президенту конкретные меры по борьбе с искажениями «правильной» истории. Комиссия должна собираться не реже двух раз в год.

14 февраля 2012 года указ 2009 года о создании комиссии был отменён президентом Медведевым, и комиссия, соответственно, прекратила существование [5]. Решение было замечено и вызвало комментарии не сразу, поскольку никак не упоминалось в названии указа, основная часть которого была посвящена другой президентской комиссии.

В том же указе от 14 февраля в части, посвящённой организации объявленного Медведевым месяцем ранее Года российской истории, говорится, что одной из задач создаваемого для этой цели оргкомитета является «противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым с целью нанесения ущерба интересам России» [4].

Появление этой комиссии было неудивительно и отражает растущую тенденцию в российской политике. Отметим, что невозможно спорить против консервативно-националистических позиций, предлагая «более точные» интерпретации прошлого. Вместо этого требуется тщательное размышление о роли истории в текущей политической жизни и о роли политики памяти.

Требуется более энергичное вмешательство государства в общественные дебаты о России авторитарного прошлого и о значении Второй мировой войны, в частности. Вопрос отношения к прошлому – болезненная тема во взаимодействии между индивидом и государственной машиной, которая ищет в памяти о былом инструменты для легитимации своего существования и управления жизнью граждан.

Ярким индикатором существующей политики памяти является отношение к празднованию Дня Победы и государственная рефлексия на высказывания и тексты, связанные с историей Второй мировой и Великой Отечественной войн. Многие «официальные» политики в России, в том числе и Сергей Шойгу, высказывались в пользу введения той или иной меры ответственности за отрицание факта победы СССР в Великой Отечественной войне (крайне спорное суждение, поскольку победа Советского Союза в Великой Отечественной войне бесспорна, но если мы широко говорим о Второй мировой, то должны помнить, как минимум, о распределении победы среди стран-победительниц и послевоенной истории этих государств). Для сторонников подобного подхода, в том числе ряда ученых, история Великой Отечественной войны, а, зачастую, история вообще – устоявшаяся легенда, не допускающая пересмотра и даже дискуссии.

Одним из элементов, необходимых для формирования политической нации, является так называемое знаменательное событие, за которое «цепляется» народная память. Великая Отечественная война, выраженная через время в празднике Дня Победы, на данный момент является именно таким событием, поскольку все попытки государства сконструировать дату, которую можно было бы считать началом «новой» России, приемлемым для формирующейся демократии, оказались бесполезны.

Фактически, это замкнутая ситуация, которая диктует нам, как себя вести по отношению к темам, в силу своей исторической достоверности ставших для нас сегодня, с одной стороны, священными, а с другой – табуированными. К сожалению, в нашем контексте это прежде всего тема войны и всего, что с ней связано.

1. Непростительный грех анахронизма (Марк Блок) – приписывание людям другого времени и другой культуры эмоциональных установок и норм поведения, свойственных самому историку и современности.

2. Миф основания (О. Малинова) – историческое событие, знаменующее «рождение» нации либо момент, когда в полной мере проявился ее «характер».

3. Указ Президента РФ от 15 мая 2009 № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». [Электронный ресурс]: <http://ria.ru/society/20090519/171517015.html>.

4. Указ Президента Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. № 183. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/252916>.

5. Кантор Ю. Без фальсификаций // Московские новости, № 238, 19 марта 2012.

6. Малинова О. Политика памяти в России // Вольное историческое общество, 03.12.2015 (интервью). [Электронный ресурс]: <http://volistob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii>.

7. Миллер А.И. Россия: власть и история // Полит.ру, 25.11.2009. [Электронный ресурс]: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/>.

8. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение, № 30, 1998 г.

9. Павловский Г. Плохо с памятью – плохо с политикой // Русский журнал, 9.12.2008 г. [Электронный ресурс]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>.

10. Хапаева Д. Готическое общество: морфология кошмара. – М.: Новое литературное обозрение, 2009, 359–394.

11. Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // «Известия ЦК КПСС», 1989 г., N 3 // Звенигородская электронная библиотека. [Электронный ресурс]: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt>.

12. Путин назвал 70-летие Победы главным событием

2015 года // Интерфакс, 25.12.2015. [Электронный ресурс]: <http://www.interfax.ru/russia/487279>.

13. Создана комиссия по противодействию фальсификации истории // Вести.ru, 19.05.2009. [Электронный ресурс]: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=286094&cid=5>.

14. Brent J. Postmodern Stalinism // The Chronicle of Higher Education, 21.09.2009. [Электронный ресурс]: <http://chronicle.com/article/Postmodern-Stalinism/48426/>.

15. Nora P. Memoire collective // La nouvelle histoire / J. Le Goff, J. Revel (Hg). P., 1978. S. 398–401; Les lieux de memoire / P. Nora (Hg). 7 Bd. P. 1984–1992.

16. Overy Richard. Russia's War (Война России) // Penguin Books Ltd, p. 416, 2010.

1. Unpardonable sin of anachronism (Marc Bloch) – attribution of the people of another time and another culture emotional attitudes and behaviors characteristic of most historians and modernity.

2. Myth base (O. Malinova) – historic event marking the «birth» of a nation when fully manifested its «character».

3. Presidential Decree of May 15, 2009 № 549 «On the Presidential Commission of the Russian Federation to counter attempts to falsify history to the detriment of Russia's interests.» [Electronic resource]: <http://ria.ru/society/20090519/171517015.html>.

4. Presidential Decree on February 14, 2012. № 183. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/252916>.

5. Yu. Kantor without fraud // Moscow News, number 238, March 19, 2012.

6. Malinova O. Politics of Memory in Russia // the Free Historical Society, 03/12/2015 (interview). [Electronic resource]: <http://volistob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii>.

7. A. Miller Russia: the power and history of Polit. ru //, 25.11.2009. [Electronic resource]: <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller/>.

8. Nora P. generations as a place of memory // New Literary Review, number 30, 1998.

9. G. Pavlovsky Poor memory – a bad policy // Russian journal of 9.12.2008 [electronic resource]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>.

10. D. Khapaeva Gothic Society: Morphology nightmare. – M.: New Literary Review, 2009, 359–394.

11. N.S. Khrushchev On the Personality Cult and its consequences. Report of the XX Congress of the CPSU // «Proceedings of the CPSU Central Committee», 1989, N 3 // Zvenigorodskaya electronic library. [Electronic resource]: <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt>.

12. Putin called the 70th anniversary of the Victory the main event in 2015 // Interfax, 12.25.2015. [Electronic resource]: <http://www.interfax.ru/russia/487279>.

13. A commission to counter the falsification of history // BBC News, 19.05.2009. [Electronic resource]: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=286094&cid=5>.

14. Brent J. Postmodern Stalinism // The Chronicle of Higher Education, 21.09.2009. [Electronic resource]: <http://chronicle.com/article/Postmodern-Stalinism/48426/>.

15. Nora P. Memoire collective // La nouvelle histoire / J. Le Goff, J. Revel (Hg). P., 1978. S. 398–401; Les lieux de memoire / P. Nora (Hg). 7 Bd. P. 1984–1992.

16. Overy Richard. Russia's War (War Russian) // Penguin Books Ltd, p. 416, 2010.

UDC 327

POLITICS OF MEMORY IN RUSSIA AS A SYSTEMATIC WORK WITH THE PAST

Kochneva Elena Dmitrievna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
postgraduate,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: lestognij@yandex.ru

Annotation

This paper provides an overview of the policy issues of memory, as well as an analysis of different approaches to the interpretation of this phenomenon. In particular, the historical memory and national memory, the state of the politics of memory in post-Soviet space - the study of the practice of political use of historical events on the example of the Great Patriotic War.

Key words:

the politics of memory, historical memory, falsification of history, national consensus, the Great Patriotic War.

УДК 323.2; 327.8; 327.39

ФРАКЦИОНИСТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ИРАНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на изучение политики памяти в Исламской Республике Иран. Исследование базируется на авторской методологии, предполагающей анализ влияния разных фракций на процесс формирования политики памяти. Результатом исследования стало выделение различий в концептуальном обосновании отношения к истории различных акторов в иранском обществе. Также в конце статьи автором приводится периодизация влияния различных фракций на формирование политики памяти в Иране.

Ключевые слова:

политика памяти, политический ислам, исламская революция, Иран, политические фракции.

События последних лет в странах Ближнего востока и исламского Магриба подчеркнули важность научных изысканий, направленных на понимание происходящих внутривнутриполитических процессов, связанных с конструированием идентичности и памяти. Отдельный академический интерес представляет Исламская Республика Иран, активизирующая свою внешнеполитическую роль в исламском мире и активно участвующая в происходящих конвергентных и дивергентных процессах уммы.

В контексте вызовов вооруженных конфликтов в Сирии и Йемене, характеризующихся прямым столкновением и поляризацией позиций разных течений исламского вероучения, актуализируется вопрос конструирования идентичности и исторической преемственности. Для реализации подобных новелл поли-

тического конструктивизма применяется т. н. политика памяти. Данный концепт не является новым для отечественной политической науки, но не прошел полной концептуальной институционализации в российском академическом дискурсе.

В частности, значимым этапом формирования дискурса в отношении данного вопроса является тематический 46 выпуск журнала «Pro Et Contra», посвященный вопросам политики и истории. В частности, Алексеем Миллером там поднимается вопрос о формировании в российском академическом дискурсе понятий, отвечающих за вопросы сопряжения истории и политики [4].

Автором, в частности, рассматриваются взаимоотношения между концептами «политизация истории», «политика памяти» и «историческая политика». Подчеркивается, что все

эти концепты связаны с переломными моментами в политической истории государства, выполняют функцию адаптации возникшего нового режима к ретроспективе существования государства.

Большинство авторов выпуска на передний план выдвигают именно концепт «историческая политика» как наиболее близкое понятие отечественной науке, так как данный концепт является рецепцией польского термина «*polityka historyczna*» [5], в свою очередь, перенесенного с немецкого понятия «*Geschichtspolitik*», возникшего и артикулируемого в ФРГ в конце 1980-х годов [4]. Несмотря на это, «историческая политика» является локальным понятием, в большинстве своем имеющим место быть в затронутом коммунизмом ареале и, среди прочего, преследующим цель преодоления постсоветской аномии и реинтеграции. В большинстве восточных политий, имеющих принципиально иную историческую повестку, имеют место быть иные процессы, базирующиеся на плюралистическом и синкретическом восприятии политической истории.

В таких условиях наиболее релевантным для удовлетворения аналитического интереса представляется концепт «политика памяти», затрагивающий проблематику регулирования коллективных этно-религиозных практик и сведения их в единый лоскут государственной идеологии. «О политике памяти мы говорим тогда, когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (то есть о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других» [4].

В общих чертах, для осуществления политики памяти используются следующие инструменты:

Во-первых, определение стандартов исторического образования.

Во-вторых, определение тематики и векторов материальной поддержки научных исследований.

В-третьих, регулирование доступа к архивам.

Однако данные инструменты затрагивают вопросы практической имплементации; формирование общих концептуальных основ политики памяти зиждется в русле перманентных политических задач и носит строго индивидуальный характер в зависимости от политической конъюнктуры государства.

Потребность формирования оформленной политики памяти в Иране появилась после Исламской Революции 1978–79 годов. Новая власть ощущала потребность в политическом конструктивизме, способном осуществить адаптацию нового теократического режима к осколкам шахского Ирана. За базовый модус исторической преемственности был принят краткосрочный период правления главы правительства Ирана Мохаммада Мосаддыка, в течении которого были национализированы многие объекты нефтедобывающей промышленности. После революции фигура премьера была сакрализована: он был объявлен одним из современных борцов за независимость Ирана, нынешняя ипостась которого является исторической преемственностью к его политике; в его честь было названо множество инфраструктурных объектов, в 1979 году день принятия им решения о национализации стал государственным праздником, а в 2009 году даже была выпущена компьютерная игра, где предлагается влиться в роль его кота и стать пассивным участником эпохи его правления.

Также в основу политики памяти был заложен принцип маргинализации всего, что было ассоциировано с шахским режимом и влиянием в Иране западных держав. Например, на символическом уровне было запрещено ношение галстуков, сам атрибут объявлен «удавкой Запада»; данные нормы исторического этикета действуют и по сей день. Сами отношения с зарубежными странами были положены в формулу «США – большой Сатана, СССР – малый Сатана», которая метафорически отражает сублимированное выражение политической повестки тогдашнего Ирана.

Значимым исключением стало отсутствие каких-либо ограничительных мер, связанных с английским языком, оставшимся значимой *lingua-franca* республики. До настоящего времени он активно используется в Иране, в т. ч. на официальном уровне. Например, на нем дублируется название многих учреждений, английский используется на иранских денежных знаках.

В последствии, приверженность данным общим принципам интерпретации истории стала критерием включения политических сил в систему государства. Отказ от их воспроизводства, по сей день, неизбежно приводит к маргинализации и политическому забвению.

Частные элементы политики памяти сопряжены с политической повесткой конкретных политических сил. Политическая система в Иране, в целом, стратифицирована на устоявшиеся фракции, управляющие страной в условной коалиции, но транслирующие аутентичную политическую повестку [2, с. 64]. Данный фракционизм и принципы его функционирования традиционно являются предметом научных изысканий отечественных и зарубежных исследований. В частности, российская традиция, в большей мере, основана на подходе иранского ученого доктора Сейида Борзини [1].

Основу подхода составляет анализ исторической эволюции политической системы Ирана с выделением восьми условных этапов развития фракций. Как итог, выделяются такие фракции: фракция Хезболлах, фракция Центристов, фракция «Правых», фракция «Левых» [2, с. 71–74]. Отмечается, что различия содержат следующие представляемые фракциями элементы: политическая идея, понимание истории, общественно-социальная структура, лидеры, организационная структура, методы работы, внутренняя политика, внешняя политика, экономическая политика. В контексте же политики памяти обособленным элементом академического интереса является история: ее понимание и репрезентация.

Так как российский подход содержит большое количество структурных связей и предполагает отсутствие демаркации идеологических границ разных политических сил,

в данном кейсе можно обратиться к подходу, разработанному и пролонгируемому американским исследовательским институтом RAND Corporation. Ученые из США предполагают создание идеологической дихотомии от Левых до крайне Правых сил политического спектра и выделение в рамках данного отрезка акторов, имеющих стабильную политическую повестку, регулярно транслируемую по официальным каналам государства. Особенностью подхода также является то, что анализу подвергаются исключительно системные акторы, учитывается маргинализация многих традиционных для западных стран, в большей степени – Европейских, политических сил, как коммунисты, социалисты, националисты и т. п. В преломлении официального измерения Иранской политики, в большей степени, речь может идти только об узком спектре паралиберальной идеологии и широком спектре консервативной.

Таким образом, специалисты RAND выделяют следующие фракции в Исламской Республике Иран (от левого к правому полюсу соответственно): реформисты (Reformists), прагматики (Pragmatic conservatives), традиционалисты (Traditional conservatives) и реакционеры (Principilists) [12, с. 12]. Соответственно, каждая из указанных фракций имеет собственную повестку политики памяти, выстраиваемую на основе общего модуса. Все фракции имеют обязательный консенсус по следующим, связанным с историей, политическим вопросам:

Во-первых, все указанные фракции привержены Исламской Революции и идее об исключительной исторической роли аятоллы Рухоллы Хомейни.

Во-вторых, все указанные фракции привержены системе исламского правления, в своих идеях не могут выдвигать исторические обоснования любых «контрреволюционных» посылов, а также стараются не артикулировать историческими образами, которые могут быть истолкованы как секулярные.

В-третьих, все указанные фракции имеют консенсус относительно того, что любые вариации политики памяти должны быть направлены на укрепление и дальнейшее воспро-

изводство политической системы Исламской Республики Иран (Nezam).

Сторонники реформ, или реформисты, представляют собой левый полюс в иранской политике, выступают с либеральных аксиологических позиций, а также включают в себя представителей так называемого «зелёного движения». Лидерами являются бывший Президент Мохаммад Хатами, бывший глава правительства Мир-Хосейн Мусави, а также, аятолла Мехди Карруби. Они выступают за повышение роли республиканских учреждений в политической жизни страны. Это выражается в развитии институтов гражданского общества и выборных органов, а также защите прав женщин и религиозных меньшинств. Стоит отметить, что большая часть их влияния на политическую систему Ирана обусловлена тем, что ключевые персоналии являются близкими родственниками Рухоллы Хомейни.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти за левой фракцией были замечены следующие новеллы.

Противодействие арабизации – сторонники фракции имеют максимальную близость к идеям персидского национализма, условно и скрытно инкорпорированного в их повестку. Они выступают против инклюзии любых исторических образов и сюжетов, связанных с арабской культурой, в особенности стран Аравийского полуострова и арабских традиций иранского остана Хузестан. Данная позиция, однако, не относится к кораническим сюжетам, а также к азербайджанской культуре, трансляция которой происходит на национальном уровне в виду принадлежности к данному этносу значимой части национальной элиты.

Иные сюжеты включают в себя акцентуацию республиканских традиций и демократических устремлений, в виду чего особый акцент делается на истоках республики – Мохаммаде Мосаддыке и Рухолле Хомейни; вплоть до того, что образ великого аятоллы – основателя Исламской республики используется как неотъемлемая часть политических компаний, вплоть до его ассоциации с фракцией. Сложным моментом современной истории для фракции является попытка дис-

танцироваться от одного из прежних лидеров левого крыла и апологета республиканских традиций – Абольхасана Банисадра. Беглый первый Президент Республики считается предателем, однако, при этом, де-факто, являясь одним из основателей ИРИ и создателем левой фракции. Соответственно, последние факты в повестке не транслируются, происходит формальное молчаливое согласие с нынешней оценкой Банисадра действующей властью в рамках государственной политики памяти.

К числу прагматически настроенных консерваторов, или прагматиков, причисляют тех политиков Исламской Республики, чьи идеалы направлены на отказ от конфронтации с западом и максимальное экономическое сотрудничество. Согласно их мнению основной целью политики является достижение благосостояния общества с позиций рыночной экономики и высоких социальных гарантий. Представители данных взглядов выступают не только за экономическую, но и за политическую интеграцию со странами запада, считая, что партнёрские отношения с ними являются гарантом государственной безопасности. «Прагматики имеют стабильную поддержку среди иранских технократов и государственной бюрократии» [12, с. 13]. Прагматики являются традиционными выразителями интересов нефтяной промышленности Ирана, максимально заинтересованной в либерализации национальной экономики и свободном экономическом взаимодействии, особенно со странами Запада, что приобрело особую актуальность после отмены санкций. Особой поддержкой прагматики также пользуются в западных областях страны, где не так сильно влияние бониядов. Наиболее видным представителем прагматиков является бывший Президент Республики Али Акбар Рафсанджани.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти, за прагматической фракцией были замечены следующие новеллы.

Арабский конформизм – компромиссное отношение к роли арабской истории в Иране, попытка ее синкретии и интеграции. Прагматиков отличает крайне лояльное от-

ношение как к арабским, в т. ч. и аравийским странам, даже Бахрейну, основу населения которого составляют шииты, так и к суннитскому направлению в Исламе, не в пример другим традиционным конфессиям – христианству, иудаизму и зороастризму, исключенному из политики памяти Ирана.

Также фракция прагматиков считается апологетом использования мягкой силы в контексте политики памяти. Данная новелла должна реализовываться с помощью трансляции культурных связей и формирования иранского мира, исторической частью которого являются носители различных вариаций фарси: курды, таджики, мазендеранцы, гилянцы, луры, бахтияры, талыши, хазарейцы, белуджи, пуштуны, урду-говорящие персоналии различных национальностей, народы Памира; иногда в данный ряд также могут причисляться осетины и иные народности, имеющие стойкие этно-конфессиональные связи с Ираном.

Кроме этого, фракция прагматиков была также замечена в особо теплом отношении к памяти о Мохаммаде Мосаддыке и его наследию.

Ядром сторонников традиционалистски настроенных консерваторов, или традиционалистов, являются наиболее видные представители исламского духовенства. Муджтахиды настаивают на сохранении ценностей традиционного исламского общества и культуры, выступают за добровольную умеренную автаркию государства на мировой арене. Также традиционалисты считают, что реализация принципов рыночной экономики приведет к деградации социума, обострит делинквентные проявления западного образа жизни. Отсюда, традиционалистов активно поддерживают исламские фонды – бонияды, находящиеся вне рамок рыночной экономики, но контролируемые крупными капиталами внутри страны. Традиционалистов часто называют «старой гвардией» исламской революции. Видным выразителем взглядов является аятолла Махмуд Хашеми-Шахруди; в большей мере, к традиционалистам относятся сам Рахбар Али Хосейни Хаменеи и Президент Хасан Роухани.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти за традиционалистской фракцией были замечены следующие новеллы.

Активная артикуляция традиционной иранской культурой – фракция является наиболее видным популяризатором культуры и традиций народов Ирана. Прежде всего это касается курса сохранения исторических памятников персидской цивилизации. В репрезентации культурного наследия, однако, убирается секулярный контекст и подчеркивается традиционное высокое значение ислама как религии и исламского духовенства. В противовес, сторонникам данной фракции характерно непринятие любых других культур, кроме аутентично иранской.

Также политика памяти традиционалистов инкорпорирует и артикулирует культуру и смыслы, существующие в среде так называемых базари – представителей мелкого бизнеса, деятельность которых сосредоточена вокруг базаров, традиционно выступающих на Востоке не только в роли торговых узлов, но и как важного института коммуникации между властью и обществом. Кроме того, традиционалисты выступают за полное слияние политики, истории и религии.

Другой характерной чертой политики памяти традиционалистов является обращение к сюжетам шиитского ислама и их символическому воплощению в современном обществе. Это касается концепции сокрытого имама, по канону веры, который должен проявиться для спасения верующих.

Воплощением же современных героев для традиционалистов являются участники ирано-иракской войны 1980–88 годов. Участники данных боевых действий превозносятся как герои, культ погибших имеет широкое распространение. Символическое закрепление участников войны произведено в названиях множества географических объектов, а почитание видных героев, таких как, например, Мустафа Чамран или Али Сайяд-Ширази, является официальным предметом культа. Выбор данной исторической новеллы обусловлен двумя факторами: исторической близостью событий – многие ветераны конфликта находятся

в добром здравии, и отсутствием возможности превознесения героев шахского Ирана, подвергнутых исторической маргинализации.

Сторонники реакционных взглядов, фракция реакционеров, или также иногда называемая «принциплисты», представляют собой правый полюс иранской политики и выступают с ультраконсервативных позиций в идеологическом ключе. По их мнению любые общественно-политические изменения, не предполагаемые исламской революцией, — не должны реализовываться в обществе. Более того, считается необходимым сохранение «чистых» революционных принципов и идеалов: это включает в себя также противопоставление Западу и попытки экспорта исламской революции за рубеж. С другой стороны, они ориентированы на сохранение внутренней стабильности и обеспечение воспроизводства качественных характеристик политической системы. «Реакционеров называют «Новой гвардией» исламской революции» [12, с. 13]. В их воззрениях политическая формула исламской революции является трансцендентным идеалом, не подлежащим переосмыслению.

Апологетами реакционных взглядов считаются как бывший Президент Махмуд Ахмадинежад, так и его политический противник Али Лариджани. Отнесение данных политических лидеров, имеющих схожие взгляды, но являющихся закоренелыми политическими противниками, не позволяет многим исследователям рассматривать фракцию в качестве консолидированного актора, однако, наличие политического конфликта не исключает имеющуюся идентичность исторической повестки.

С точки зрения концептуальных основ политики памяти, за реакционистской фракцией были замечены следующие новеллы.

Отрицание предыдущей истории — история Ирана для фракции начинается с Исламской Революции, все связанные с ней сюжеты считаются «чистыми», не связанные — «грязными». Соответственно, фракцией превозносятся любые значимые исторические события, произошедшие со времени революции, при этом подавляется влияние традиционной культуры, а также, любых внешних историче-

ских воздействий. Можно сказать, что реакционеры пролонгируют идею исторической автаркии Ирана.

В символическом пространстве ими преследуются идеи экспорта Исламской революции, для чего используются разные концепции — от проведения исторических аналогий предреволюционной ситуации в интересующих режимах, до широкого распространения идеи «от Кербелы до Иерусалима», настаивающей на необходимости объединения Ираном больших пространств, включение в состав государства важных для мусульман-шиитов религиозных центров, а также, последующая ликвидация государства Израиль, история и факт существования которого не воспринимается фракцией. Стоит заметить, что антисемитские идеи не распространяются в отношении иранских евреев, что закономерно по отношению и к другим религиозным меньшинствам; однако сама фракция носит ярко выраженный про-шиитский характер, отрицательно относится к любым не шиитским новеллам в истории государства; также, именно при их доминировании в политических структурах страны высказывалась идея о необходимости обязательного ношения на одежде признаков религиозного различия.

Особое место в политике памяти данной фракции занимает культ сокрытого имама — Мехди. Его интерпретация абсолютно различна. Если Али Лариджани настаивает на том, что монополией на интерпретацию любых связанных с Мехди смыслов обладает высшее исламское духовенство, то экс-Президент Махмуд Ахмадинежад, являясь лидером неформального движения так называемых «мехдистов», настаивал на собственной способности к интерпретации смыслов, соответственно, претендуя на легитимность в вопросе регулирования коллективной памяти и ее проекции на будущее политическое развитие.

Поскольку влияние каждой фракции весьма разнородно, не представляется возможным выделить какую-либо генеральную линию в политике памяти современного Ирана. При этом закономерно говорить, что реальная политика имеет три основных уровня:

Во-первых, существует незыблемая основа, заложенная имамом Хомейни и модифицированная нынешним Рахбаром Али Хосейни Хаменеи.

Во-вторых, существует плюрализм в области концептуального основания политики памяти, на уровне чего происходит политическое противостояние разных политических фракций.

В-третьих, уровень нейтральной памяти, куда входят те или иные символы, отношение к которым со стороны всех фракций нейтрально. К сюжетам такого уровня, например, можно отнести Ибн Сину (Авиценну), к памяти которого в Иране относятся с особым пиететом.

В заключение можно выстроить условную хронологическую периодизацию, в течение которой в официальном дискурсе Ирана доминировала историческая повестка той или иной фракции. Это можно сделать на основе анализа того, персоналиями какой фракции контролировались республиканские институты. Таким образом:

От основания республики по 1981 год – реформисты – период правления Абольшасана Банисадра.

С 1981 по 1982 – реакционеры – интенсивная фаза «культурной революции».

С 1982 по 1989 – традиционалисты – период стабилизации, президентство Али Хосейни Хаменеи.

С 1989 по 1997 – прагматики – период либерализации политики и социальной сферы Али Акбара Рафсанджани.

С 1997 по 2005 – реформисты – период нового курса Мохаммада Хатами.

С 2005 по 2013 – реакционеры – период контрреформ, развитие ядерной программы, агрессивная политика Махмуда Ахмадинежада.

С 2013 по наст. время – традиционалисты – период умеренной политики Хасана Роухани [8; 9, с. 10; 10; 11; 13, с. 41].

1. Борзини С. Политические фракции в Иране – Тегеран, 1999.

2. Иран: ислам и власть / Под ред. Н. М. Мамедовой и Мехди Санаи – М.: Институт востоковедения РАН, 2002.

3. Манучихри А. Политическая система Ирана – СПб: Петербургское востоковедение, 2007.

4. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

5. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

6. Davis L.E. Irans Nuclear Future: Critical U.S. Policy Choices – Santa Monica: RAND, 2011.

7. Elson S.B. Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood after the 2009 Election – Santa Monica: RAND, 2012.

8. Ganji A. Revolutionary Pragmatists [Электронный ресурс] // Foreign Affairs – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140253/akbar-ganji/revolutionary-pragmatists>.

9. Harold S., Nader A. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations – Santa Monica: RAND, 2012.

10. Nader A. Can Rouhani Break Through? [Электронный ресурс] // RAND – Режим доступа: <http://www.rand.org/commentary/2014/02/06/LL.html>.

11. Nader A. Iran's 2013 Presidential Election: Its Meaning and Implications – Santa Monica: RAND, 2013.

12. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

13. Thaler D.E., Nader A. Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics – Santa Monica: RAND, 2011.

1. Borzini S. Politicheskie frakcii v Irane – Tegeran, 1999.

2. Iran: islam i vlast' / Pod red. N.M. Mamedovoj i Mexdi Sanai – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2002.

3. Manuchixri A. Politicheskaya sistema Irana – SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 2007.

4. Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

5. Traba R. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke // Pro et Contra: № 3–4 (46), – 2009.

6. Davis L.E. Irans Nuclear Future: Critical U.S. Policy Choices – Santa Monica: RAND, 2011.

7. Elson S.B. Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood after the 2009 Election – Santa Monica: RAND, 2012.

8. Ganji A. Revolutionary Pragmatists [Elektronnyj resurs] // Foreign Affairs – Rezhim dostupa: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140253/akbar-ganji/revolutionary-pragmatists>.

9. Harold S., Nader A. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations – Santa Monica: RAND, 2012.

10. Nader A. Can Rouhani Break Through? [Elektronnyj resurs] // RAND – Rezhim dostupa: <http://www.rand.org/commentary/2014/02/06/LL.html>.

11. Nader A. Iran's 2013 Presidential Election: Its Meaning and Implications – Santa Monica: RAND, 2013.

12. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

13. Thaler D.E., Nader A. Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics – Santa Monica: RAND, 2011.

UDC 323.2; 327.8; 327.39

THE FACTIONAL MEASUREMENT OF POLITICS OF MEMORY IN IRAN: CONCEPTUAL BASES

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
post-graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article aims to explore the politics of memory in Islamic Republic of Iran. Research is based on the author's methodology assuming the analysis of the impact of different factions on the formation of the politics of memory. The result of the research is describing difference in the allocation of the conceptual justification relationships to the history of the various actors in the Iranian society. Also, in conclusions, author made the periodization of the impact of various factions on the formation of the politics of memory in Iran.

Key words:

politics of memory; political Islam, Islamic revolution, Iran, political factions.

УДК 1 (091) + 16

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ИСТИННОСТИ И ДОКАЗУЕМОСТИ: Г.В. ЛЕЙБНИЦ; А. ТАРСКИЙ; К. ГЁДЕЛЬ

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Обращается внимание на логическое противоречие между тезисом Лейбница о доказуемости всякой истины и метатеоремами Гёделя о семантической неполноте формальной арифметики в случае ее непротиворечивости. Неоднократно повторявшееся Лейбницем утверждение «всякое истинное предложение может быть доказано» имеет в его системе статус необходимо всеобщего принципа. Как выйти из этого затруднительного положения, т. е. как объяснить этот историко-философский факт, не впадая в логические противоречия? Ответу на этот вопрос и посвящена статья. В ней исследуемое противоречие разрешается путем точного формального определения сфер априорного и эмпирического знания.

Ключевые слова:

знание, априорное, эмпирическое, необходимо, случайно, истинно, доказуемо.

Начнем с историко-философского аспекта. В 2016 году цивилизованное человечество будет отмечать 370-летие со дня рождения и 300-летие со дня смерти Г.В. Лейбница – ярчайшего представителя философии рационализма [3] и оптимизма [5]. В ходе как прямого, так и косвенного (обезличенного) выяснения мировоззренческих (эпистемологических) отношений с Дж. Локком [9] и другими представителями сенсуализма и эмпиризма Лейбниц настаивал на положительной ценности и особой важности априорного знания, боролся с тенденцией к абсолютному отрицанию существования знания *apriori*. На мой взгляд, по своей важности в развитии культуры Германии (и на благо

всего человечества) многосторонне гениальный Лейбниц сыграл роль аналогичную той, которую сыграл в развитии культуры Италии (и на благо всего человечества) многосторонне гениальный Леонардо да Винчи. Справедливости ради необходимо осознать, что, вопреки марксистскому историко-философскому стандарту, действительно *классическая* немецкая философия начинается не с И. Канта, а с Лейбница. Кант – один из ее великих продолжателей.

К сожалению, марксистско-ленинское отношение к идеалисту Лейбницу проявилось еще и в том, что до сих пор некоторые очень интересные и важные его работы так и не переведены на русский язык (с латыни, французского

и немецкого), хотя их давно уже можно читать на испанском и китайском. Да и многие из тех, что переведены на русский язык, как правило, не вовлекаются в научный оборот: не замечаются (или игнорируются) большинством философов, мысль которых движется «по колее». Изучая тексты Лейбница, историки философии, к сожалению, не обращают должного внимания на некоторые важные детали, возможно считая их «мелочами», но, согласно популярной поговорке, «дьявол скрывается в мелочах». Одна из таких опасных «мелочей» является предметом внимательного рассмотрения и подробного обсуждения в настоящей статье.

В трактате «Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин» Лейбниц писал: «(57) Ложное вообще я определяю как то, что не есть истинное. Итак, чтобы утверждать, что нечто является ложным, необходимо, чтобы... в случае доказательства было бы невозможно доказать его истинность, сколь бы долго не продолжался анализ» [4, с. 587].

«(62) Всякое истинное предложение может быть доказано» [4, с. 589].

«(130) Истинное предложение есть то, которое может быть доказано» [4, с. 603].

«(130) Следовательно, истинно то, что может быть доказано, т.е. основание чему может быть приведено через разложение» [4, с. 604].

«(132) Всякое истинное предложение может быть доказано, потому, что предикат находится в субъекте, как говорит Аристотель, т.е. понятие предиката включается в совершенно осмысленное понятие субъекта, и всегда есть возможность доказать его истинность разложением терминов на их значения, т.е. на термины, которые они содержат» [4, с. 604].

«Конечно, <...> и о случайных истинах мы можем многое уяснить с определенностью, исходя из того самого принципа, что всякая истина должна быть доказуема...» [4, с. 605].

Однако в отношении случайных истин Лейбниц уже не столь категоричен: он пишет: «Предложения факта не всегда могут быть нами доказаны...» [4, с. 585]. В связи с этим создается впечатление, что Лейбниц сам себе противоречит: частично отступает от своего якобы строго универсального принципа доказуемости всякой истины, так как предложения факта – случайные

истины. Согласно Лейбницу, получается, что некоторые, а именно случайные (фактические) истины «не всегда могут быть нами доказаны».

Теперь, продолжая исследование историко-философского аспекта проблемы, обратимся к широко известной книге А. Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук», написанной в более позднюю эпоху и принимающей во внимание целый ряд таких очень важных научных результатов, которые не могли быть известны во времена Лейбница. В упомянутой книге Тарский писал: «Всякая дисциплина, даже если она построена совершенно правильно во всех методологических отношениях, теряет в наших глазах ценность (курсив мой – В.Л.), если у нас есть основания подозревать, что не все утверждения этой дисциплины истинны. С другой стороны, ценность (курсив мой – В.Л.) дисциплины будет тем выше, чем больше будет количество истинных высказываний, доказуемых в этой системе. С этой точки зрения, идеальной (курсив мой – В.Л.) дисциплиной может считаться такая, которая среди установленных ею положений содержит все истинные высказывания, относящиеся к этой теории, и не содержат ни одного ложного... Из этого видим, что дедуктивная теория, конечно, не достигает нашего идеала (курсив мой – В.Л.), если она не сочетает в себе непротиворечивости и полноты» [12, с. 185–186]. Однако непосредственно далее Тарский замечает: «Под этим мы не хотим (курсив мой – В.Л.) подразумевать, что каждая согласованная и полная дисциплина должна (курсив мой – В.Л.) *ipsofacto* содержать среди установленных ею положений все истинные высказывания и только такие высказывания» [12, с. 186].

На основании вышеприведенных цитат из книги Тарского складывается противоречивое впечатление (как и в случае с Лейбницем). С одной стороны, идеал дедуктивной теории – ее логическая непротиворечивость и (семантическая) полнота: к этому идеалу (максимальной положительной ценности) дедуктивной теории нужно стремиться. Но, с другой стороны, «мы не хотим (курсив мой – В.Л.) подразумевать, что каждая согласованная и полная дисциплина должна *ipsofacto* (курсив мой – В.Л.) содержать среди установленных ею положений все истин-

ные высказывания и только такие высказывания» [12, с. 186]. Почему «мы не хотим» этого? Потому, что, согласно метатеоремам К. Гёделя о неполноте, вообще говоря, это *невозможно*, о чем Тарский уже знал. Хотеть что-то невозможное неразумно, поэтому Тарский и писал, что «мы не хотим» утверждать, что каждая согласованная дисциплина *должна ipso facto* содержать среди установленных ею положений все истинные высказывания и только такие высказывания. По моему мнению, в обсуждаемой цитате «*ipso facto*» играет роль ключевого слова. Ситуация существенно подобна той, которая уже была рассмотрена выше в связи с Лейбницем: есть некий (якобы) всеобщий принцип (максимальная положительная ценность), играющий роль *идеала*, но, вообще говоря, он не всегда реализуется, так как в сфере *фактов*, т. е. в сфере *эмпирического* знания *случайных* истин, его реализация иногда невозможна.

С собственно логической точки зрения, учитывающей фундаментальные метатеоретические результаты, полученные в XX веке К. Гёделем [1; 2; 10; 11; 13; 15], вышеприведенные утверждения Лейбница, трактуемые им в качестве *принципа*, выглядят явно ошибочными. В связи с этим может быть высказано предположение, что, возможно, перевод на русский язык неточен, или даже что, возможно, это писал не Лейбниц. Но приведенные выше цитаты – историко-философский факт. Если его не оспаривать, а признать, то возникает проблема его объяснения.

В настоящей статье этот факт объясняется (теоретически интерпретируется), и *естественно возникающая иллюзия* логического противоречия Лейбница с Гёделем устраняется с помощью введения следующих дефиниций DF-1 и DF-2. В них: символ *Kp* обозначает высказывание «субъект имеет знание, что *p*», где *p* – некое высказывание; символ *Ap* – «субъект имеет *априорное* знание, что *p*»; *Эр* – «субъект имеет *апостериорное (эмпирическое)* знание, что *p*»; *Др* – «доказуемо, что *p*». Символы \leftrightarrow , \neg , $\&$, \vee , \supset обозначают в данной работе логические операции «эквивалентность», «отрицание», «конъюнкция», «слабая дизъюнкция», «импликация», соответственно. Символы \square , \diamond , соответственно, – алетические модальности «необходи-

мо, что», «возможно, что». Символ \equiv обозначает отношение логической равносильности.

DF-1: $Ap \equiv (Kp \& (\square p \& \square (p \leftrightarrow Dr)))$.

DF-2: $Эр \equiv (Kp \& (\neg \square p \vee \neg \square (p \leftrightarrow Dr)))$.

Если эти дефиниции принимаются, то если процитированные выше утверждения Лейбница относятся к *априорному* знанию, то они не ошибочны, а совершенно адекватны, так как, согласно DF-1, из *Ap* логически следует, что $\square (p \leftrightarrow Dr)$. Сформулированная выше проблема (противоречие между Лейбницем и Гёделем) разрешается, так как (имеющая место в случае метатеорем Гёделя о неполноте формальной арифметики) истинность дизъюнкта $\neg \square (p \leftrightarrow Dr)$ означает, что «знание, что *p*» является *эмпирическим* (апостериорным). С формулой $\neg \square (p \leftrightarrow Dr)$ могут быть проделаны следующие равносильные преобразования.

$\neg \square (p \leftrightarrow Dr)$: дано (в качестве допущения).

$\neg \square ((Dr \supset p) \& (p \supset Dr))$: выражение эквиваленции (\leftrightarrow) через $\&$ и \supset .

$\neg (\square (Dr \supset p) \& \square (p \supset Dr))$: по дистрибутивности \square относительно $\&$ [14, с. 48].

$(\neg \square (Dr \supset p) \vee \neg \square (p \supset Dr))$: по закону де Моргана.

$(\square (Dr \supset p)) \supset \neg \square (p \supset Dr)$: выражение импликации через слабую дизъюнкцию и отрицание.

$(\neg \diamond (Dr \& \neg p)) \supset \diamond (p \& \neg Dr)$: по закону взаимосвязи \square и \diamond .

Полученная формула означает возможность семантической неполноты при условии невозможности противоречия. Поскольку соответствующие метатеоремы Гёделя представляют собой утверждения о семантической неполноте формальной арифметики при условии ее непротиворечивости, постольку, если предлагаемые в данной статье дефиниции априорного и апостериорного (эмпирического) знания принимаются, то знание арифметики относится к сфере знания апостериорного [6; 21; 22], а не априорного. А вот знание пропозициональной логики и логики предикатов первого порядка – знание априорное [6; 21; 22], так как эти подсистемы (аспекты) логики непротиворечивы и полны.

В связи с вышесказанным здесь уместно рассмотреть *метатеоретическую* интерпретацию системы логических правил, широко из-

вестную под названием «логический квадрат». В традиционной формальной логике в течение тысячелетий (от Аристотеля, Боэция и Буридана до Фреге) использовалась и до сих пор используется *квантификационная* (качественно-количественная) интерпретация этой системы правил. Квантификационная интерпретация логического квадрата имеет дело с логической взаимосвязью простых атрибутивных категорических суждений типа А, Е, I, О. Однако в середине XX века в работах французских логиков *Sesmat* [23], *Blanché* [18; 19], *Kalinowski* [20], а затем в конце XX века и начале XXI века в работах *Béziau* [16; 17] и его коллег логический квадрат был ре-интерпретирован и реконструирован до пентагона, гексагона, октагона и вообще N-гона (где N – конечное положительное целое число). В ставшей уже классической (но до сих пор не переведенной на русский язык) работе Бланше [19] было убедительно продемонстрировано, что дидактически и эвристически значимый для человеческого познания ресурс логического квадрата не исчерпывается его квантификационной интерпретацией: он гораздо глубже и шире. Начался бурный рост количества предлагаемых качественно-различных интерпретаций логического квадрата: появились его модальные (алетическая и деонтическая) интерпретации, и множество других. Однако дидактически и эвристически значимый для человеческой культуры ресурс логического квадрата до сих пор не исчерпан: его изучение продолжается. В качестве продолжения указанной тенденции в 2014 г. на Сибирском философском семинаре была впервые предложена еще одна нетрадиционная интерпретация логического квадрата, а именно, его *метатеоретическое* истолкование [6; 21; 22]. Рассмотрим именно тот конкретный вариант истолкования, который был предложен на упомянутом семинаре.

Пусть символ «t» обозначает некую (любую) теорию, построенную на основе *классической* логики. Пусть символ ПРОТ (t) обозначает метатеоретическое утверждение «t логически противоречива». Символ НЕПРОТ (t) – метатеоретическое утверждение «t логически непротиворечива». ПОЛН (t) обозначает утверждение «t логически (семантически) полна». НЕПОЛН (t) обозначает утверждение «t логи-

чески (семантически) неполна». ЭМПИР (t) обозначает утверждение «t является *эмпирической* (апостериорной) теорией», т. е. «t или логически противоречива или логически (семантически) неполна». АПРИОР (t) обозначает утверждение «t является не эмпирической теорией, а системой *апприорного* знания», т. е. «t логически непротиворечива и логически (семантически) полна» [6].

Идея метатеоретической интерпретации логического квадрата и гексагона может быть выражена следующим предложением: построенная на основе *классической* логики современная система имеющихся в распоряжении человечества метатеоретических знаний может быть адекватно представлена (логически организована) в виде приведенного ниже логического квадрата (и включающего его в себя гексагона), моделирующего систему формально-логических взаимоотношений между перечисленными выше метатеоретическими высказываниями. Еще раз обратим внимание читателя на то, что в этой графической модели подразумевается, что теория (t) построена на основе *классической* логики (от существования теорий, основанных, к примеру, на паранепротиворечивой логике, мы здесь абстрагируемся).

На рисунке 1 стрелки моделируют отношения подчинения (логического следования), а линии, пересекающие квадрат – отношения контрадикторности. Верхняя горизонтальная линия квадрата моделирует отношение контрарности, а нижняя – отношение субконтрарности.

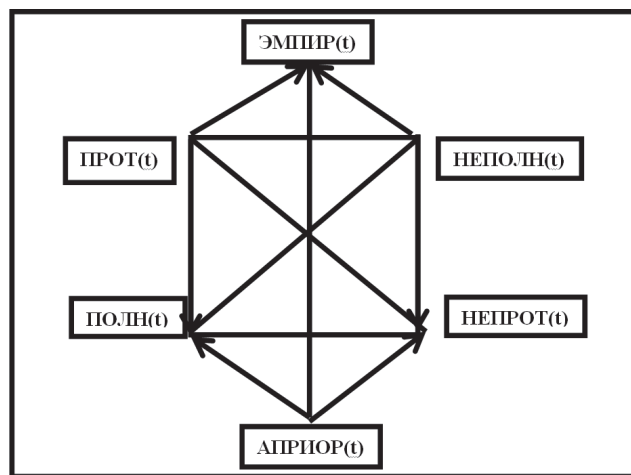

Рисунок 1 – Логический квадрат и гексагон метатеоретических высказываний.

На уровне этой графической модели видно, что характеристика всякого логико-математического знания как априорного (знания) ошибочна. В системе логико-математического знания действительно есть априорные фрагменты (подсистемы), например, математическая логика высказываний, но есть и такие фрагменты (подсистемы), которые *в целом* представляют собой знание апостериорное, например, арифметика. Предложенная простая графическая модель имеет большое психолого-педагогическое (дидактическое) и эвристическое значение, так как делает логическую взаимосвязь абстрактных метатеоретических понятий вполне наглядной. Кроме того, она дает возможность точно определить присутствующие в гексагоне философские (эпистемологические) понятия «априорное» и «апостериорное» (знание) с помощью логических операций и присутствующих в логическом квадрате метатеоретических понятий «полное», «неполное», «противоречивое», «непротиворечивое».

В настоящей статье к рассмотренной нетрадиционной интерпретации логического квадрата и гексагона добавляется еще одна, а именно, *эпистемологическая*, использующая предложенные выше дефиниции априорного и эмпирического знания (DF-1 и DF-2).

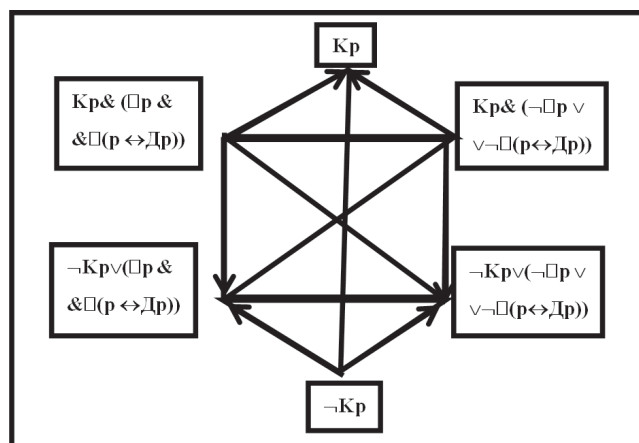

Рисунок 2 – Логический квадрат и гексагон, представляющий собой непротиворечивый синтез априоризма и эмпиризма в одной концептуальной схеме эпистемологии.

Эта графическая модель логической взаимосвязи эпистемологических модальностей Кр,

Ар, Эр, ¬Ар, ¬Эр, ¬Кр (где модальности Ар и Эр точно определены выше дефинициями DF-1 и DF-2, соответственно) может быть легко проверена на адекватность моделируемой системе логических правил, а именно:

Контрарность: $(Kp \& (\Box p \& \Box (p \leftrightarrow Dp)))$ и $(Kp \& (\neg \Box p \vee \neg \Box (p \leftrightarrow Dp)))$ не могут быть одновременно истинны, но могут быть одновременно ложны.

Субконтрарность: $(\neg Kp \vee (\Box p \& \Box (p \leftrightarrow Dp)))$ и $(\neg Kp \vee (\neg \Box p \vee \neg \Box (p \leftrightarrow Dp)))$ не могут быть одновременно ложны, но могут быть одновременно истинны.

Контрадикторность: формулы, связанные по диагоналям квадрата, взаимно отрицают друг друга по закону де Моргана (а взаимное отрицание Кр и ¬Кр очевидно).

Подчинение: (1) из $(Kp \& (\Box p \& \Box (p \leftrightarrow Dp)))$ логически следует $(\neg Kp \vee (\Box p \& \Box (p \leftrightarrow Dp)))$, но обратного следования нет; (2) из $(Kp \& (\neg \Box p \vee \neg \Box (p \leftrightarrow Dp)))$ логически следует $(\neg Kp \vee (\neg \Box p \vee \neg \Box (p \leftrightarrow Dp)))$, но обратного следования нет; (3) каждое из суждений, находящихся в отношении контрарности, логически влечет Кр, но обратного следования нет; (4) из ¬Кр логически следует каждое из суждений, находящихся в отношении субконтрарности, но обратного следования нет.

Логические квадрат и гексагон, представленные выше на рис. 2, а также моделируемые ими дефиниции DF-1 и DF-2 суть *обобщения* соответствующих квадрата, гексагона, и дефиниций, представленных в работах [7; 8]. Соответствующие определения априорного и эмпирического знания в работах [7; 8] получаются в качестве *частного случая* из данных выше определений DF-1 и DF-2 при допущении, что $\Box (p \leftrightarrow Dp)$ истинно. Предложенная в данной статье *обобщенная* эпистемологическая концепция уже не зависит от этого допущения.

Начатая в XX веке экспансия «логического квадрата» – дидактически и эвристически значимого тренда в теории представления знаний – продолжает развиваться и сейчас. Предложенная в данной статье эпистемологическая интерпретация логического квадрата и гексагона – небольшое, но, по моему мнению, важное дополнение к уже существующему богатству интерпретаций обсуждаемой графической модели.

1. Клини С.К. Введение в метаматематику. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 526 с.
 2. Клини С.К. Математическая логика. М.: Мир, 1973. 480 с.
 3. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме автора системы предустановленной гармонии // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
 4. Лейбниц Г.В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 572–616.
 5. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–554.
 6. Лобовиков В.О. Логический квадрат и гексагонметатеоретических высказываний (Стратегический ресурс архаических принципов мысли) // IV Сибирский философский семинар «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и новаций» (Омск, 15–17 октября 2014 г.). Омск: Омский госуниверситет, 2014. С. 200–203.
 7. Лобовиков В.О. Логический квадрат и гексагон эпистемических понятий (Эволюционная эпистемология как явный абсурд с точки зрения древнегреческой философии абсолютного знания, и загадочная абсурдность этой древнегреческой онтологии и философии знания с точки зрения современной логики, методологии и философии науки: о возможности логически непротиворечивого «снятия» конфликта двух парадигм) // Эпистемы: Сб. науч. статей. Вып. 9. Екатеринбург: Ажур, 2014. С. 57–68.
 8. Лобовиков В.О. Уточнение статуса логико-философских принципов фальсификации и верификации (научного знания) в философской эпистемологии // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2015. № 1 (18). С. 98–104.
 9. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Дж. Локк. Избранные философские произведения в 2 т. Т. 1. М.: Изд. Соц. – эк. лит., 1960. 731 с.
 10. Манин Ю.И. Доказуемое и недоказуемое. М.: Советское радио, 1979. 167 с.
 11. Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М.: Наука, 1976. 320 с.
 12. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. 326 с.
 13. Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110 с.
 14. Фейс Р. Модальная логика. М.: Наука, 1974. 520 с.
 15. Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 484 с.
 16. Béziau J.-Y. The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition. Basel: Birkhäuser, 2012. P. 3–19.
 17. Béziau J.-Y. The Power of the Haxagon // Logica Universalis. 2012. V. 6. N. 1–2. P. 1–43.
 18. Blanché R. Sur la structuration du tableau des connectifs interpositionnels binaires // Journal of Symbolic Logic. 1957. 22 (1). P. 17–18.
 19. Blanché R. Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts. Paris: Vrin, 1966, 151 p.
 20. Kalinowski G. La Logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 218 p.
 21. Lobovikov V. A new interpretation of the logical square and hexagon: the graphic model of the system of logical interconnections among the meta-theoretic statements // Девятые Смирновские чтения по логике: материалы Междунауч. конф., Москва, 17–19 июня 2015 г. М.: Современные тетради, 2015. С. 78–79.
 22. Lobovikov V. A meta-theoretical interpretation of the logical square and hexagon of opposition // Handbook of the 5th World Congress and School on Universal Logic (June 20–30, 2015, Istanbul, Turkey) / Eds.: Jean-Yves Béziau, Safak Ural, Arthur Buchsbaum, IskenderTasdelen, Vedat Kamer. Istanbul, Turkey: University of Istanbul, 2015. P. 346–348.
 23. Sesmat A. Logique. Volumes I, II. Paris: Hermann, 1950–51. 772 p.
-
1. Klini S.K. Vvedenie v metamatematiku. M.: Izd-vo inostr. lit., 1957. 526 s.
 2. Klini S.K. Matematicheskaya logika. M.: Mir, 1973. 480 s.
 3. Lejbnic G. V. Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii // G. V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1983. S. 47–545.
 4. Lejbnic G. V. Obshhie issledovaniya, kasayushhiesya analiza ponyatij i istin // G. V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 572–616.
 5. Lejbnic G. V. Opyty teodiceii o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla // G. V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1989. S. 49–554.
 6. Lobovikov V. O. Logicheskij kvadrat i geksgonmetateoreticheskix vyskazyvanij (Strategicheskij resurs arxaicheskix principov mysli) // IV Sibirskij filosofskij seminar «Sovremennaya filosofiya v Rossii: mezhdisciplinarnye issledovaniya v kontekste tradicij i novacij» (Omsk, 15–17 oktyabrya 2014 g.). Omsk: Omskij gosuniversitet, 2014. S. 200–203.
 7. Lobovikov V. O. Logicheskij kvadrat i geksgon e'pistemicheskix ponyatij (E'volucionnaya e'pistemologiya kak yavnyj absurd s tochki zreniya drevnegrecheskoj filosofii absoljutnogo znaniya, i zagadochnaya absurdnost' e'toj drevnegrecheskoj ontologii i filosofii znaniya s tochki zreniya sovremennoj logiki, metodologii i filosofii nauki: o vozmozhnosti logicheski neprotivorechivogo «snyatiya» konflikta dvux paradigim) // E'pistemy: Sb. nauch. statej. Vyp. 9. Ekaterinburg: Azhur, 2014. S. 57–68.
 8. Lobovikov V. O. Utochnenie statusa logiko-filosofskix principov fal'sifikacii i verifikacii (nauchnogo znaniya) v filosofskoj e'pistemologii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», 2015. № 1 (18). S. 98–104.
 9. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razume // Dzh. Lokk. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 2 t. T. 1. M.: Izd. Soc. – e'k. lit., 1960. 731 s.
 10. Manin Ju. I. Dokazuemoe i nedokazuemoe. M.: Sovetskoe radio, 1979. 167 s.
 11. Mendel'son E'. Vvedenie v matematicheskuyu logiku. M.: Nauka, 1976. 320 s.
 12. Tarskij A. Vvedenie v logiku i metodologiyu deduktivnyx nauk. M.: Gos. izd-vo inostr. lit., 1948. 326 s.
 13. Uspenskij V. A. Teorema Gyodelya o nepolnote. M.: Nauka, 1982. 110 s.
 14. Fejs R. Modal'naya logika. M.: Nauka, 1974. 520 s.
 15. Chyorch A. Vvedenie v matematicheskuyu logiku. T. 1. M.: Izd-vo inostr. lit., 1960. 484 s.
 16. Béziau J.-Y. The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition. Basel: Birkhäuser, 2012. P. 3–19.
 17. Béziau J.-Y. The Power of the Haxagon // Logica Universalis. 2012. V. 6. N. 1–2. P. 1–43.
 18. Blanché R. Sur la structuration du tableau des connectifs

fsinterpositionnelsbinaires // Journal of Symbolic Logic. 1957. 22 (1). P. 17–18.

19. Blanché R. Structures intellectuelles. Essaisurl'organisationsystématique des concepts. Paris: Vrin, 1966, 151 p.

20. Kalinowski G. La Logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 218 p.

21. Lobovikov V. A new interpretation of the logical square and hexagon: the graphic model of the system of logical interconnections among the meta-theoretic statements // Devyatye Smirnovskie chteniya po logike: materialy Mezhdunar. nauch.

konf., Moskva, 17–19 iyunya 2015 g. M.: Sovremennye tetradi, 2015. S. 78–79.

22. Lobovikov V. A meta-theoretical interpretation of the logical square and hexagon of opposition // Handbook of the 5th World Congress and School on Universal Logic (June 20–30, 2015, Istanbul, Turkey) / Eds.: Jean-Yves Beziau, Safak Ural, Arthur Buchsbaum, IskenderTasdelen, Vedat Kamer. Istanbul, Turkey: University of Istanbul, 2015. P. 346–348.

23. Sesmat A. Logique. Volumes I, II. Paris: Hermann, 1950–51. 772 p.

UDC 1 (091) + 16

HISTORICAL-PHILOSOPHICAL AND LOGICAL ASPECTS OF INTERCONNECTION OF TRUTH AND PROVABILITY: G.W. LEIBNIZ; A. TARSKI; K. GÖDEL

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

Attention is attracted to a logic contradiction between Leibnitz' principle of provability of every truth and Gödel's meta-theorems of the semantic incompleteness of formal arithmetic in case of its consistency. Leibnitz' many times repeated statement «every true sentence can be proved» plays the role of necessarily universal principle in his system. How can one go out from this difficult situation, i.e. how can one explain that fact of history of philosophy without arriving to logic contradictions? The paper is devoted just to answering this question. The contradiction under investigation is dissolved in it by means of precise formal defining the domains of a-priori and empirical knowledge.

Key words:

knowledge, a-priori, empirical, necessary, contingent, true, provable.

УДК 3.04.444

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ УРАЛЬСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ, СОТРУДНИЧАЮЩИХ С РАПН¹

Глушкова Светлана Игоревна,

Гуманитарный университет,
заведующая кафедрой прав человека,
доктор политических наук,
председатель Свердловского регионального отделения РАПН,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: glsvig@yandex.ru

РусакOVA Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы разнообразные аспекты интеллектуальной мобильности уральских политологов, которые активно сотрудничают с Российской ассоциацией политической науки (РАПН). Авторы выделяют инновационные направления теоретической и научно-практической деятельности политологов, работающих на базе УрФУ и других вузов г. Екатеринбурга, раскрывают основные направления научной деятельности членов Свердловского регионального отделения РАПН. Большое внимание в статье уделено анализу творческих инициатив и новаторским исследовательским проектам политологов из Института философии и права УрО РАН.

Авторы делают вывод: мобильные интеллектуальные коммуникации уральских политологов, сотрудничающих с творческими коллективами РАПН, ставят новые задачи в области активизации сетевых способов общения и обмена информацией, а также – в области повышения авторитета «фабрик мысли» во властных структурах и в гражданских сообществах.

Ключевые слова:

интеллектуальная мобильность, дискурс мобильности, РАПН, уральские политологи, МАДИ, парламентаризм, права человека, гражданственность, политическая дискурсология, политическая философия, теория soft power, Модерн, Постфордизм, противодействие коррупции.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

Сегодня интеллектуальная мобильность выступает обязательным условием эффективного функционирования науки в целом и политической науки, в частности. Мобильность является новой парадигмой, позволяющей быстро и своевременно ориентироваться в современном рынке научных идей, проектов, инноваций и достижений. Мобильный поворот диктует исследователям задачи оперативного включения в динамичное интеллектуальное пространство, интеграции в системы международных, национальных, межрегиональных и иных научных коммуникаций, активное участие в формировании новых направлений исследовательской деятельности, в разработке новаторских теорий, методов, подходов.

Интеллектуальная мобильность ученого гуманитарного и политологического профиля предполагает особую способность свежего, нетрадиционного видения социокультурной и политической реальности, быстрого реагирования на изменения в динамике общественной жизни, «улавливания» ритмов социального времени, трансформаций и конфигураций политических и иных пространств, вслушивание в голоса новых дискурсов и концептов.

Еще одним неотъемлемым компонентом интеллектуальной мобильности ученого является способность и готовность к преодолению когнитивных, герменевтических и идеологических коммуникативных барьеров, что позволяет добиваться понимания и научного признания как со стороны идейных партнеров, так и конкурентов. Личностная интеллектуальная мобильность ученого проявляется также в его ментальной пластичности, в гибкости мышления, обеспечивающей способность видения контрапунктов противоречивых общественных процессов, диалектическое понимание сложносоставных и трансформируемых социальных феноменов.

Интеллектуально мобильный ученый может плодотворно работать и профессионально обсуждать актуальные проблемы с коллегами на самых различных дискуссионных площадках. Чем шире ее коммуникативное пространство, чем богаче проблемно-исследовательский репертуар, чем плотнее контакты, чем быстрее обратная связь, тем

большая возможность предоставляется ученому активно включиться в поток интеллектуального обмена, продемонстрировать и реализовать свой мобильный потенциал.

Для российских политологов одной из масштабных интерактивных научных площадок является многопрофильная и институционально структурированная коммуникативная сеть РАПН (Российская ассоциация политической науки). Территориально РАПН поделена на региональные структурные отделения, а интеллектуально – на исследовательские комитеты и проблемные группы. Главными научными событиями, организуемыми РАПН, выступают ежегодные конференции, заседания тематических круглых столов, издание сборников научных трудов, проведение конкурсов работ по различным номинациям, презентации новых трудов и исследовательских комитетов, и, конечно же, – Всероссийские конгрессы (в ноябре 2015 г. в Москве прошел VII Всероссийский конгресс политологов, в котором приняли участие политологи из 30 стран мира).

Уральские политологи, включая членов Свердловского регионального отделения РАПН, созданного в 2002 г., на протяжении всех лет существования национальной ассоциации вели плодотворную работу в разнообразных исследовательских комитетах, выступая с инновационными докладами, участвовали в формировании новых тематических направлений исследовательской деятельности, в частности, таких как изучение политических прав человека, политической идентичности, политический дискурс-анализ, политическая коммуникативистика, политическая семиотика, символическая политика, политика памяти и др.

Основными научными центрами Среднего Урала, поддерживающими интеллектуальную мобильность политологического сообщества, являются: Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Гуманитарный университет.

В последнее время, благодаря интенсификации интеллектуальных коммуникаций, активизировалась научно-организационная деятельность Свердловского регионального отделения РАПН. Значительный вклад в развитие интеллектуальной мобильности регионального отделения в разные годы внесли его руководители – доктор исторических наук, профессор А. Б. Кириллов, доктор политических наук, доцент М. А. Фадеичева. М. А. Фадеичева была неизменным участником многих инновационных исследовательских проектов, вдохновителем и организатором научных конференций и круглых столов. Ее выступления и работы отличались научной пассионарностью, высоким уровнем интеллектуального воздействия на публику [40; 41]. В настоящее время председателем Свердловского регионального отделения РАПН является доктор политических наук С. И. Глушкова.

Сегодня региональное отделение РАПН объединяет более 20 постоянных членов. В октябре 2015 года было воссоздано Молодежное отделение региональной организации РАПН, которое учредили студенты – политологи УрФУ под руководством к. полит. н., доцента, зав. кафедрой политических наук УрФУ А. А. Керимова.

Многие уральские политологи, сотрудничающие с РАПН, а также с другими российскими и международными центрами научной мобильности, являются лидерами в области разработок новых актуальных теоретических направлений, руководителями научных школ и исследовательских проектов.

Так, в области изучения политико-правовых идеалов и ценностей, проблематики защиты прав человека в системе ООН, изучения правовых аспектов гуманитарной дипломатии, участия в издании словарей-справочников по правам человека лидирующую позицию занимает д. полит. н. С. И. Глушкова, которая является членом исследовательского комитета по правам человека РАПН [3; 4]. Сфера научных приоритетов одного из организаторов мобильного продвижения политической науки в УрФУ, к. полит. н., доцента, зав. кафедрой политической науки

А. А. Керимова – проблемы легитимности различных моделей парламентаризма. В своей докторской диссертации «Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России» он предлагает новую периодизацию становления и развития парламентаризма, выявляет делигитимирующие факторы в развитии российского парламентаризма [9; 10]. Многие научные труды д. полит. н., профессора, проректора по научной работе Института экономики, управления и права В. Н. Руденкина посвящены исследованию политической культуры, изучению становления и развития гражданского общества в России и мире, вопросам гражданской самоорганизации [28; 29].

Ведущим научным центром, репрезентирующим высокую интеллектуальную мобильность в области развития политической науки и реализации новых исследовательских проектов, является Институт философии и права УрО РАН.

На протяжении ряда лет интеллектуальные усилия ученых Института были сконцентрированы на развитии новых теоретических отраслей политической философии, на разработке ее методологической проблематики. В целой серии работ был дан анализ методологических поворотов, совершаемых современной политической философией, среди которых – антропологический и ценностный повороты, поворот к изучению идеалов, перформативный поворот, правый и «левый» повороты. Теоретическому анализу и осмыслению новых и претерпевших трансформацию старых ценностей и идеалов, а также современных версий марксизма посвящены научные труды д. ф. н., профессора К. Н. Любутина [17], к. ф. н. П. Н. Кондрашова [15; 16], д. ф. н. А. В. Гагарина [2], д. ф. н., профессора Ю. И. Мирошникова [19] и др.

Исследованию дискурса и концептосферы современной политической философии посвящены многие работы д. полит. н., профессора О. Ф. Русаковой [32; 33], которая является руководителем научной школы политической дискурсологии, главным выпускающим редактором научного журнала «Дискурс-Пи», членом исследовательского комитета РАПН

по изучению проблем политической коммуникативистики, входит в состав научного Совета РАПН. Среди достижений научной школы политической дискурсологии можно назвать следующие: разработка типологии современной политической философии, выявление базовых черт политической философии классического типа, переходного типа, неклассического типа и постнеклассического типа, рассмотрение теоретико-методологических основ теории, стратегий и разнообразных практик *soft power* [13; 48]², разработка концепции культурно-информационной власти, изучение дискурса и национальных моделей политики памяти [36], разработка теории политического медиадискурса и политической медиатизации [35], исследование идейных истоков, исторических моделей, дискурса и политических практик неолиберализма [37; 47].

В 2007 г. по инициативе постоянных членов научной школы политической дискурсологии была учреждена Международная академия дискурс-исследований (МАДИ), действительными членами которой сегодня являются многие известные политологи и дискурсологи как России, так и зарубежных стран, среди которых – д. фил. н., профессор М. В. Гаврилова (г. Санкт-Петербург), д. полит. н., профессор М. В. Ильин (г. Москва), д. ф. н., профессор О. Ю. Малинова (г. Москва), профессор Автономного университета штата Мехико М. А. Малышев (г. Толука, Мексика), д. ф. н., профессор Е. А. Кожемякин (г. Белгород), д. пол. н., профессор С. Г. Зырянов (г. Челябинск), д. фил. н., профессор Л. Н. Синельникова (г. Ялта), Ле Куи Куинь (Вьетнам), д. фил. н., профессор А. В. Олянич (г. Волгоград), к. полит. н., доктор философии А. С. Кузнецов (университет Альберта, Канада) и др.

Члены МАДИ постоянно демонстрируют свою научную мобильность, которая выражается в укреплении интеллектуальных связей и обменов с политологами России и других

стран, в активной издательской деятельности, которой способствует работа специально учрежденного Издательского Дома «Дискурс-Пи». К настоящему времени членами МАДИ издано 19 монографий и коллективных работ, среди которых: «Многообразие политического дискурса» (2004), «Современные теории дискурса» (2006), «PR-дискурс: теоретико-методологический анализ» (2008, 2011), «Региональная идентичность «Земли Тюменской»: мифы и дискурс» (2007), «Дискурс травелога» (2009), «Дискурс политики Третьего тысячелетия» (2010), «Политический медиадискурс: национальные модели» (2012), «Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс» (2012), «Дискурс философского пути» (2012), «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (2015) и др.

Результаты исследований научной школы были положены в основу интеграционного проекта, выполняемого совместно с научной библиотекой УрО РАН: проект № 12-У-6–2066 «Создание сетевого ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современной науке». Вновь созданный сетевой ресурс стал информационной базой для будущего академического проекта под названием «Энциклопедия дискурсологии». Была разработана специальная технологическая концепция для данного сетевого ресурса, а также методика создания базы данных (БД) о ведущих научных школах дискурс-исследований, существующих в России и за рубежом. Разработана методика отбора статей, необходимых для включения в создаваемый ресурс. Создан тематический рубрикатор и словарь энциклопедии для создаваемой БД в автоматизированной библиотечно-информационной системе ИРБИС. Введен первичный массив данных отечественных и зарубежных работ по основным рубрикам.

Показателем высокой интеллектуальной мобильности являются инициативы по организации крупных научных форумов. Так, в октябре 2014 г. уральскими политологами и дискурсологами при поддержке РГНФ была проведена международная конференция на тему «Soft power: теория, ресурсы, дис-

2 В 2015 г. экспертный совет конкурса научных трудов РАПН присудил диплом второй степени за коллективную монографию уральских политологов *Soft power: теория, ресурсы, дискурс* / под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

курс», которая вызвала большой резонанс в социальных сетях и в СМИ [24].

В последнее время представителями научной школы ведутся исследовательские работы по изучению концепта и дискурса мобильности [8; 27; 14; 34], разрабатывается методология исследования дискурса политики памяти [36].

Одним из инновационных направлений научных исследований института является теоретический анализ глобального политического проекта Модерна и места России в этом проекте. Ведущим разработчиком данного направления является зам. директора Института философии и права УрО РАН по научной работе, к. пол. н., доцент В. С. Мартыанов [18; 19]. Свое основное внимание исследователь посвящает анализу динамики институтов, смыслов и целей российского общества, рассматривает социально-политические трансформации Современности, приводит сумму доказательств того, что прощание с Модерном преждевременно. Ученый считает, что в глобальном мире так и не появились альтернативы, равновеликие утопиям Модерна, а также Демократии и Капитализму. Однако, в то же время, стратегия консервации актуального статус-кво все более дискредитирует российский Модерн. Рассматривая проблематику российского Модерна в полемиическом ключе, исследователь приходит к выводу о том, что современное российское общество нуждается в консолидации посредством новых легитимирующих утопий и проектов. Данная тематика получила также отражение в монографии, опубликованной совместно с д. полит. н. Л. Г. Фишманом [20]. Главное внимание исследователей приковано к фактору «морального коллапса», присущего капиталистической миросистеме. Этот фактор оказывает серьезное влияние на моральное и политическое настоящее России. Распад биполярного мира и интеграция России в мировую капиталистическую систему совпал с истощением морального импульса, легитимировавшего политический проект Модерна. Анализу подверглись нравственные трансформации российского общества, которые выразились в моральной «тупиковости» доминирующих

политических дискурсов, выдвигаемых российской элитой. Предметом критического анализа стали также проект «русского мира» и рационалистический дискурс капиталистического общества [44; 45].

В последнее время объектом пристального теоретического внимания уральских ученых стало такое явление как Постфордизм. На эту тему в 2013 г. в Екатеринбурге была проведена международная конференция, главным организатором которой стал к. полит. н. М. С. Ильченко. Проблематике Постфордизма посвящена недавно вышедшая из печати коллективная монография [7]. Постфордизм рассматривается ее авторами как комплексный социальный феномен. Авторы стремятся понять, какие постфордистские практики уже утвердились в современном обществе. Феномен постфордизма рассматривается в контекстах трансформаций городских пространств и структур повседневности.

Среди актуальных исследовательских направлений уральских ученых – сотрудников Института философии и права УрО РАН и членов РАПН – изучение политических и правовых аспектов трансформации институтов гражданского общества, исторических моделей гражданства, моделей политического участия в современном обществе. Так, на протяжении многих лет разработкой проблем становления гражданина как субъекта гражданского общества занимается д. пол. н., доцент И. Б. Фан, в трудах которой были выявлены социокультурные факторы становления и исторической эволюции феномена гражданина, сконструирована инвариантная теоретическая модель гражданина, проанализированы модели исторических типов гражданина от Античности до эпохи Модерна, рассмотрены проблемы причин низкого уровня политического участия гражданина в современной России [42; 43].

Одним из каналов реализации интеллектуальной мобильности уральских политологов – членов РАПН является прямое участие в исследовательской и практической деятельности, направленной на изучение информационных технологий современных политических коммуникаций, на разработку ме-

тодов практического внедрения электронных видов коммуникаций между государством и гражданами. Здесь следует отметить творческую активность д. пол. н. Е. Г. Дьяковой [5; 6] и к. полит. н., доцента А. Д. Трахтенберг [38; 39].

В их исследовательских проектах «Электронное правительство: нормативно-правовое регулирование и практика реализации», «Местное самоуправление в информационном обществе: адаптация технологий, акторы компетентности» проводится анализ нормативно-правовой базы перехода к электронному правительству в России в синхроническом и диахроническом аспектах. Анализ осуществляется по следующим направлениям: подготовка, принятие и корректировка федеральных законов и подзаконных актов, регулирующих отношения в процессе осуществления государственных услуг и функций в электронном виде; подготовка и корректировка документов государственного стратегического планирования, включая федеральные целевые программы. В соответствии с планом работ была проведена серия фокусированных интервью с сотрудниками Администрации г. Екатеринбурга, а также фокус-группа с жителями города, являющимися активными получателями электронных услуг.

Глобальные вызовы современности, связанные с кризисом суверенитета национальных государств, с территориальными и иными притязаниями ТНК, с дефицитом гражданско-правового контроля над их деятельностью, выступают объектом исследовательского внимания члена РАПН, к. полит. н. Н. В. Панкевич [25]. Она также является участником коллективной работы над актуальным проектом «Перспективы арктической политики: интересы и стратегии ведущих мировых держав». В своих исследованиях автор отмечает, что главным политическим фактором, легитимирующим стратегические действия разных стран в регионе, является сложившаяся архитектура мировой политической системы, которая основана на принципе эксклюзивного распределения физического пространства между суверенными государ-

ствами, на корреляции правовой и территориальной экспансий.

Ключевыми направлениями научно-мобилизационной деятельности уральских политологов из Института философии и права УрО РАН сегодня также выступают: участие в проектах РАПН и иных научных центров, ориентирующихся на изучение символической политики власти, символической логики политических процессов и символической организации политического топоса [11; 12]; участие в работе Всероссийских научных конференций с международным участием (2014 и 2015 гг.) по теме «Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции», главным организатором и председателем программного комитета которых является директор Института философии и права УрО РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, член-корреспондент РАН, д. ю. н. В. Н. Руденко. Так, в рамках конференции 2015 г. проходило обсуждение вопросов, касающихся изучения правовых механизмов выявления, оценки и нейтрализации коррупционных рисков, проблематики формирования новых институтов и практик в системе противодействия коррупции на основе обобщения российского и зарубежного опыта. Проблемы противодействия коррупции и социального самочувствия общества рассматривались в тесной связи с исследованиями моделей и трансформаций институтов демократии [23; 30; 31], с анализом технологий и практик лоббирования корпоративных интересов [1], с трансформациями отношений собственности и изменениями в системе базисных ценностей [26].

Сегодня перед уральскими политологами, поддерживаемыми мобильные интеллектуальные коммуникации с творческими коллективами РАПН и его отдельными представителями, встают новые задачи, связанные с активизацией сетевых способов общения и обмена информацией, а также с освоением новых методов поддержания инновационной среды. Работа над решением данных задач позволит усилить интеллектуальный и техно-

логический потенциал политологических «фабрик мысли», превратить их в авторитетные медиаторы коммуникаций между научными сообществами и властными структурами, между научными коллективами и гражданскими объединениями.

1. Белоусов А.Б. Лоббизм в Европейском союзе: корпорации vs НКО // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2014. Том 14. Выпуск 3. С. 103–118.
2. Гагарин А.В. Одиночество как экзистенциал античной философии (от Эпикура до Плотина) // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2014. Том 14. Выпуск 3. С. 22–33.
3. Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме / Светлана Игоревна Глушкова; Науч. ред. Емельянов Б.В.; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Гуманит. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та. 2002. – 465 с.
4. Глушкова С.И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма // Полис, 2010. № 6. С. 131–140.
5. Дьякова Е.Г. Политологическая рефлексия над политематической научной дисциплиной: политология и теории массовой коммуникации // Полис, 2006. № 4. С. 17–25.
6. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 235–252.
7. Ильченко М.С., Мартыанов В.С. Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: Изд-во РОССПЭН. 2015. – 279 с.
8. Исаков А.С. Дискурс мобильности в исламе: политологический анамнез // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2015. № 2 (19). С. 57–63.
9. Керимов А.А. Парламентаризм как средство легитимации политической власти в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2015. – 298 с.
10. Керимов А.А. Понятие парламентаризма в российской политической науке // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2012. № 2 (103). С. 46–52.
11. Киселев К.В. Динамика символической политики власти в электоральном цикле 2011–2012 гг. // Политэкс, 2012, № 4. С. 205–217.
12. Киселев К.В. Пессимизм: символические логики места и времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Философия, 2012. Том 10, выпуск 3. С. 144–149.
13. Ковалева Д.М. Концепт Soft Power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2013. Том 13. 1 выпуск. С. 118–134.
14. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2015. № 2 (19). С. 53–56.
15. Кондрашов П.Н. Анализ экзистенциальной проблематики в философии Карла Маркса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения

Российской академии наук, 2014. Том 14. Выпуск 3. С. 34–57.

16. Кондрашов П.Н. Россия в поисках утопий. Возможно ли возвращение в политику морали? // Свободная мысль, 2015. № 4. С. 194–207.
17. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Социальные основания постмодернизма: попытка марксистского анализа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2009. Выпуск 9. С. 107–122.
18. Мартыанов В.С. Политический проект Модерна. От мирозкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М.: РОССПЭН. 2010. – 360 с.
19. Мартыанов В.С. После постмодернизма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Философия, 2012. Том 10, выпуск 3. С. 64–73.
20. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Издательство «Весь мир», 2010. – 256 с.
21. Мирошников Ю.И. Ценностные аспекты научного познания и знания // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2013. Том 13. 1 выпуск. С. 7–20.
22. Моисеенко Я.Ю. Мобильность как свойство массового конформистского сознания // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2015. № 2 (19). С. 39–46.
23. Мошкин С.В. Режим имитационной демократии // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2015. № 1 (18). С. 138–143.
24. Мягкая сила: очаровательная и соблазнительная политика / Наука Урала, декабрь 2014. № 22–23.
25. Панкевич Н.В. ТНК: гражданско-политический контроль в условиях денационализации // Мировая экономика и международные отношения, 2012. № 3. С. 34–42.
26. Романова К.С. Социальная реальность России: проблемы и тенденции модернизации // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2013. Том 13. 1 выпуск. С. 51–66.
27. Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2015. № 2 (19). С. 30–34.
28. Руденкин В.Н. Доверие к государственным и общественным институтам как условие гражданской самоорганизации // Вестник Уральского института экономики, управления и права, 2015.– № 1 (30). – С. 52–59.
29. Руденкин В.Г. Гражданская самоорганизация россиян: состояние и перспективы // Вестник Уральского института экономики, управления и права, 2014. – № 3 (28). – С. 56–60.
30. Руденко В.Н. «Чистая демократия» и ее атрибуты // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. «Философия», 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 120–126.
31. Руденко В.Н. Большое жюри как институт гражданского участия в отправлении правосудия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2011. Вып. 11 С. 467–488.
32. Русакова О.Ф. Современные трактовки предметной области политической философии: методологический анализ // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2009. Выпуск. 9. С. 203–229.
33. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД

«Дискурс-Пи». 2012. 400 с.

34. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // *Дискурс-Пи: Научный журнал*, 2013. № 13. С. 19–25.

35. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // *Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 2014. Том. 14. Выпуск 4. С. 65–77.

36. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Современный дискурс политики памяти // *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной). – 375 с. С. 226–238.*

37. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 2012. Выпуск 12. С. 259–271.

38. Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // *Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: Политология*, 2006. № 8. с. 85–94.

39. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2011. Вып.11. с. 243–269.

40. Фадеичева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // *Полис*, 2006. № 4. С. 53–60.

41. Фадеичева М.А. Политическая символика государств Юго-Восточной Азии как инструмент мягкой власти // *Политэкс*, 2012. Том 8. № 4. С. 218.

42. Фан И.Б. Теоретическая модель феномена гражданства: социокультурный подход // *Полис*, 2010. № 6. С. 149–161.

43. Фан И.Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // *Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 2013. Том 13. 1 выпуск. С. 67–82.

44. Фишман Л. О «русском мире» и бесперспективности «недонационализма» // *Неприкосновенный запас*, 2015. № 1. С. 261–268.

45. Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Грядущее рентное общество // *Свободная мысль*, 2015. № 5. С. 151–154.

46. Фурсов К.К. Проявление дискурса вражды в жанре автобиографии в рамках процесса вертикальной политической мобильности // *Дискурс-Пи: Научный журнал*, 2015. № 2 (19). С. 47–52.

47. Хмелинин А.А. Особенности и дискурс российского неолиберализма: становление «гибридной» модели // *Социум и власть*, 2013. № 4. С. 59–64.

48. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». – 2015. – 376 с.

antichnoj filosofii (ot E'pikura do Plotina) // *Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 2014. Tom 14. Vypusk 3. S. 22–33.

3. Glushkova S.I. Problema pravovogo ideala v russkom liberalizme / Svetlana Igorevna Glushkova; Nauch. red. Emel'yanov B.V.; Ural. gos. un-t im. A.M. Gor'kogo, Gumanit. un-t. – Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta. 2002. – 465 s.

4. Glushkova S.I. Individual'nye, gruppovye, kollektivnye i vseobshhie prava v usloviyax mul'tikulturalizma // *Polis*, 2010. № 6. S. 131–140.

5. D'yakova E.G. Politologicheskaya refleksiya nad politematicheskoj nauchnoj disciplinoy: politologiya i teorii massovoj kommunikacii // *Polis*, 2006. № 4. S. 17–25.

6. D'yakova E.G. Perexod k e'lektronnomu pravitel'stvu kak process institucional'noj adaptacii // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 2011. Vyp.11. S 235–252.

7. Il'chenko M.S., Mart'yanov V.S. Postfordizm: koncepcii, instituty, praktiki. M.: Izd-vo ROSSPE'N. 2015. – 279 s.

8. Isakov A.S. Diskurs mobil'nosti v islame: politologicheskij anamnez // *Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal*, 2015. № 2 (19). S. 57–63.

9. Kerimov A.A. Parlamentarizm kak sredstvo legitimacii politicheskoy vlasti v sovremennoj Rossii. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 2015. – 298 s.

10. Kerimov A. A. Ponyatie parlamentarizma v rossijskoj politicheskoy nauke // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki*, 2012. № 2 (103). S. 46–52.

11. Kiselev K.V. Dinamika simvolicheskoy politiki vlasti v e'lektoral'nom cikle 2011–2012 gg. // *Polite'ks*, 2012, № 4. S. 205–217.

12. Kiselev K.V. Pessimizm: simvolicheskie logiki mesta i vremeni // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, 2012. Tom 10, vypusk 3. S. 144–149.

13. Kovaleva D.M. Koncept Soft Power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskix strategij // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 2013. Tom 13. 1 vypusk. S. 118–134.

14. Kovba D.M. Faktor mobil'nosti s toчки zreniya teorij «myagkoj sily» // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 2015. № 2 (19). S. 53–56.

15. Kondrashov P.N. Analiz e'kzistencial'noj problematiki v filosofii Karla Marksa // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 2014. Tom 14. Vypusk 3. S. 34–57.

16. Kondrashov P.N. Rossiya v poiskax utopij. Vozmozhno li vozvrashhenie v politiku morali? // *Svobodnaya mysl'*, 2015. № 4. S. 194–207.

17. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Social'nye osnovaniya postmodernizma: popytka marksistskogo analiza // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 2009. Vypusk 9. S. 107–122.

18. Mart'yanov V.S. Politicheskij proekt Moderna. Ot miroe'konomiki k miropolitike: strategiya Rossii v globaliziruyushhemsya mire. M.: ROSSPE'N. 2010. – 360 s.

19. Mart'yanov V.S. Posle postmodernizma // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, 2012. Tom 10, vypusk 3. S. 64–73.

1. Belousov A.B. Lobbizm v Evropejskom soyuze: korporacii vs NKO // *Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 2014. Tom 14. Vypusk 3. S. 103–118.

2. Gagarin A.V. Odinochestvo kak e'kzistencial

20. Mart'yanov V.S., Fishman L.G. Rossiya v poiskax utopij. Ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revolyucii. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2010. – 256 s.
21. Miroshnikov Yu.I. Cennostnye aspekty nauchnogo poznaniya i znaniya // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2013. Tom 13. 1 vypusk. S. 7–20.
22. Moiseenko Ya.Yu. Mobil'nost' kak svojstvo massovogo konformistskogo soznaniya // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2015. № 2 (19). S. 39–46.
23. Moshkin S.V. Rezhim imitacionnoj demokratii // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2015. № 1 (18). S. 138–143.
24. Myagkaya sila: ocharovatel'naya i soblaznitel'naya politika / Nauka Urala, dekabr', 2014. № 22–23.
25. Pankevich N.V. TNK: grazhdansko-politicheskij kontrol' v usloviyax denacionalizacii // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. № 3. s. 34–42.
26. Romanova K.S. Social'naya real'nost' Rossii: problemy i tendencii modernizacii // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2013. Tom 13. 1 vypusk. S. 51–66.
27. Romanova K.S. Social'nye lifty kak sredstvo social'noj mobil'nosti // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2015. № 2 (19). S. 30–34.
28. Rudenkin V.N. Doverie k gosudarstvennym i obshhestvennym institutam kak uslovie grazhdanskoj samoorganizacii // Vestnik Ural'skogo instituta e'konomiki, upravleniya i prava, 2015. – № 1 (30). – S. 52–59.
29. Rudenkin V.G. Grazhdanskaya samoorganizaciya rossijan: sostoyanie i perspektivy // Vestnik Ural'skogo instituta e'konomiki, upravleniya i prava, 2014. – № 3 (28). – S. 56–60.
30. Rudenko V.N. «Chistaya demokratiya» i ee atributy // Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser. «Filosofiya». 2012. T. 10. Vyp. 3. S. 120–126.
31. Rudenko V.N. Bol'shoe zhyuri kak institut grazhdanskogo uchastiya v otpravlenii pravosudiya // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2011. Vyp. 11 S. 467–488.
32. Rusakova O.F. Sovremennye traktovki predmetnoj oblasti politicheskoy filosofii: metodologicheskij analiz // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2009. Vypusk. 9. S. 203–229.
33. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi». 2012. 400 s.
34. Rusakova O.F. Metaforika i konceptosfera diskursa mobil'nosti // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2013. № 13. S. 19–25.
35. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2014. Tom. 14. Vypusk 4. S. 65–77.
36. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Sovremennij diskurs politiki pamyati // Rossijskaya politicheskaya nauka: Idei, koncepcii, metody: Nauchnoe izdanie / Pod red. L.V. Smorgunova. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. – (Seriya «Rossijskaya politicheskaya nauka: Istoki i perspektivy»). Pod obshh. red. O.V. Gaman-Golutvinoj). – 375 s. S. 226–238.
37. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i tehnologii konstruirovaniya novoj sub'ektnosti // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2012. Vypusk 12. S. 259–271.
38. Traxtenberg A.D. Diskursivnyj analiz massovoj kommunikacii kak ideologicheskij instrument // Vestnik Rossijskogo Universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya, 2006. № 8. S. 85–94.
39. Traxtenberg A.D. E'lektronnoe pravitel'stvo: texnokraticeskaya utopiya ili vostrebovannaya struktura // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN, 2011. Vyp. 11. S. 243–269.
40. Fadeicheva M.A. Ideologiya i diskursivnye praktiki «nashizma» v sovremennoj Rossii // Polis, 2006. № 4. S. 53–60.
41. Fadeicheva M.A. Politicheskaya simbolika gosudarstv Yugo-Vostochnoj Azii kak instrument myagkoj vlasti // Polite'ks, 2012. Tom 8. № 4. S. 218.
42. Fan I.B. Teoreticheskaya model' fenomena grazhdanina: sociokul'turnyj podxod // Polis, 2010. № 6. S. 149–161.
43. Fan I.B. Politicheskoe uchastie v Rossii: isklyuchenie «pod prikritiem» vklyucheniya // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2013. Tom 13. 1 vypusk. S. 67–82.
44. Fishman L. O «russkom mire» i besperspektivnosti «nedonacionalizma» // Neprikosnovennyj zapas, 2015. № 1. S. 261–268.
45. Fishman L.G., Davydov D.A. Gryadushhee rentnoe obshhestvo // Svobodnaya mysl', 2015. № 5. S. 151–154.
46. Fursov K.K. Proyavlenie diskursa vrazhdy v zhanre avtobiografii v ramkax processa vertikal'noj politicheskoy mobil'nosti // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2015. № 2 (19). S. 47–52.
47. Xmelinin A.A. Osobennosti i diskurs rossijskogo neoliberalizma: stanovlenie «gibridnoj» modeli // Socium i vlast', 2013. № 4. S. 59–64.
48. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi». – 2015. – 376 s.

UDC 3.04.444

INTELLECTUAL MOBILITY AND MAIN POLITICAL SCIENCE RESEARCHES OF URAL POLITICAL SCIENTISTS COOPERATED WITH RPSA

Glushkova Svetlana Igorevna,

Humanitarian University,
Head of the Department of Human Rights,
Doctor of Political Sciences,
Chairman of the Sverdlovsk regional branch of the Political Science Association,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: glsvig@yandex.ru

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The article analyzes the various aspects of intellectual mobility Ural political scientists who are actively cooperating with the Russian Association of Political Science (Political Science Association). The authors identify innovative directions of theoretical, scientific and practical activities of political scientists working on the basis of the Ural Federal University and other universities of Ekaterinburg, reveal the basic directions of scientific activity of the members of the Sverdlovsk regional branch of the Political Science Association. Much attention is paid to analysis of creative initiatives and innovative research projects of political scientists from the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The authors conclude: Mobile Intelligent Communications Ural political scientists, working with creative teams RPSA, new challenges in the field of activation of network communication, and exchange of information, as well as – in the field of raising the profile of «think tanks» SVR government structures and civil society.

Key words:

intelligent mobility discourse mobility RPSA, Ural politicians, MADI, the parliamentary system, human rights, citizenship, political discursology, political philosophy, the theory of soft power, Modern, post-Fordism, fight against corruption.

УДК 322.22 + 261.7

СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС SOFT POWER В РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Корнеева Вера Александровна,

Уральский государственный педагогический университет,
Институт психологии,
кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления,
заведующая отделением конфликтологии и управления,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
аспирант кафедры теории и истории политической науки,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Волков Андрей Валерьевич,

технический директор,
ООО «ФОСТ»,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: 9221134373@mail.ru

Аннотация

Говорить о политических возможностях спорта и целой палитре его ресурсов как инструментах «мягкой силы» в спектре региональных и национальных интересах уже поздно. Спорт переживает в последнее время яркую реполитизацию, а процесс политизации приближается к кульминации политиканства. Страны и регионы, задействующие спорт в качестве «мягкого влияния», получают активное и «жесткое» противодействие от своих контрагентов (бойкотирование игр, обвинения в коррупции, санкции, отстранения от должностей руководителей крупнейших организаций, попытки изменять географию крупных спортивных мероприятия и др.). Однако институт спорта продолжает оставаться бездонной «кладовой» для увеличения своего могущества, привлекательности и брендинга многих социальных практик помимо большой политической арены. В данном случае наша статья посвящена оценке роли и степени востребованности спорта в реализации религиозной политики современной России.

Ключевые слова:

спорт, спортивный дискурс, мягкая сила, религия, религиозная политика.

Структурно-функциональный анализ спорта позволяет выделять большой набор функций, который он выполняет в качестве самостоятельного социального института. Будучи изначально

«подручным» феноменом, спорт набирает все необходимые условия и признаки безотности, самобытности и автокефальности. Однако в XX веке неисчерпаемое содержание

социоэмоционального, консолидирующего и нравственно-патриотического капитала не позволяет спорту оставаться незамеченным политическим актором. В своей способности воздействия на большую группу людей спорт обнаружил себя в арсенале политических инструментов. Именно процессы политизации и коммерциализации вывели спорт из разряда «чисто» культурологического явления.

Ранее в наших исследованиях мы ссылались на связь спорта с политикой, экономикой, констатируя процессы коммерциализации и политизации современного спорта, а в ряде работ выделяли целый спектр функций спорта в общественной жизни стран и регионов, отмечали его роль в трансформации региональной идентичности посредством брендинга ресурсов и субъектов спортивной деятельности [1]. В данной статье мы решили остановиться на такой проблеме, как взаимодействие спорта с религией, где спорт рассматривается в качестве инструмента религиозной мобильности, а религиозный фактор – как инструмент «мягкой силы».

С уверенностью можно заявить, что для спорта как социального института характерна религиозная терпимость. Спорт привязан к регионам, но не привязан к религии. Доказательством могут служить следующие факты, типичные для мирового и российского спорта: во-первых, отсутствие официальной и негласной политики отбора спортсменов с точки зрения их вероисповедания; во-вторых, возможность одеваться спортсменам в ту форму, которая допускается их религиозными канонами; в-третьих, предоставление возможности использования религиозной символики, если за последней не признается экстремистский характер. Данные моменты позволяют говорить о внерелигиозности современного спорта.

Вместе с тем, религиозная идеология и религиозные институты стремятся как можно глубже проникнуть в спортивную сферу и сделать верующих спортсменов своими конфессиональными брендами. Используется, в частности, тот факт, что среди спортсменов мирового уровня немало мусульман: большое число мировых звёзд спорта пришли к Исламу

уже в зрелом возрасте, добившись успехов в спортивной карьере. Вот несколько имён самых знаменитых мусульман спортсменов: Мохамед Али, Зинедин Зидан, Майк Тайсон.

Спортивные клубы ряда стран становятся более внимательными к использованию религиозной символики. Так, учитывая мнение многомиллионной мусульманской уммы мира, испанский футбольный клуб «Реал-Мадрид» избавился от изображения креста: Президент «Реала» Флорентино Перес убрал с короны на официальном гербе клуба крест, чтобы избежать непонимания или неправильного толкования в регионах, где большинство населения составляют мусульмане. Ранее по просьбе мусульман из Катара от изображения креста на своем гербе также отказался известный испанский футбольный клуб «Барселона» [3].

На сегодняшний день мусульманские идеологи все больше находят в процессе толкования религиозных обрядов спортивную подоплеку и контекст.

В своих проповедях имамы ссылаются на фрагменты из жизни пророка Мухаммеда и его роль в физическом воспитании людей. Мусульманская конфессия активно призывает мужское население к занятиям спортом. По мнению мусульманских проповедников спорт, во-первых, является эффективным средством замещения интернет-среды и нивелирует в связи с этим угрозу актуализации виртуальной идентичности; во-вторых, защищает от обращения к радикальным формам и течениям исламизма. «Пророк, мир ему и благословение Аллаха, сказал: «Любое действие, отвлекающее верующего от поклонения Аллаху, является пустой тратой времени, за исключением четырёх занятий: стрельбы по мишеням, езды на лошади, игр с семьей и обучения плаванию». (ат-Табарани) Также Пророк, мир ему и благословение, сказал в своём хадисе: «Сильный верующий любимее Аллаху, чем слабый. Хотя в обоих есть благо» [4]. Все виды спорта придают грациозность и силу человеку. Поэтому, «необходимо заниматься самому и воспитывать в спорте детей... Существуют различные виды спорта, которыми мусульмане могут заниматься в одиночку и коллективно. Спорт развивает

быстроту, решительность, силу и бойцовские качества. Эти качества необходимы для поддержания здоровья и бодрого настроения» [4]. Кроме того, современные мусульманские традиции не запрещают и женщине заниматься спортом, в том числе и профессиональным.

Представители христианской церкви также в какой-то момент своей истории обратились к спортивной тематике. Однако мы помним, что церковь в течение веков восставала против занятий физическими упражнениями. И это объяснимо, поскольку благодаря занятиям физической культурой и спортом более осознанно утверждается материалистическое миропонимание, полнее раскрывается антинаучная сущность религиозных воззрений на человека как «раба божьего», «неполноценное и слабое существо». Физическая культура и спорт утверждают веру человека в счастье земного бытия [6].

Только в XIX и начале XX в. кардинально изменилось отношение церкви к спортивным состязаниям. Данный факт был обусловлен двумя явлениями: упадком влияния церкви в общественной жизни и бурным развитием спорта. Видя растущую популярность спорта и тягу молодежи к занятиям физическими упражнениями, церковь решила использовать это явление в своих интересах. Институционализация начавшихся процессов оформлялась в виде следующих спортивных организаций: Ассоциация молодых христиан, Международный союз католических организаций физической культуры, «Дойче Югендкрафт», «Эйхенкройц», Объединенное движение христианской молодежи, Международная спортивная федерация католического обучения и др. И сегодня создание специальных спортивных организаций – только один из путей, по которому идет церковь для усиления своего влияния на массовую культуру спорта.

Важно вспомнить, что спорт зародился как часть религиозного культа, а Олимпийские игры (ОИ) древней Греции – крупнейшие спортивные соревнования древности, которые проводились в Олимпии. ОИ были значимым для всей Древней Греции событием, выходившим за рамки сугубо спортивного мероприятия.

Центром олимпийского мира древности был священный округ Зевса в Олимпии – роша вдоль реки Алфей, недалеко от впадающего в нее ручья Кладей. В этом прекрасном городке Эллады почти триста раз устраивались традиционные общегреческие состязания в честь бога-громовержца. Олимпийские игры Древней Греции представляли собой религиозный и спортивный праздник, проводившийся в Олимпии. Все происходящее связано с подвигами Олимпийских богов (*Olympioi theoi*): Зевс, Гера, Посейдон, Афина, Афродита и др. Вся Олимпийская мифология проникнута торжеством мероприятия, культом духа и красоты, возвеличиванием человека, триумфом справедливости.

Величавость, божество, сверхъестественное, легендарное, непобедимое, власть, красота, гармония, доблесть, безупречность, священность – эпитеты, когниции, сопровождающие Олимпийские игры. Одновременно всё это и категории соблазна, инструменты «мягкой силы».

Связь ОИ с религией можно проследить и сегодня. Так, по требованию Международного олимпийского комитета (МОК) на территории олимпийских деревень в 2014 году должны открываться центры множественных вероисповеданий. По задумке это должны быть комплексные здания из нескольких молельных комнат для разных конфессий.

В настоящее время очевиден в большей степени односторонний характер взаимодействия спорта и религии в пользу активности последней. Религиозные лидеры и религиозные институты адаптируют к канонам своей веры спортивные правила, символику, традиции и ритуалы. Спорт и религия – пример не столько партнерских отношений, сколько регулирующие-контролирующих. Можно заключить, что спорт для религии в той же мере выступает ресурсом, в какой его задействует и политика.

Нам представляется, что на протяжении длительного исторического периода, когда шло противостояние церкви и государства за ведущую роль в управлении народом, произошла «приватизация» спортивного ресурса в пользу

политической стороны. По сути, спорт стал исторической формой институционализации социально-экономических процессов.

В последние несколько лет спорт претерпевает вторичную политическую рекрутизацию. Спорт в позитивистско-функциональном ключе превратился в инструмент внешней и внутренней политики стран и выступает в качестве государственного механизма неадминистративного воздействия на массовое сознание и общественное мнение. Реализуя политическую и экономическую волю, спорт тем не менее находится в статусе уникального социального института и социальной практики. В этом контексте интересными представляются размышления о том, что спорт превратился в своего рода новую религию («спорт – новейшая религия») [4].

Растущая популярность физической культуры и спорта, приобщение к ним молодежи, а также огромный приток зрителей на различные спортивные состязания таят в себе немалые возможности воспитания не только физических, но и духовных способностей людей. Физическая культура и спорт обладают большой силой воздействия на духовность человека. Например, Барабанова В.Б. утверждает: «Парадигмы исследования спорта как социального явления мы должны искать в социальной философии, поскольку для нее важны только те феномены, которые связаны с общественной жизнью, то есть, с общей материальной и духовной культурой человечества, поскольку спорт анализируется как специфически духовно реформированное движение и соревнование (поведение, основанное на соперничестве). Все явления, проявляющиеся в спорте: соревнование, состязание, соперничество, конкуренция – имеют определенное общее основание, некую связь, субстанцию, проявлением которой они становятся. Это свойственный им особый дух борьбы и стремление к победе. Подобная психологическая и ценностная ориентация присуща спорту» [1, с. 189–191]. Автор заключает, что институционализация спорта позволяет выявить потребность в развитии сущностных сил человека как целостной личности.

Утверждать, что церковь и спорт не демонстрируют транзакций, было бы неверно. Факты сотрудничества очевидны: политические и спортивные лидеры оказываются в религиозном пространстве, и наоборот, духовные лидеры – на платформах спортивной жизни.

При всех фактах скорее дистантного, непопуляризованного взаимодействия религии, церкви и спорта, эти формы социального бытия обладают большими перспективами и выгодами сотрудничества в будущем. Пока спорт и религия «ходят друг к другу в гости», необходимо сделать это взаимодействие системным, идейным и просветительским.

Религиозное сопровождение спортивной жизни может развиваться в следующих направлениях:

Создание института «курирования» различных аспектов религиозной жизни спортивными субъектами. Например, церемонию привоза чудотворных икон и их торжественного пронесения по городу могут обеспечивать узнаваемые спортивные клубы региона/города.

Обеспечение сетевой интернет-коммуникации.

Наполнение религиозной *символикой* спортивного пространства. К религиозной семиотике можно отнести и религиозную сувенирную продукцию.

Традиционирование ряда совместных мероприятий территориальных религиозных объединений и спортивных сообществ; Формирование культуры взаимного двустороннего посещения религиозных обрядов, церемоний и спортивных праздников, торжеств.

Инициирование спортивного спонсорства и спортивного маркетинга в отношении религиозных практик. Интересным будет опыт личного и клубного спонсорства в адрес институтов, объединений и субъектов религии (добровольные пожертвования).

Отдельным направлением в инновационных способах взаимодействия спорта и религиозных акторов может выступать сетевая модель информационного сопровождения. К подобным перспективным прак-

тикам взаимодействия с паствой, приходом присоединяются и религиозные деятели (см., например, сайт Георгия Кочеткова, Андрея Гупало, Митрополита Иллариона, а также Интернет-проекты: VK «батюшка-онлайн», домен «Е-батюшка» и др.). Представители ислама также активно используют интернет-ресурс (сайт мечети г. Грозного имени Ахмат-Хаджи Кадырова «Сердце Чечни», сайт мечети «ИХЛАС» в г. Уфе и Московской соборной мечети и др.). Информационная мобильность посредством Интернет-ресурсов способна стать ведущей характеристикой во взаимодействии спорта и религии. Вероисповедание игроков, тренеров, владельцев спортивных клубов, а также история вхождения религии в их профессиональную и личную жизнь – все эти аспекты могут получать широкую сетевую поддержку.

Для современных отношений отечественного спорта и религии характерны следующие черты:

1. спорт пока еще в незначительной степени задействован в религиозной жизни страны;
2. взаимодействие спорта и религии максимальным образом ритуализировано;
3. религиозно-конфессиональная политика выполняет в определенной степени экспертную функцию в отношении спорта;
4. спортивные мероприятия и проекты настоящего, курируемые религиозными акторами, по сути, выполняют социализирующую функцию;
5. представители мусульманской конфессии в нашей стране активно агитируют и позитивно интерпретируют занятия спортом в качестве инструмента, замещающего радикальный ислаизм как потенциальную угрозу для молодого поколения.

Идеологический вакуум, размытость ценностных ориентаций современного общества, разрушение аксиологической шкалы требуют усиления действия стабилизирующих и регулирующих социальных институтов. По нашему мнению, религию в ее многоконфессиональной форме можно рассматривать в качестве одного из стабилизаторов, возможно, даже интеграторов культурной и спортивной жизни российского социума.

1. Корнеева В.А. Виды и ресурсы спортивной мобильности как инструменты soft power в реализации интересов национальной и региональной политики стран // Дискурс-Пи: Научный журнал, 2015. № 2 (19). С. 64–71.

2. «Социум – культура – человек» в социальной практике спорта Барабанова В.Б. // Фундаментальные исследования [Электронный ресурс] – Электрон. портал. – 2014. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21247547>.

3. Мир меняется – Ислам, спорт и политика! [Электронный ресурс]. – Электрон. портал. – 2006. – Режим доступа: <http://www.mtss.ru/forum/viewtopic.php?t=5152&sid=2b2bc174877f528a8ac36d4d44bd95772b2bc174877f528a8ac36d4d44bd9577>.

4. Официальный сайт Мечеть «Сердце Чечни» им. Ахмат-Хаджи Кадырова [Электронный ресурс]. – Электрон. портал. – 2015. – Режим доступа: <http://serdce-chechni.ru/>.

5. Политизация и коммерциализация спорта: социологический анализ Курбатова Л.Н. // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований [Электронный ресурс]. – Электрон. портал. – 2015. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24391905>.

6. Спорт, спортсмены, религия: вместе или врозь в XXI век? [Электронный ресурс]. – Электрон. портал. – 2011. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/religion/00305325_0.html.

1. Korneeva V.A. Vidy i resursy sportivnoy mobil'nosti kak instrumenty soft power v realizacii interesov nacional'noj i regional'noj politiki stran // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal, 2015. № 2 (19). S. 64–71.

2. «Socium – kul'tura – chelovek» v social'noj praktike sporta Barabanova V.B. // Fundamental'nye issledovaniya [E'lektronnyj resurs] – E'lektron. portal. – 2014. – Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21247547>.

3. Mir menyaetsya – Islam, sport i politika! [E'lektronnyj resurs]. – E'lektron. portal. – 2006. – Rezhim dostupa: <http://www.mtss.ru/forum/viewtopic.php?t=5152&sid=2b2bc174877f528a8ac36d4d44bd95772b2bc174877f528a8ac36d4d44bd9577>.

4. Oficial'nyj sajt Mechet' «Serdce Chechni» im. Axmat-Xadzhi Kadyrova [E'lektronnyj resurs]. – E'lektron. portal. – 2015. – Rezhim dostupa: <http://serdce-chechni.ru/>.

5. Politizaciya i kommercializaciya sporta: sociologicheskij analiz Kurbatova L.N. // Sovremennoe obshhestvo: voprosy teorii, metodologii, metody social'nyx issledovaniy [E'lektronnyj resurs]. – E'lektron. portal. – 2015. – Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24391905>.

6. Sport, sportsmen, religiya: vmeste ili vroz' v XXI vek? [E'lektronnyj resurs]. – E'lektron. portal. – 2011. – Rezhim dostupa: http://revolution.allbest.ru/religion/00305325_0.html.

UDC 322.22 + 261.7

SPORTS DISCOURSE OF SOFT POWER IN THE RELIGIOUS POLICY OF MODERN RUSSIA

Korneeva Vera Aleksandrovna,

Ural State Pedagogical University,
Institute of psychology,
The chair of social psychology, conflictology and management,
Head of the chair of conflictology and management,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
The post-graduate of chair of theory and history of political science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Volkov Andrey Valer'yevich,

Technical Director,
LLC «FOST»,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: 9221134373@mail.ru

Annotation

It is too late to talk about political possibilities of sport and its resources as an instrument of «soft power» in the field of regional and national politics. Nowadays we can say that sport has entered a stage of new politicization. And this process of new politicization is approaching to a stage of extreme politicking. Countries and regions use sport as a «soft power» and face active and «hard» opposition of their counterparts (such opposition includes allegations of corruption, sanctions, dismissal heads of major organizations, attempts to change the geography of major sporting events, etc.). However, sport as a social institution still remains a huge undiscovered area, which has a huge potential of using to increase attractiveness of many social practices besides the big political arena. This article is devoted to the assessment of role and degree of relevance of sport in the implementation of religious policy of modern Russia.

Key words:

sport, sports discourse, soft power, religion, religious policy.

УДК 323

СВОЙСТВА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ МОБИЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела философии,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы влияния свойств социального пространства и времени на процессы становления и развития личности как деятеля.

Ключевые слова:

социальное пространство и время, идентичность, личность, внутреннее пространство и время личности, хронотоп.

Интерес к теме социального пространства и времени связан с тем, что в течение последних 25 лет российское общество столкнулось с рядом сложнейших вызовов. Беспрецедентные масштабы социокультурных изменений, развитие процессов глобализации, усиление иностранного влияния, а также влияния средств массовой информации, повышающийся уровень социокультурной дифференциации – все эти факторы ставят российское общество перед угрозой смены идентичности. В условиях коренных социальных и культурных изменений в обществе наблюдаются существенные разрывы в представлениях о культурном пространстве и времени. В восприятии социального времени наблюдаются тенденции разрушения смыслового единства между прошлым, настоящим и будущим. Это проявляется, в частности, в резком сужении пространства идентичности

до узколокального уровня (кланового, корпоративного, этноцентричного (национализм), эгоцентричного (индивидуализм) и т. п.) при одновременном усилении формирования глобального мышления. Отсюда вопрос о влиянии свойств социального пространства и времени на изменение личности продиктован актуальностью этих проблем в современном российском обществе.

Для более глубокого понимания процессов изменения (мобильности) общества и его структурных субъектов, включая личность, необходимо рассмотреть вопросы смыслового содержания пространства и времени.

Известный постулат материалистической философии: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, а движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [3, с. 181] является базисной методологической основой для понимания

содержания социального пространства и времени.

Социальное пространство, вписанное в пространство биосферы, обладает особым человеческим смыслом. Оно функционально расчленено на ряд подпространств, характер которых и их взаимосвязь исторически меняются по мере развития общества. Особенность социального пространства заключается в том, что человек живет не только в природном мире, но и мире вещей и культуры, окружающих человека, которые в свою очередь исторически диалектически связаны между собой, обладая социально значимыми характеристиками. Целостная система социальной жизни имеет свою пространственную архитектуру, которая не сводится только к отношениям материальных вещей, но включает их отношение к человеку, его социальные связи и те смыслы, которые фиксируются в системе общественных отношений и общественно значимых идей.

Общественные отношения являются специфическим способом движения общества как социальной разновидности материи. Социальное же время выступает формой существования общественных отношений, содержанием которых является предметно-практическая деятельность людей, ибо общество всегда есть «продукт взаимодействия людей» [5]. Специфика социального пространства тесно связана со спецификой социального времени, которое является внутренним временем общественной жизни и как бы вписано во внешнее по отношению к нему время природных процессов. Социальное время, с одной стороны, – это количественная оценка пути, пройденного человечеством, мера изменчивости общественных процессов, исторически возникающих преобразований в жизни людей. С другой стороны, социальное время – это темп и ритм социальных изменений. Темпоральность – это понятие, которое фиксирует темп (скорость), циклические свойства времени, его направленность.

Историческое время течет неравномерно. Оно как бы уплотняется и ускоряется по мере общественного прогресса. К примеру, родоплеменные общества и пришедшие им

на смену первые цивилизации древнего мира на протяжении многих столетий воспроизводили определенный уклад социальной жизни. Социальное время в этих обществах носило квазициклический характер. Ориентиром общественной практики служило повторение уже накопленного опыта, воспроизводство действий и поступков прошлого, которые выступали в форме традиций и часто носили сакральный характер [7, с. 34]. Идея направленности времени и ориентация на будущее возникли в культуре значительно позднее. Линейно направленный характер социального времени начинает проявляться наиболее отчетливо в обществе эпохи формирования капиталистических отношений. Капиталистическая система производства по сравнению с предшествующими ей формациями привела к резкому ускорению развития производительных сил и всей системы социальных процессов. Еще в большей мере это ускорение свойственно современной эпохе, когда бурно разворачивается научно-техническая революция.

При этом само ускорение социально-исторического времени происходит неравномерно. В эпоху революционных преобразований это ускорение, своеобразное сжатие исторического времени, его насыщение социально значимыми историческими событиями, происходит в значительно большей степени, чем в периоды относительно спокойного развития. В рамках социального времени, в котором происходят события, характеризующие историю народа, нации, развитие и смену общественно-экономических формаций, можно выделить время индивидуального бытия человека (время личности), которое определяется протеканием различных социально и индивидуально значимых для него событий.

Общественные отношения выступают как способ жизнедеятельности и носителя социального времени не только общества, но и личности. Это определяется тем, что личность есть одновременно и субъект и объект общественных отношений. В свое время классики материализма подчеркивали, что анализ проблемы личности должен начинаться с рассмотрения деятельности людей

и материальных условий их жизни, как тех, которые они находят уже готовыми, так и тех, которые созданы их собственной деятельностью [5, с. 19].

Особую важность приобретает анализ пространственно-временной структуры на разных этапах истории общества, изучение механизмов ее изменения и развития как важного аспекта динамики социально организованной материи, что своеобразно проявляется в индивидуальной жизни людей. Человеческая деятельность есть исторический способ существования общества и личности, через нее общество детерминирует личность, а последняя в ней и через нее проявляет свои социальные качества, взаимодействуя с другими личностями. Человек становится личностью, приобретает и приумножает определенную совокупность качеств и свойств через усвоения социального опыта, посредством активной общественной деятельности, которая осуществляется в определенном социальном пространстве и определенном социальном времени. Особую важность приобретает анализ пространственно-временной структуры на разных этапах истории общества, изучение механизмов ее изменения и развития как важного аспекта динамики социально организованной материи, что своеобразно проявляется в индивидуальной жизни людей.

Выявление роли пространственно-временных факторов в современной социокультурной динамике приобретает особую значимость в условиях радикального изменения представлений о пространстве и времени, связанного с глобализацией. Глобализация и локализация диктуют новые требования к осмыслению проблем цивилизационно-культурной идентичности. Многие из этих проблем могут быть решены в рамках пространственно-временного, хронотопного (по выражению М.М. Бахтина) анализа современной цивилизации. Понятие хронотопа можно использовать и в оценке существующих культур и цивилизаций. С точки зрения хронотопного анализа современные цивилизации предстают как внутренне неоднородные в культурно-пространственном

отношении. «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и изменяется временем», – отмечал Бахтин, полагая, что живое созерцание «схватывает хронотоп во всей его целостности и полноте», а наши художественные представления «пронизаны хронотопическими представлениями разных степеней и объемов» [1, с. 177].

Это создает возможность осмысливать события, цепочки связей (сюжетные линии) через хронотоп, который служит преимущественной точкой означивания и смысловой конкретизации тех или иных событий и процессов. При этом каждый хронотоп включает в себя множество относящихся к более мелким пространственно-временным масштабам хронотопов конкретных событий и процессов, которые в свою очередь интегрируются в общую, относительно целостную хронотопную модель. В структуре этой модели отдельные хронотопы могут включаться друг в друга, контрастировать, сосуществовать, переплетаться, сменяться и т. д. В социальной материи движение образует три варианта социального пространства: социальное коллективное, социальное индивидуальное и виртуальное. Будучи разными по содержанию, все они взаимодействуют между собой в рамках единого целого – социального пространства-времени (хронотопа) – и, по этой причине, с необходимостью вступают в противоречие.

В психологии есть такое понятие как внутренний мир или внутреннее пространство личности. Это понятие означает хотя бы то, что весь внутренний мир, все эмоции, переживания и мысли находятся в ограниченном физическом пространстве – в человеческой голове. Во внутреннем мире первичность материи и вторичность сознания меняются местами. Здесь не только «бытие определяет сознание», но и, что вернее, сознание определяет бытие. Оба эти утверждения правильны, а в совокупности составляют истину. Как отмечает Роджер Смит: «Человек обнаруживает в своем самосознании такую суверенность воли... такую способность все подчинить своей мысли... что это выделяет его из совокупности природы» [6, с. 84].

Во внутреннем мире человека соответственно сложным формам движения выделяют несколько важных координат. **Первая** из них – *социально-пространственная или коллективно-индивидуальная* составляющая внутреннего пространства личности. Отсюда деление личностей на экстравертов и интровертов. **Вторая** – *субъективно-объективная или смысловая (сознательная) координата, определяющая систему потребностей и связанные с ними экзистенциальные установки личности*. Её содержанием является мобильность отражения, которое заявляет о себе в форме *мировоззренческой концепции личности*. **Третья** – *социально-биологическая* координата, характеризующая единство, гармонию психического и физического состояния и развития (мобильности) здоровой личности. **Четвёртая** – *противоречиво-компромиссная координата становления и развития личности, то есть не что иное как хронотоп в движении (мобильности), определяющий взаимодействие личности и общества. На протяжении всей своей жизни человек проходит пики разных видов физической и умственной активности, осваивая новые социальные роли и социальные статусы. Этапы жизненного цикла в каждом социуме (культуре) определяются относительно строго в соответствии биосоциальным возрастом человека. Социальное время может безвозвратно уходить в прошлое и, при этом, постоянно находится в настоящем, кроме того, ещё и содержать в себе будущее*. Оно, время, может ускорить и замедлить своё течение, даже изменить направление, двигаясь из прошлого в будущее. Социальное время, сохраняя свою самостоятельность, независимость, может подчиняться субъективной человеческой воле, которая заполняет его содержанием, определяемым смыслом жизни. Таким образом, человек живёт не в одном мире – мире объективных вещей, а в двух мирах сразу: в мире внешнем (всеобще-объективном) и мире внутреннем (субъективно-объективном). То есть оба пространства и их время тесно переплетаются, взаимодействуют между собой, вступая в противоречие, имея, при этом,

всеобще-объективную природу. На самом деле, связь между внутренним миром и миром «вещей» глубокая и существенная. Потому что «внутренний мир», как говорят философы, в «снятом виде» присутствует в любой деятельности и любом поведении личности. Как отмечает А. Воронин: «Воспроизводство человеческих качеств осуществляется тем, что не так давно именовалось «социальной формой движения материи». Во всей её (их) сложности. Институты, которые отвечали за «позитив»... испокон веков соседствовали с упрямо растущими сорняками «негатива», и этот баланс – одно из условий существования общества» [2, с. 49]. Продолжительность биологической и социальной жизни, вне зависимости от физического времени, определяется количеством значимых событий в единицу социального времени – одну человеческую жизнь. *Значимым событием можно считать деятельность (движение) с преимуществом для бытия, как индивидуального, так и общественного*. Живя «правильно», то есть постигая смысл общественного бытия, человек получает возможность увеличивать количество значимых событий, управлять продолжительностью жизни, биологическим и социальным временем. Входить в мир ценностных отношений ко времени жизни можно разными путями. В философии выделяют три простых формы движения (мобильности): *собственно движение, изменение и развитие*. Развитие хронотопа личности проходит через борьбу старого с новым, между добром и злом, между разрушением и созиданием, включая диалектику прошлого, настоящего и будущего. Живя только сегодняшним днем (здесь и сейчас), личность рискует утратить ценность и значение своей жизни. При решении только повседневных задач текущего момента, обеспечивающего выживание, без перспективы на будущее, происходит обеднение психологической организации личности, так как эти задачи требуют уровня способностей ниже уровня возможностей человека. Абсолютизация прошлого личностью также является разрушительным для личностного времени. Абсолютное погружение в прошлое приводит к застою, или

«нравственной смерти». Ибо, исключая из своей жизнедеятельности перспективные линии, осуществление задач будущего, человек разрушает или лишается истоков саморазвития.

Такое явление было очевидным в эпоху перестройки в России, когда новое социальное время с его иным историческим содержанием и определяющим успех принципом индивидуализма, лишило истоков развития целые поколения 45–60 летних людей, воспитанных на принципах коллективизма и иных моральных ценностях, обрекая их лишь на выживание. Диалектическое слияние личностной и общественной деятельности социального субъекта, творящего как индивидуальное, так и коллективное бытие, не может быть мгновенным, оно требует исторического времени для преодоления противоречий.

Для преодоления разрушительных последствий духовного мира личности, связанного с временными ориентациями, абсолютизирующими прошлое и настоящее, идея А.С. Макаренко о гармонизации общественных и личных перспектив, социального и личностного времени является наиболее предпочтительной, а главное – проверенной практикой. «Воспитать человека – говорил он – значит воспитать у него перспективные пути» [4, с. 233].

Подчеркивая необходимость правильной организации жизненного времени, воспитания в человеке умения направлять течение последнего в соответствии со своими целями и задачами. «Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость» [4, с. 232]. При этом под последней понимались не развлечения и удовольствия, а трудовые устремления и их реализация [4, с. 236]. Не случайно в арсенале средств формирования социалистической личности, разработанном советской педагогикой в 20–30 годы прошлого века, значительное место занимала постоянно развивающаяся система временных перспектив от «близких» и «средних» до «далеких», представляющих собой проекты коллективных событий, отодвинутых во времени, рассчитанных на умение «свою собственную жизнь представлять не иначе,

как частью настоящего и будущего всего нашего общества» [4, с. 239]. Система временных перспектив не может быть стихийной – ее нужно организовывать, вызывать к жизни и делать реальностью. Сегодня в новом историческом времени нашего общества это осуществить достаточно сложно, ибо существует противоречие между общественными интересами и доминирующим индивидуализмом, как определяющим вектором развития личности. Преодоление этого противоречия есть путь развития нового исторического типа личности.

1. Бахтин М.М. Эпос и роман. Литературно-художественные статьи. М.: Художественная литература, 1986. / Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5.

2. Воронин А.А. Время и вечность в проекте «Россия-2045» // «Человек», 2015. № 1.

3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч. Т. 18. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 7–384.

4. Макаренко А.С. Избранные педагогические сочинения: в 2- т. Т. 1. М. 1977.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы. Том 3. С. 7–544.

6. Смит Р. Быть человеком, историческое знание и сотворение человеческой природы / Пер. с англ. И. Мюрберг, под ред. И. Сироткиной. М. 2014.

7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб., 1998.

1. Baxtin M.M. E'pos i roman. Literaturno-xudozhestvennyye stat'i. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. / Baxtin M.M. Sobr. soch.: V 7 t. T. 5.

2. Voronin A.A. Vremya i vechnost' v proekte «Rossiya-2045» // «Chelovek», 2015. № 1.

3. Lenin V.I. Materializm i e'mpiriokriticizm. Poln. sobr. soch. T. 18. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1973. S. 7–384.

4. Makarenko A.S. Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya: v 2- t. T. 1. M. 1977.

5. Marks K., E'ngel's F. Nemeckaya ideologiya // K. Marks, F. E'ngel's. Soch., Izdanie vtoroe. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. Tom 3. S. 7–544.

6. Smit R. Byt' chelovekom, istoricheskoe znanie i sotvorenie chelovecheskoj prirody / Per. s angl. I. Myurberg, pod red. I. Sirotkinoy. M. 2014.

7. E'liade M. Mif o vechnom vozvrashhenii. Arxetipy i povtoryaemost'. SPb., 1998.

UDC 323

PROPERTIES OF SOCIAL SPACE AND TIME AS FACTORS DETERMINING THE MOBILITY OF THE INDIVIDUAL

Romanova Kira Stepanovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Philosophy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article discusses the influence of properties of social space and time on the processes of formation and development of the individual as an actor.

Key words:

social space and time, identity, personality, inner space and time of the person, the chronotop.

УДК 32.001

РЕЙТИНГ SOFT POWER АРГЕНТИНЫ НА ОСНОВЕ RGMS

Хаботина Дарья Владимировна,

Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт гуманитарных наук и искусств,
Кафедра культурологии и социально-культурной деятельности,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: habotina.tanya@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена инструментам soft power Аргентины, которые оцениваются с помощью системы RGMS. Данные демонстрируют развитые, перспективные и проблемные области мягкой силы южноамериканской страны.

Ключевые слова:

soft power, Аргентина, индекс RGMS, имидж страны.

В 2014 году Аргентина впервые вошла в ежегодный рейтинг стран с высоким уровнем «мягкой силы», опубликованный журналом «Монокль», заняв 30-е место (из 30). Эксперты отметили, что отдельные личности позволили целой стране войти в топ-30, упомянув Лионеля Месси и папу Франциска [2]. Однако оценить динамику положения страны в рамках этого рейтинга пока невозможно, т. к. год спустя журнал составил рейтинг только из 25 стран, в котором Аргентины не оказалось [3].

Британский ученый Дж. Мак Клори разработал системную модель измерительных инструментов для определения уровня развития «мягкой силы» государств с быстро растущей рыночной экономикой, к которым в том числе относятся многие страны Латинской Америки. В итоге появился термин RGMS, который расшифровывается как «Индекс мягкой силы быстро растущих рынков» (*Rapid-growth markets soft power index*). Он представляет со-

бой совокупность следующих 13 параметров: *Media export, Language enrollment, Olympics, Power of icons, Most admired companies, Rule of law, Freedom index, Voter turnout, CO₂ emissions, Immigration, Tourism, University ranking* и *English fluency* [1]. Обращаясь к этим параметрам как основным ресурсам «мягкой силы», рассмотрим аргентинскую модель soft power.

Первый параметр предполагает экспорт различного национального медиаконтента. Однако не вся аргентинская медиапродукция успешна на мировом рынке. Так, кинематограф Аргентины неконкурентоспособен по сравнению с голливудскими фильмами, да и сами аргентинцы предпочитают смотреть американское кино, очень распространено совместное производство с американскими и испанскими киностудиями. За 2015 год страна выпустила около 190 фильмов различных жанров (включая короткометражное кино, документальные

фильмы, анимацию и т. д.) В то же время аргентинское кинопроизводство занимает одно из лидирующих положений по количеству международных наград среди испаноговорящих стран: 13 побед из 18 номинаций на премию «Гойя» за *Лучший иностранный фильм на испанском языке*, 2 победы из 6 номинаций на премию «Оскар» за *Лучший фильм на иностранном языке* («Официальная версия» 1985 г. реж. Луис Пуэнсо; «Тайна в его глазах» 2009 г., реж. Хуан Хосе Кампанелла).

Более успешными являются аргентинские теленовеллы. Достаточно вспомнить популярный аргентинский телесериал *«Дикий ангел»*, созданный в 1998–1999 годах телеканалом Telefe и транслировавшийся более чем в 60 странах мира. В России, например, сериал демонстрировался пять раз. Другим телехитом стал сериал *«Мятежный дух»*, премьера которого состоялась 26 мая 2002 года. Сериал транслировался во многих странах мира, достигнув международного успеха.

Музыкальным воплощением аргентинской культуры является танго. Танец и его музыкальное сопровождение к нему появились в середине XIX века в окрестностях Буэнос-Айреса, а в начале XX века стали популярны в Европе и США. Аргентинский музыкант и композитор Астор Пьяцолла обогатил жанр танго, представив его в современном виде. В 2009 году, на IV сессии межправительственного комитета ЮНЕСКО, танго, как совокупность музыки, танца, поэзии и самобытных традиций региона Рио де ла Плата, было внесено в список нематериального культурного наследия человечества [4].

Аргентина богата талантливыми писателями, признанными во всем мире. Благодаря таким поэтам и прозаикам XX века, как *Хорхе Луис Борхес*, *Хулио Кротасар* и *Адольфо Биой Касарес* самобытная аргентинская литература заняла почетное место в литературе мировой, удостоившись международного признания. Одним из представителей современной аргентинской прозы является Федерико Андахазы, который стал известным после публикации в 1995 году романа «Анатом». Став между-

народным бестселлером, произведение было переведено почти на все европейские языки, в том числе на русский. Мировую известность приобрели и последующие романы писателя («Милосердные» 1998 г., «Фламандский секрет» 2003 г. и др.).

Положительное влияние на рейтинг soft power Аргентины оказывают параметры *Language enrollment*, *Olympics* и *Power of icons*. Официальный язык страны – испанский, который является вторым по распространённости родным языком в мире после китайского и вторым языком международного общения после английского [5]. Испанский язык является одним из официальных языков таких международных организаций, как ООН, Европейский Союз, ОАГ (Организация американских государств).

В последнее время все чаще в исследованиях встречается активное обращение к спорту как к инструменту «мягкой силы». Достижения национальных сборных на Олимпийских играх и Чемпионатах мира являются фактором роста престижа и авторитета страны в мире, укрепления позиции атлетов на мировой арене, развития различных видов спорта, повышения патриотических настроений в обществе [6]. Проведение крупных спортивных событий способствует укреплению имиджа страны как спортивной державы и ее лидерских позиций в мировом культурно-политическом пространстве. Хотя Буэнос-Айрес был одним из 5 претендентов для проведения летних Олимпийских игр 2004 года, Аргентина еще ни разу не была хозяйкой Олимпиады. Но в 2018 году с 11 по 23 сентября в столице страны пройдут Летние юношеские Олимпийские игры. Спортивные успехи страны сложно переоценить. Самый популярный вид спорта в Аргентине – футбол, а мужская сборная страны является одной из сильнейших в мире [7], являясь двукратным чемпионом мира (1978, 1986) и чемпионом Олимпийских Игр (2004, 2008) и многократным обладателем Кубка Америки.

В Аргентине также распространены такие виды спорта, как хоккей на траве

и поло. Женская сборная страны по хоккею на траве по прозвищу «Львицы» является одной из сильнейших в мире, занимает (по состоянию на конец 2015) 2-е место в рейтинге Международной федерации хоккея на траве (FIH) [8]. Аргентина добилась больших успехов в поло: сборная 4 раза становилась чемпионом мира, занимая на данный момент в мировом рейтинге команд 1 место.

Как уже отмечалось выше, попаданием в рейтинг 2014 г. журнала «Монокль» страна обязана, прежде всего, отдельным аргентинцам. Это означает, что в современной модели «мягкой силы» Аргентины важную роль играет параметр *Power of icons*. Пожалуй, самой известной аргентинкой до сих пор остается Эва Перон, которая вошла в историю как жена президента Хуана Перона и первая леди Аргентины. Её яркая, короткая и драматичная история жизни окутана множеством мифов, а романтический и трагичный образ Эвиты свят для каждого аргентинца. Деятельность Эвиты укрепляла связь между своим президентом и народом. Уже при жизни перонисты называли её символом социальной справедливости. Она имела многочисленные титулы: «*знаменосица угнетённых масс*», «*надежда и страж революции*», «*цит Перона*», но предпочитала «*мост любви между Пероном и народом*». Будучи фактически вторым лицом страны после президента, Эвита своим примером доказала, что даже в мире мужчин женственность не является недостатком в построении карьеры [9]. 21 июня 1978 года состоялась премьера мюзикла Э. Л. Уэббера и Тима Райса «Эвита», основанного на книге «*The Woman with the Whip*», биографии Эвы Перон. Основанный на этом мюзикле одноименный музыкальный фильм Алана Паркера вышел на экраны в 1996, где роль Эвиты сыграла Мадонна. Фильм был удостоен ряда наград, в том числе премии «Оскар» за лучшую оригинальную песню (Эндрю Ллойд-Веббер, Тим Райс, песня «*You Must Love Me*»).

В рейтинг 100 самых влиятельных женщин мира 2014 г. по версии журнала *Forbes* вошла на тот момент действующий пре-

зидент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер (19 место) [10]. Сменив на этом посту своего супруга Нестора Киршнера, Кристина Киршнер стала второй женщиной-президентом Аргентины (после Исабель Перон, первая женщина-президент в мире) и первой женщиной-президентом Аргентины в результате выборов. Журнал «*The Time*» так писал о ней: «Кристина Фернандес использовала своё очарование и сексуальность как мощное оружие на пути к цели, что уже использовала легендарная Ева Перон...» [11].

Духовным лидером одной шестой части населения в мире является аргентинец Хорхе Марио Бергольо, более известный как Франциск, 266-й папа римский. Он был избран 13 марта 2013 г. и стал первым в истории папой из Нового Света и первым за более чем 1 200 лет папой не из Европы. За несколько лет своего правления папа Франциск радикально изменил консервативный имидж церкви. Он живет намного более скромно, чем его предшественники. Папа отказался от критических высказываний в вопросах о сексуальной ориентации, размышляет о большей роли женщин и посвящает много времени помощи бедным [13]. В 2013 году стал человеком года по версии журнала *Time* [12], а в 2015 году вошел в список 100 самых влиятельных людей мира [13].

В 2000 году Международная федерация футбольной истории и статистики организовала выборы «Футболиста столетия», выборы состояли из опроса журналистов и футбольных ветеранов различных стран. Официально обладателями этой награды являются Пеле и Марадона [14]. Аргентинский футболист Диего Марадона стал не только одним из лучших игроков 1980-х – начала 1990-х, но и превратился в кумира миллионов и спортивного идола. Современный футбол ассоциируется, прежде всего, с еще одним аргентинским футболистом Лионелем Месси. Обладая безграничной способностью к самосовершенствованию, Месси не раз был удостоен «Золотого мяча ФИФА» – награды, вручаемой лучшему футболисту прошедшего календарного года.

Кроме того, футболист является послом доброй воли ЮНИСЕФ [15].

В конце 1999 г. журнал «Time» опубликовал список героев и кумиров XX в., состоящий из 100 персон, среди которых был Эрнесто Че Гевара [16]. Латиноамериканский революционер родился в аргентинском городе Росарио, был команданте Кубинской революции 1959 года и кубинским государственным деятелем, чей образ стал символом романтического революционного движения.

Аргентина является лидером среди латиноамериканских стран по количеству нобелевских лауреатов. Аргентинские деятели получали в разное время награды в области физиологии и медицины (Бернардо Альберто Усай, 1947 г., Сезар Мильштейн 1984 г.), премии по химии (Луис Федерико Лелуар, 1970 г.) и премии мира (Карлос Сааведра Ламас, 1936 г.; Адольфо Перес Эскивель 1980 г.).

По данным Всемирного банка Аргентина является одной из ведущих экономик Латинской Америки. На протяжении истории страны экономические показатели Аргентины были неравномерны. В начале XX века она являлась одной из перспективных стран, однако на протяжении многих лет её экономика испытывала противоречия и кризисы. Тем не менее, страна играет важную роль в определении политического курса всего региона, представляя вместе с Мексикой и Бразилией Латинскую Америку в G-20 [17].

Аргентина располагает большим запасом природных ресурсов, а благодаря развитым сельскому хозяйству и животноводству является крупным производителем продуктов питания. Основными статьями аргентинского экспорта являются зерно, соя, мясо и нефть, а импорта – машины и оборудование, топливо, химические вещества и т. д. Кроме того, Аргентина является первым производителем вин в Латинской Америке и пятым в мире [18]. Ежегодно аргентинские виноделы удостоиваются наград в *The Decanter World Wine Awards*, самом крупном и наиболее престижном соревновании производителей вин. Одними из самых крупных аргентинских компаний являются

государственные корпорации *ENARSA* и *YPF*, занимающиеся разработкой месторождений нефти и природного газа, а также их промышленным освоением, транспортировкой и продажей. Обращаясь к параметру *Most admired companies*, стоит отметить, что аргентинские бизнес-компании ни разу не попадали в рейтинг журнала *Fortune* «Global 500», тем самым являясь недостаточно влиятельными на международной арене.

Влияние на общий имидж страны оказывает параметр *Rule of Law*. Данный индекс ежегодно рассчитывается исследовательской командой международной неправительственной организации *The World Justice Project* на основе комбинаций общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса экспертов. В 2015 году Аргентина заняла в этом рейтинге 54 место (из 102), среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна – 7 (из 19), а среди стран с таким же уровнем дохода (в рамках исследования Аргентину отнесли к группе стран с доходом выше среднего) – 17 (из 31). Согласно данным исследования, наибольших успехов страна добилась в защите основных прав (соблюдение равноправия, отсутствие дискриминации, право на жизнь и безопасность, свобода самовыражения и вероисповедания и т. д.). Наиболее уязвимыми оказались следующие показатели: «ограничение полномочий институтов власти», «порядок и безопасность», «соблюдение законов» [19].

Freedom Index определяет уровень свобод в стране, который оказывает влияние на ее глобальную кредитоспособность [1]. Показатель ежегодно рассчитывается газетой *Wall Street Journal* и исследовательским центром *Heritage Foundation* по большинству стран мира. Анализ экономической свободы проводится с 1995 года. Показатель базируется на 10 индексах, измеряемых по шкале от 0 до 100, при этом показатель 100 соответствует максимальной свободе, а 0, соответственно, минимальной. Все страны по этому индексу делятся на следующие группы: свободные – с показателем 80–100; в основном свободные – с показателем 70–79,9; умеренно свободные – с показателем

60–69,9; в основном несвободные – с показателем 50–59,9; деспотичные – с показателем 0–49,9. Согласно исследованию 2015 г. Аргентина входит в деспотичную группу [20]. При этом наблюдается тенденция падения страны в рейтинге: в 2013 г. она занимала 160 место, в 2014 г. – 166, а в 2015 г. – 169.

Индекс *Voter turnout* определяет степень электорального участия граждан в выборах. Эта тема очень актуальна для аргентинской действительности, т.к. в 2015 году в стране прошли президентские выборы. Первый тур выборов состоялся 25 октября 2015 года, явка избирателей составила 81,23%; второй тур состоялся 22 ноября при явке 80,89%. Средний показатель явки избирателей на президентских выборах в Аргентине за последние 20 лет составляет 79,3%, при этом он не опускался ниже 76,2% (2007 г.). Высокая электоральная активность является показателем доверия аргентинцев к существующей власти [1].

Будучи одной из самых богатых стран в Южной Америке, Аргентина долгое время игнорировала экологические обстоятельства при построении экономики. Спрос на энергетические ресурсы стабильно увеличивается с начала 1990-х годов и ожидается, что он будет расти и дальше по мере постепенного улучшения экономической ситуации. Наибольшая доля загрязнения атмосферы в Аргентине приходится на тепловые электростанции и заводы по производству стали и чугуна, а загрязнения от транспорта составляют 33% всех выбросов. Кроме того, в стране наблюдается тенденция отказа от перспективного направления в области использования возобновляемой энергии в пользу сжигания топлива как при выработке электроэнергии, так и в транспортном секторе, что приводит к увеличению выбросов в атмосферу. Тем не менее, Аргентина пытается уменьшить объемы выбросов в атмосферу путем поощрения использования возобновляемой энергии, что положительно сказывается на показателе *CO₂ Emission*. Однако главной экологической бедой страны остается исчезновение лесов. По данным Всемирного фонда дикой природы площадь всех лесов страны сократи-

лась со 105 млн. га в 1914 г. до 28–45 млн. га в 2014 [21]. Причина этому – расширение сельскохозяйственного производства соевых бобов и мяса, которые являются главными статьями экспорта.

Положительной чертой, продвигающей имидж страны, является поддержка иммигрантов, поскольку это способствует созданию торговых связей. Так, статья 25 Конституции Аргентины от 1853 года гласит: «Правительство будет поддерживать иммигрантов из Европы, не будет ограничивать, запрещать или обременять налогами иностранцев, которые прибывают в Аргентину с целью работать на земле, улучшать промышленность и обучать наукам и искусствам». Большинство иммигрантов, начиная с XIX века, прибывало в страну из Европы, в особенности из Италии и Испании. В настоящее время помимо постоянного потока иммигрантов из соседних стран Аргентина принимает большое количество людей из стран Азии (Северная и Южная Корея, Китай и Вьетнам). В апреле 2006 правительство приступило к реализации программы *Patria Grande*, чтобы упорядочить ситуацию с незарегистрированными мигрантами. Проект пытается упростить бюрократический процесс получения документов и вида на жительство. Несмотря на политику открытых дверей для мигрантов из Европы миграционное сальдо (разница между численностью эмигрантов и иммигрантов) остается нейтральным. В целом в южноамериканском регионе наблюдается тенденция повышения количества эмигрантов (за исключением Чили, Аргентины и Венесуэлы) [22].

Высокие показатели «мягкой силы» обеспечивает развитость туристической индустрии. По данным Мировой организации туризма Аргентина – самая посещаемая страна в Южной Америке и вторая в Латинской Америке после Мексики. Основной туристический поток направлен из соседних южноамериканских стран и Европы. Аргентина привлекает туристов обилием природных красот, своими традициями, чему также способствует развитость туристической инфраструктуры.

Страна обладает огромной территорией, простирающейся от вершин Анд на западе до атлантических пляжей на востоке; от тропиков на севере до ледников, озёр и холодных лесов на юге, доходя до побережья Антарктиды. Столица Буэнос-Айрес считается «Парижем Южного полушария», благодаря своей старинной архитектуре и культурной деятельности. В последние годы возникают маршруты, посвящённые знаменитым личностям (Эве Перон, Хорхе Луис Борхесу). Развитую туристическую инфраструктуру и множество маршрутов имеют Водопады Игуасу, расположенные на северо-востоке страны на границе с Бразилией, В 2011 году по результатам всемирного конкурса водопады Игуасу были признаны одним из семи природных чудес мира. Кроме того, в Аргентине находится самый южный город в мире – Ушуая, находящийся в провинции Огненная Земля, привлекающий туристов ощущением местопребывания в буквальном смысле на краю света.

Укрепляет soft power страны и привлечение в аргентинские вузы иностранных студентов. По данным ЮНЕСКО образование Аргентины является одним из самых передовых в Латинской Америке. Уровень грамотности в Аргентине составляет 97%. Примерно 90 тыс. иностранных студентов приезжают в Аргентину каждый год. Их привлекает высокое качество образования, небольшие расходы на проживание и возможность практиковать испанский язык. Самый знаменитый вуз страны – Университет Буэнос-Айреса, основанный 12 августа 1821 года. Как все остальные национальные аргентинские университеты, он финансово зависит от государства, тем не менее, он считается независимым, автономным, светским и бесплатным (в том числе и для иностранцев). Согласно World University Rankings (2015/16) университет занимает 124 место в мире по общим показателям и 29 место по востребованности выпускников вуза на мировом рынке труда [23].

Показатель распространённости английского языка как одного из инструментов международной интеграции также оказывает

важным ресурсом soft power. В Аргентине английский язык – рекомендованный предмет во многих аргентинских школах, также много частных образовательных центров, предлагающих изучение английского. Молодежь приобщается к языку посредством фильмов и Интернета, часто знания языка требуются для поступления на работу, поэтому многие подростки и дети говорят, читают и/или понимают язык на разных уровнях сложности. Согласно официальному исследованию, проведённому в 2006 году, 42,3% аргентинцев утверждают, что могут немного говорить на английском. Из них только 15,4% (то есть примерно 2,75% от населения страны) заявляют, что имеют высокий уровень владения языком.

Аргентина – страна самобытной культуры, в которой смешиваются традиции Старого и Нового Света. Используя свои ресурсы и опираясь на опыт других стран, страна имеет возможность создать уникальную южноамериканскую модель soft power, успешную не только в рамках региона, но и на международной арене.

1. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 49–52.

2. Soft Power Survey 2014 [Electronic resource] / The official website of Monocle Magazine <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2014-15/>.

3. Soft Power Survey 2015 [Electronic resource] / The official website of Monocle Magazine <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2015-16/>.

4. Decision of the Intergovernmental Committee: 4.COM 13.01 [Electronic resource] / The official website of UNESCO <http://www.unesco.org/culture/ich/en/decisions/4.COM/13.01>.

5. В 2012 году испанский язык занял второе место в мире по распространённости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130115/204651649.html>.

6. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 116.

7. FIFA World Ranking / Men's Ranking [Electronic resource] / The official website of FIFA <http://www.fifa.com/fifa-world-ranking/ranking-table/men/index.html>.

8. FIH Women's World Ranking [Electronic resource] / The official website of FIH <http://www.fih.ch/rankings/outdoor/>.

9. April Xiaoyi Xu 'Evita': Femininity, Branding, and Soft Power [Electronic resource] / http://www.huffingtonpost.co.uk/april-xiaoyi-xu/evita-femininity-branding_b_6498456.html.

10. Самые влиятельные женщины мира – 2014: рей-

тинг Forbes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.forbes.ru/article.php?id=258699>.

11. Argentina's new Evita Peron tangoes her way to power [Electronic resource] / http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/article73915.ece.

12. Pope Francis, The People's Pope [Electronic resource] / <http://poy.time.com/2013/12/11/person-of-the-year-pope-francis-the-peoples-pope/>.

13. Самые влиятельные люди мира – 2015: рейтинг Forbes ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/rating-photogallery/304835-samyevliyatelnye-lyudi-mira-2015-reiting-forbes/photo/1>.

14. Кудинов Г. У футбола теперь двуглавый король // Спорт Экспресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sport-express.ru/newspaper/2000-12-13/1_4/.

15. Director-General congratulates SDG Advocates [Electronic resource] / The official website of UNESCO http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/director_general_congratulates_sdg_advocates/#.VqNH008pdLM.

16. People of the Century [Electronic resource] / <http://content.time.com/time/specials/packages/0,28757,2020772,00.html>.

17. Argentina Overview / The official website of World Bank [Electronic resource] / <http://www.worldbank.org/en/country/argentina/overview>.

18. H. Johnson & J. Robinson The World Atlas of Wine. – Mitchell Beazley Publishing, 2005. P. 300–301.

19. WJP Rule of Law Index 2015 [Electronic resource] / <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>.

20. 2015 Index of Economic Freedom [Electronic resource] / <http://www.webcitation.org/6WT3QEfMg>.

21. Environmental problems in Argentina [Electronic resource] / The official website of WWF http://wwf.panda.org/who_we_are/wwf_offices/argentina/environmental_problems_argentina/#1.

22. Net migration rate [Electronic resource] / <http://www.indexmundi.com/g/r.aspx?v=27>.

23. QS World University Rankings 2015/16 [Electronic resource] / [http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region="+country=350+faculty="+stars=false+search="](http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=).

1. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 49–52.

2. Soft Power Survey 2014 [Electronic resource] / The official website of Monocle Magazine <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2014-15/>.

3. Soft Power Survey 2015 [Electronic resource] / The official website of Monocle Magazine <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2015-16/>.

4. Decision of the Intergovernmental Committee: 4.COM 13.01 [Electronic resource] / The official website of UNESCO <http://www.unesco.org/culture/ich/en/decisions/4.COM/13.01>.

5. V 2012 godu ispanskij yazyk zanyal vtoroe mesto v mire po rasprostranennosti [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://inosmi.ru/world/20130115/204651649.html>.

6. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 116.

7. FIFA World Ranking / Men's Ranking [Electronic

resource] / The official website of FIFA <http://www.fifa.com/fifa-world-ranking/ranking-table/men/index.html>.

8. FIH Women's World Ranking [Electronic resource] / The official website of FIH <http://www.fih.ch/rankings/outdoor/>.

9. April Xiaoyi Xu 'Evita': Femininity, Branding, and Soft Power [Electronic resource] / http://www.huffingtonpost.co.uk/april-xiaoyi-xu/evita-femininity-branding_b_6498456.html.

10. Samye vliyatel'nye zhenshiny mira – 2014: rejting Forbes [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://m.forbes.ru/article.php?id=258699>.

11. Argentina's new Evita Peron tangoes her way to power [Electronic resource] / http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/article73915.ece.

12. Pope Francis, The People's Pope [Electronic resource] / <http://poy.time.com/2013/12/11/person-of-the-year-pope-francis-the-peoples-pope/>.

13. Samye vliyatel'nye lyudi mira – 2015: rejting Forbes resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.forbes.ru/rating-photogallery/304835-samyevliyatelnye-lyudi-mira-2015-reiting-forbes/photo/1>.

14. Kudinov G. U futbola teper' dvuglavyy korol' // Sport E'kspress [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.sport-express.ru/newspaper/2000-12-13/1_4/.

15. Director-General congratulates SDG Advocates [Electronic resource] / The official website of UNESCO http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/director_general_congratulates_sdg_advocates/#.VqNH008pdLM.

16. People of the Century [Electronic resource] / <http://content.time.com/time/specials/packages/0,28757,2020772,00.html>.

17. Argentina Overview/ The official website of World Bank [Electronic resource] / <http://www.worldbank.org/en/country/argentina/overview>.

18. H. Johnson & J. Robinson The World Atlas of Wine. – Mitchell Beazley Publishing, 2005. P. 300–301.

19. WJP Rule of Law Index 2015 [Electronic resource] / <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>.

20. 2015 Index of Economic Freedom [Electronic resource] / <http://www.webcitation.org/6WT3QEfMg>.

21. Environmental problems in Argentina [Electronic resource] / The official website of WWF http://wwf.panda.org/who_we_are/wwf_offices/argentina/environmental_problems_argentina/#1.

22. Net migration rate [Electronic resource] / <http://www.indexmundi.com/g/r.aspx?v=27>.

23. QS World University Rankings 2015/16 [Electronic resource] / [http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region="+country=350+faculty="+stars=false+search="](http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=).

UDC 32.001

ARGENTINA'S SOFT POWER RATING ON THE BASE OF RGMS

Khabotina Daria Vladimirovna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Institute of Humanities and Arts,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: habotina.tanya@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to Argentina's soft power tools, which are measured by RGMS system. Data show developed, promising and problem areas of South American country's soft power.

Key words:

soft power, Argentina, Index RGMS, image of country.

МЯГКАЯ СИЛА ВЕНЕСУЭЛЫ

Марьянова Анастасия Александровна,

Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
департамент искусствоведения и культурологии,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: nastmar08@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции использования мягкой силы в политических стратегиях Венесуэлы. Анализируются основные каналы использования «мягкой силы»: медиа экспорт, индекс свободы, участие в Олимпийских играх, туризм и др. Большое внимание уделяется политике Уго Чавеса, с которого началось активное использование «мягкой силы». Обозначены основные характерные особенности модели «мягкой силы» Венесуэлы.

Ключевые слова:

Венесуэла, мягкая сила, Уго Чавес, АЛБА, дипломатия, политика, политические стратегии, оппозиция США.

Использование мягкой силы во внешней политике – важный инструмент современных политических стратегий. На сегодняшний день ими активно пользуются не только сверхдержавы, которые имеют важное политическое, экономическое и социально-культурное значение на мировой арене, но к гуманитарной дипломатии прибегают и развивающиеся государства. Одним из таких можно назвать Венесуэлу.

Расцвет мягкой силы в политике Венесуэлы пришелся на правление Уго Чавеса. Он строго следовал принципам соблюдения международного права и Устава ООН. Несмотря на это, он вел активную критику Белого Дома, в частности, его Вашингтонского проекта (создание общеамериканской зоны торговли на Западном полушарии). Чавес открыто противостоял всяким вмешательствам США в его страну.

Важным каналом мягкой силы Венесуэлы являются социально-культурные институты, такие как профсоюзы (студенческие, гендерные),

этнические организации. Они активно участвуют в политической жизни страны.

Media Export

По материалам российского портала «КиноПоиск» в период с 2000 по 2015 год в Венесуэле было снято 320 картин, включая полнометражные и короткометражные фильмы, сериалы и мультипликацию. Оценивая динамику кинопроизводства, можно отметить положительную тенденцию с 2013 года (см. рисунок 1).

Говоря о медиа экспорте, нельзя не упомянуть успех венесуэльского режиссера Лоренцо Вигаса: в сентябре 2015 года его фильм «Издалека» получил главную награду Венецианского кинофестиваля. Сюжет повествует о богатом мужчине, который платит беспризорным молодым парням за близкое общение с ними. Его главное правило «смотреть, но не трогать». К теме гомосексуализма в Венесуэле относятся осторожно: политики и другие ме-

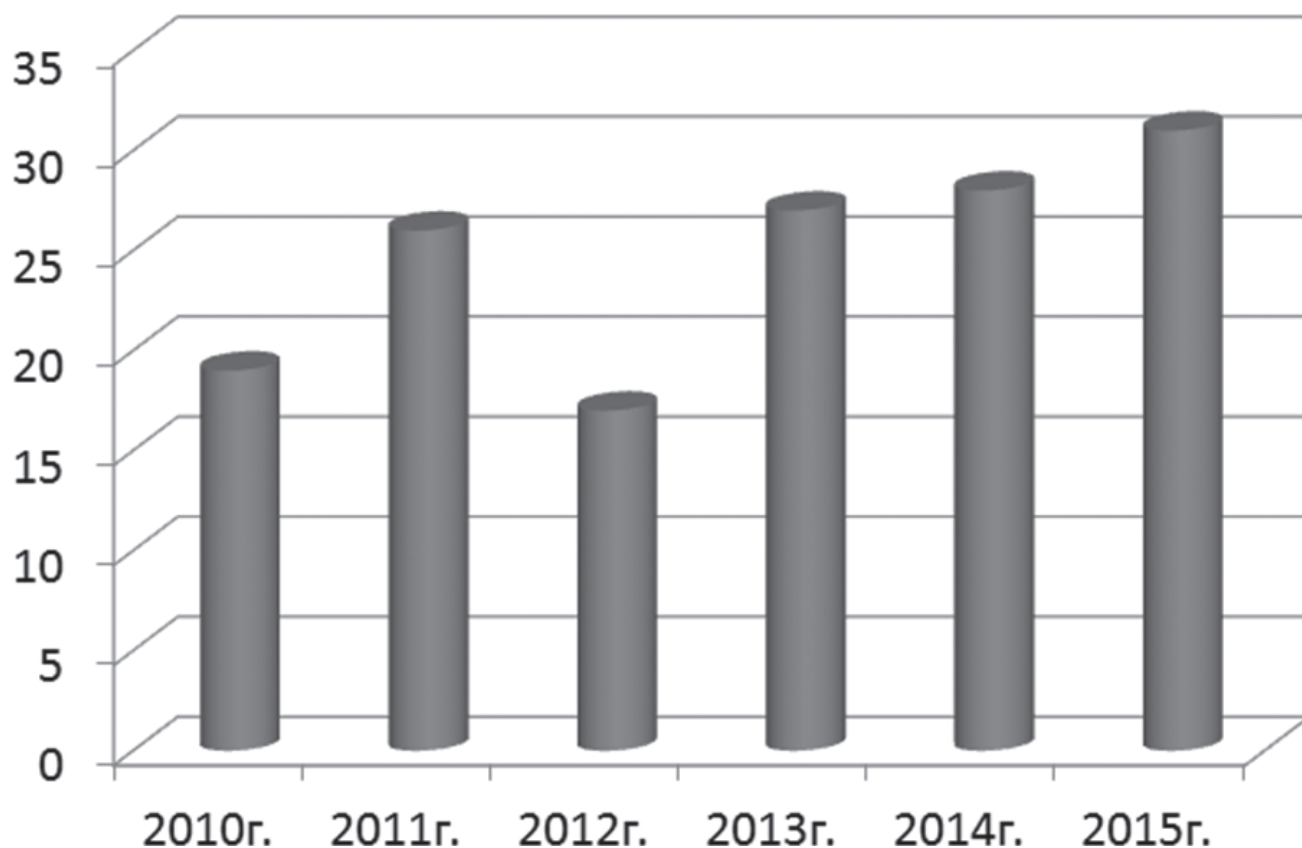

Рисунок 1 – Динамика кинопроизводства.

дйные личности стараются избегать этой темы в своих публичных выступлениях. В прессе эта тема не пользуется популярностью.

Большой процент картин, снятых в Венесуэле, занимают телесериалы. Так, высокие зрительские рейтинги на международном уровне имеют сериалы «Жена Иуды», «В любом случае, Роза», «Презрение» (Рейтинг **IMDb**).

Профессионально и системно ведется деятельность венесуэльских средств массовой информации, направленная на создание положительного образа Венесуэлы. Так, одним из важных событий, которое было политически выгодно представлено, – боливарианский проект. С его помощью Венесуэла пытается найти единомышленников как в Европе, так и в странах Востока.

Language enrollment

Официальный язык Венесуэлы – испанский. Обладая диалектическими особенностями, испанский язык также имеет название – кастильский.

В бизнесе существует негласное правило: все деловые письма, направленные партнерам из Венесуэлы, необходимо писать на двух языках: английском и испанском.

Olympics

Венесуэла ни разу не становилась страной-площадкой для Олимпийских игр. Тем не менее, в 1935 г. был создан и признан МОК Олимпийский комитет Венесуэлы (*Comite Olimpico Venezolano*). Спортсмены Венесуэлы являются участниками Олимпийских игр, начиная с 1948 г. Приоритетными видами спорта являются: баскетбол, бокс, борьба, велоспорт, дзюдо, кунфу и парусный спорт, легкая и тяжелая атлетика, плавание, синхронное плавание, прыжки в воду, стрельба, теннис настольный, фехтование, футбол.

Первым спортсменом, завоевавшим бронзовую медаль в 1952 г. в тройном прыжке, стал легкоатлет Арнольдо Девониш. В 1968 г. первым олимпийским чемпионом среди спортсменов Венесуэлы стал боксер 1-го наилегчайшего

веса Франсиско Родригес. Пять из 12 медалей венесуэльцы выиграли в боксе, но в последний раз венесуэльский боксёр уезжал с Олимпиады с медалью в 1984 году (см. рисунок 2) [4].

Другая венесуэльская знаменитость – Эва Эквалл – телеведущая, модель, писательница. В 2000 г. получила титул «Мисс Венесуэла 2000». В 2010 г. у Эвы диагностировали рак.

Медаль	Спортсмен	Олимпийские игры	Вид	Дисциплины
3 Бронза	Арнольдо Девониш	 Хельсинки, 1952	 Лёгкая атлетика	Тройной прыжок, Мужчины
3 Бронза	Энрико Форселья	 Рим, 1960	 Стрельба	Стрельба из винтовки лежа, 50 м, Мужчины
1 Золото	Франсиско Родригес	 Мехико, 1968	 Бокс	Наилегчайший вес, Мужчины
2 Серебро	Педро Гамарро	 Монреаль, 1976	 Бокс	Второй полусредний вес, Мужчины
2 Серебро	Бернардо Пиньянго	 Москва, 1980	 Бокс	Легкий вес, Мужчины
3 Бронза	Марселино Боливар	 Лос-Анджелес, 1984	 Бокс	Наилегчайший вес, Мужчины
3 Бронза	Омар Катари	 Лос-Анджелес, 1984	 Бокс	Полулегкий вес, Мужчины
3 Бронза	Рафаэль Видаль	 Лос-Анджелес, 1984	 Плавание	200 м, баттерфляй, Мужчины
3 Бронза	Адриана Кармона	 Афины, 2004	 Тхэквондо	Женщины до 67 кг
3 Бронза	Исразль Хосе Рубио	 Афины, 2004	 Тяжёлая атлетика	Мужчины до 62 кг
3 Бронза	Далия Контрерас	 Пекин, 2008	 Тхэквондо	Женщины до 48 кг
1 Золото	Рубен Лимардо	 Лондон, 2012	 Фехтование	Шпага, мужчины

Рисунок 2 – Венесуэльские спортсмены – победители олимпийских игр.

Power of Icons

Среди мировых знаменитостей Венесуэлы – Леон Круаза – ученый в естественной области, основатель Ботанического сада при Центральном университете Венесуэлы в Каракасе. С 1947 года работал на агрономическом факультете Центрального университета Венесуэлы.

Самый знаменитый венесуэлец – Уго Чавес – президент Венесуэлы с 1999 года вплоть до своей смерти в 2013 году. Известен своими громкими политическими решениями: продажа нефти на Кубу, противостояние остановки незаконного оборота наркотиков в Колумбии. Свою присягу Чавес начал со слов «Клянусь, этой умирающей Конституцией...». Европейские и американские СМИ обвиняли его в чрезмерной диктатуре, многие венесуэльцы видели в нем человека, который изменил их жизнь к лучшему. Уго Чавеса называют одним из самых необычных политиков за всю всемирную историю. Его природная харизма и ораторский талант способствовали распространению мягкой силы в политических стратегиях Венесуэлы.

Она мужественно боролась с болезнью и помогала другим больным. Известны ее две фото-сессии, где она была запечатлена после химиотерапии со всеми вытекающими последствиями. В 2010 году Эва написала автобиографичную книгу «Не в фокусе» и стала символом неугасающего мужества в борьбе с раком.

Нужно сказать, что участие венесуэльских представительниц индустрии красоты во всякого рода конкурсах на международном уровне – это еще одно проявление мягкой силы. Конкурсы красоты в Венесуэле проводятся повсеместно. К их организации на разных уровнях, местных и государственных, подходят очень профессионально. Данные мероприятия пользуются огромной популярностью у жителей Венесуэлы.

Most admired companies

Самой крупной производственной компанией Венесуэлы является нефтяная компания *Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima*, известная как PDVSA. Часто, прибегая к сарказму, ее называли «личной копилкой президента Уго Чавеса». Связано это, в первую очередь, с его

решением финансировать важные социальные проекты капиталом PDVSA. Добыча компании с 1998 года упала на 25%. В настоящее время PDVSA занимает 22 место в рейтинге из 25 крупнейших нефте- и газодобывающих компаний мира [5].

Главным инструментом реализации мягкой силы Каракаса и ее боливарианского проекта является торгово-экономическая интеграция стран АЛБА, основанная на соглашениях о либерализации региональной торговли, разработке общих отраслевых проектов и создания так называемых крупных межнациональных компаний (*empresas gran nacionales*, EGN) [6].

University ranking

Высшее образование абитуриенты могут получить в более чем 85-ти высших учебных заведениях, в которых обучается 7 миллионов студентов. Образование в этой стране является бесплатным. Более 70% населения Венесуэлы принадлежат к низкообеспеченной прослойке общества. Именно поэтому с целью доступности высшего образования государство в 2003 году создало Боливарианскую университетскую систему.

Одним из самых популярных университетов страны считается Университет Боливарианской Венесуэлы. Он был основан в 2003 году в рамках социальной программы по приказу президента Уго Чавеса. Основная цель программы – предоставить возможность получить абитуриентам из бедных слоев общества бесплатное высшее образование. В этом университете предлагаются следующие курсы для изучения: *Arquitectura* (архитектура), *Gestion Ambiental* (природопользование), *Agroecología* (агроэкология), *Estudios Jurídicos* (закон), *Animación* (анимация), *Educación* (образование), *Comunicación Social* (социальные коммуникации) и др.

Главный публичный университет Венесуэлы расположен в её столице Каракасе. Основанный в 1721 году, он является первым университетом в Венесуэле. В рейтинге лучших университетов мира (QS WORLD UNIVERSITY RANKINGS) 2014 находится на позиции 551–600.

Второй старейший университет Венесуэлы – крупнейший государственный университет венесуэльских Анд. Основные кампусы университета расположены в городе Мерида. В рейтинге лучших университетов мира (QS WORLD UNIVERSITY RANKINGS) 2014 его место +701 [14].

Миграция

Поток иммигрирующих в Венесуэлу ещё совсем недавно был просто огромен по своим масштабам, так как правительство этой страны старалось привлечь как можно больше квалифицированной и не очень рабочей силы в нефтегазовую промышленность государства. По некоторым данным число иммигрантов, проживающих на сегодняшний день в Венесуэле, достигает восьми миллионов человек. Сейчас поток несколько ослаб, но всё же очень многие граждане соседних государств, в которых имеются проблемы с трудоустройством, стараются всеми правдами и неправдами попасть в эту страну, чтобы устроиться на хорошо оплачиваемую работу.

Правительство Венесуэлы предлагает несколько иммиграционных программ:

- брак с гражданином Венесуэлы или лицом, имеющим постоянное место жительства;
- легальное трудоустройство;
- открытие собственного бизнеса;
- государственная инвестиционная программа;
- иммиграционная программа для выдающихся личностей.

Иммигранты приезжают в основном из Эквадора, Перу, Италии, Португалии, Испании. Несмотря на то, что уровень бедности в стране достаточно велик (31%), относительно высокая заработная плата привлекает иммигрантов, численность которых составляет примерно 2,5 миллиона человек (это легальные иммигранты, преступных в 10-ки раз больше) (см. рисунок 3) [7].

Freedom Index

Индекс экономической свободы в Венесуэле отмечен отрицательными тенденциями (см. рисунок 4) [8]. Причины этому автор

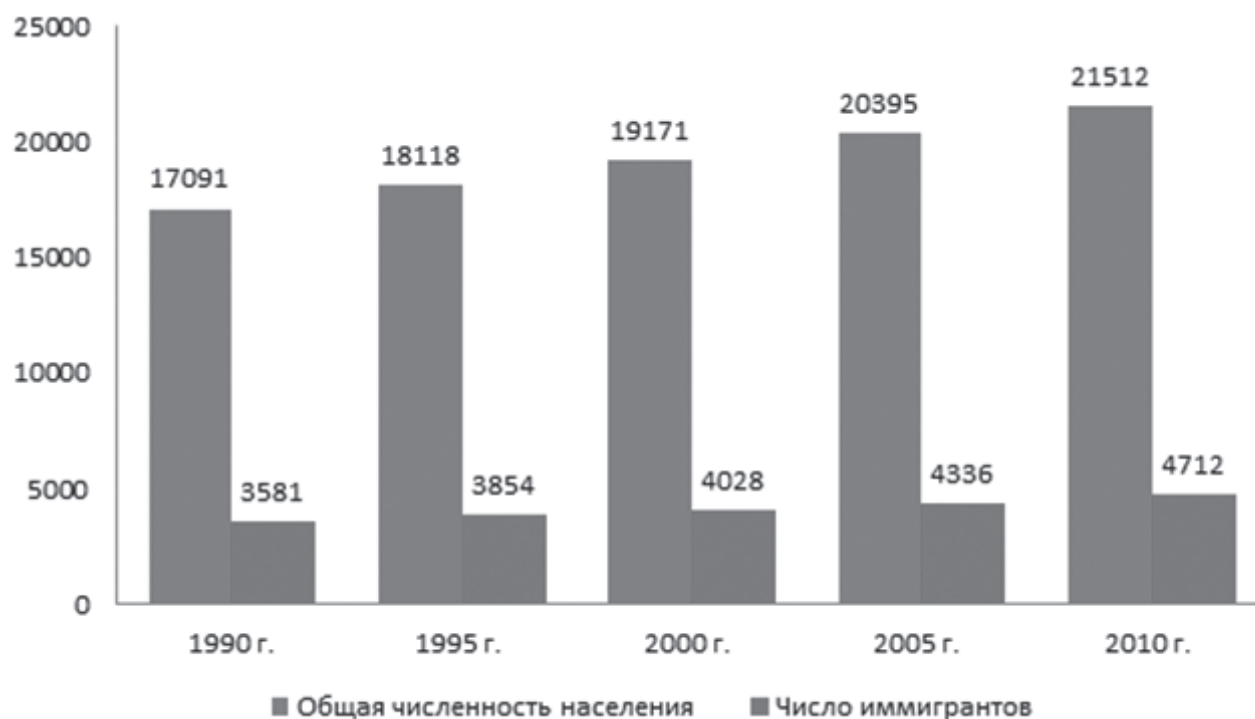

Рисунок 3 – Численность населения и число иммигрантов (значения указаны в тыс. человек).

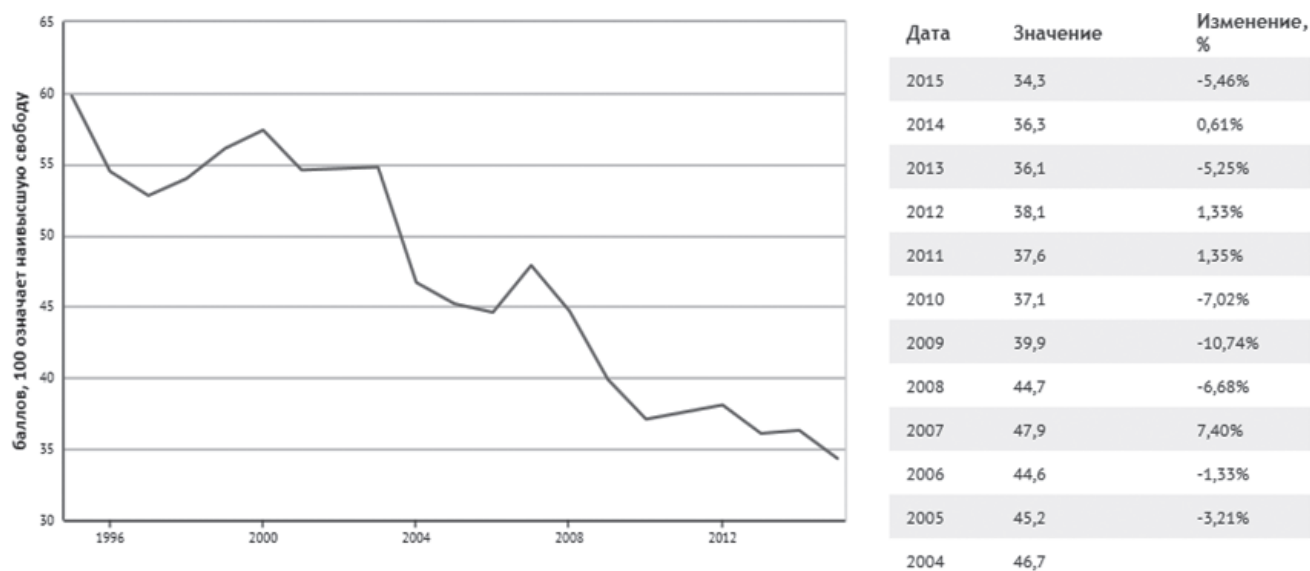

Рисунок 4 – Индекс экономической свободы.

видит в политической нестабильности, падении спроса на нефть, а также в образовавшемся в 2014 году дефолте с долгом в почти 5 млрд. долларов.

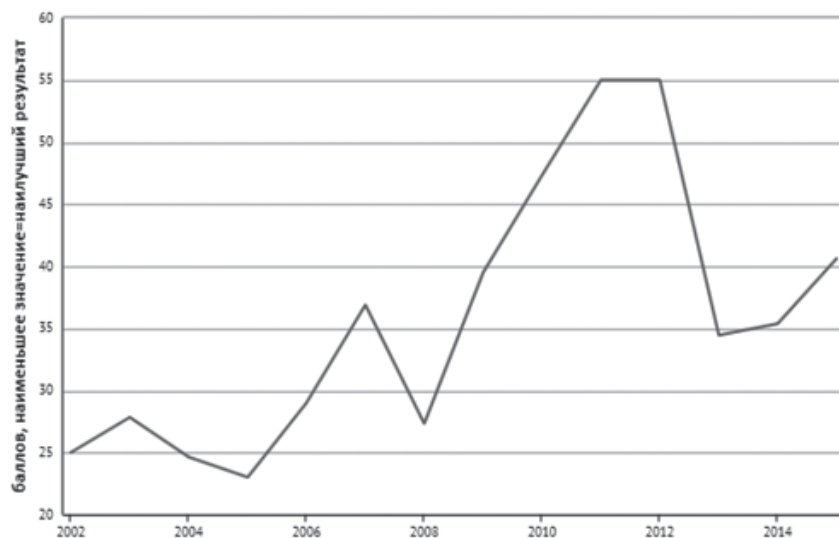
Индекс свободы прессы (см. рисунок 5) [9].

Индекс развития демократии (см. рисунок 6) [10].

Гражданские права (см. рисунок 7) [11].

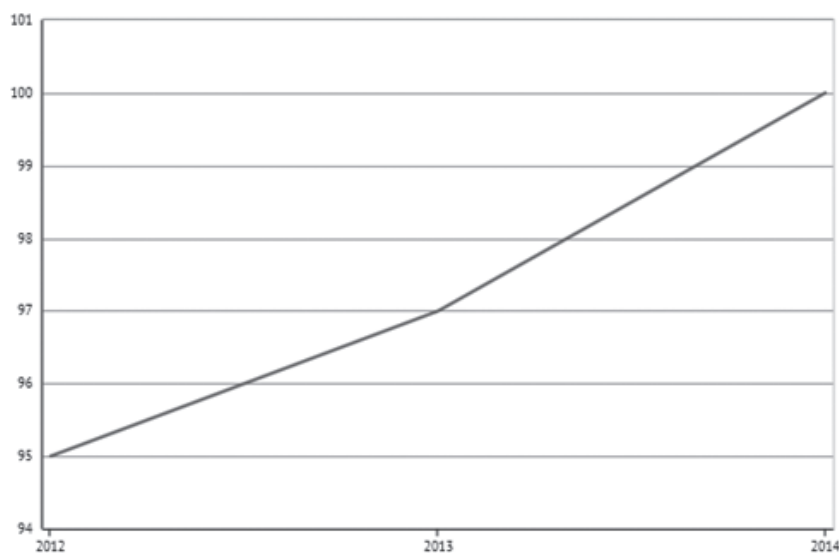
English fluency

Общие тенденции: Английский язык – иностранный язык, который пользуется большой популярностью. На нем говорят много ученых, профессионалов, представителей среднего и высокого социальных классов. В Каракасе есть газета, которая выпускается на английском языке – «The Daily», основанная в 1946.

Дата	Значение	Изменение, %
2015	40,6	14,81%
2014	35,4	2,70%
2013	34,4	-37,38%
2012	55,0	0,00%
2011	55,0	16,21%
2010	47,3	19,82%
2009	39,5	44,53%
2008	27,3	-25,89%
2007	36,9	27,17%
2006	29,0	26,09%
2005	23,0	-6,62%
2004	24,6	

Рисунок 5 – Индекс свободы прессы в 2015 (40,6 баллов, наименьшее значение = наилучший результат).

Дата	Значение	Изменение, %
2014	100	3,09%
2013	97	2,11%
2012	95	

Рисунок 6 – Индекс развития демократии в 2014 (рейтинг 100 = полная демократия).

Широкое использование английского языка связано частично с присутствием нефтяных компаний из англо-говорящих стран (особенно из Соединенных Штатов).

Английский язык преподается как обязательный предмет в средней школе и в *bachillerato* в течение пяти лет.

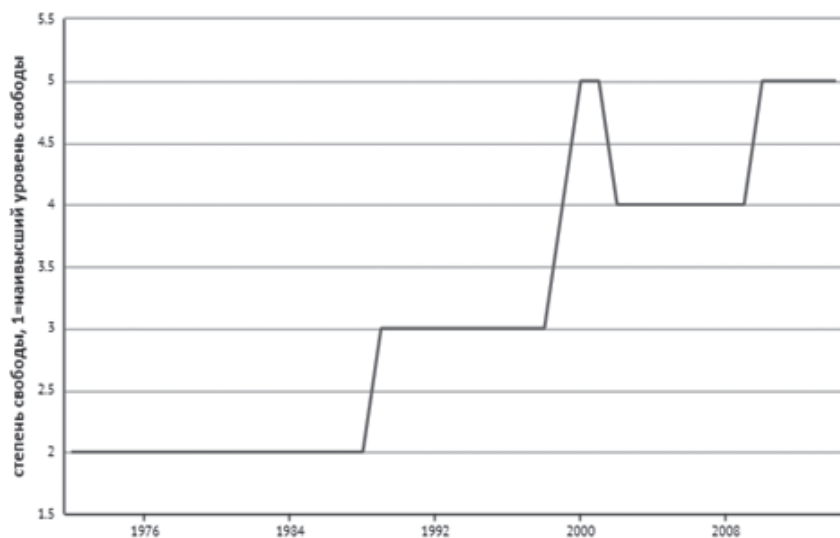
Tourism

По международным туристским прибытиям в 2014 г. (774 тыс. человек) Венесуэла заняла последнее 18 место в Американском макрорегионе, а доля туристского рынка страны составила всего лишь 0,6%. По срав-

нению с 2013 г. наблюдается отрицательный рост числа прибытий в Венесуэлу на 3,5%. Доходы от туризма в Венесуэле за 2014 г. составили 895 млн. долл. США (16 место в макрорегионе). В динамике доходов от туризма в Венесуэле за период 20013–2015 гг. наблюдается стабильный рост [12].

Изучая отзывы туристов на ведущих порталах, посвященных теме туризма, можно составить рейтинг самых популярных и привлекательных туристических объектов Венесуэлы:

Лагуна Канайма – «место, которое точно следует посетить» – пишут все туристы.

Дата	Значение	Изменение, %
2014	5,0	0,00%
2013	5,0	0,00%
2012	5,0	0,00%
2011	5,0	0,00%
2010	5,0	25,00%
2009	4,0	0,00%
2008	4,0	0,00%
2007	4,0	0,00%
2006	4,0	0,00%
2005	4,0	0,00%
2004	4,0	0,00%
2003	4,0	

Рисунок 7 – Гражданские права в 2014 (5,0 степень свободы, 1 = наивысший уровень свободы).

Основная причина этому – самый высокий водопад в мире – Анхель.

Каракас – столица Венесуэлы. Пользуется популярностью благодаря своей культурной колоритности.

Остров Маргарита – лучший пляжный отдых с самыми невероятными видами Карибского моря.

Архипелаг Лос-Рокес славится у любителей дайвинга и активных видов спорта.

Развитие туризма сдерживают негативные тенденции: социально-экономические внутренние проблемы, высокий уровень преступности. Но, стоит отметить, что в последние годы доходы от туризма постепенно возрастают. Тем не менее, туризм в стране развивается медленными темпами.

Перечисленные измерительные параметры мягкой силы Венесуэлы, безусловно, являются важной составляющей традиционной дипломатии. Это позволяет добиться важных политических позиций на мировой арене, обратить на себя внимание единомышленников (как, например, ЛАКБ). Тем не менее, мягкая сила Венесуэлы имеет ряд недостатков. Так, наблюдаются явные признаки идеологического и информационного противостояния сторонников У. Чавеса политикам из США. Поиск единомышленников осуществляется точно и направлен на узкий круг государств. В экономическом плане государство очень за-

висит от нефтяных дивидендов и основную ставку делает именно на нефтяной бизнес.

Вместе с тем, следует отметить, что на сегодняшний день мягкая сила как инструмент внешней политики Венесуэлы выступает доминирующим стратегическим курсом. Имея свои характерные особенности, мягкая сила Венесуэлы совершенно не похожа на модели мягкой силы Европы, России, и тем более США. Некоторые современные политологи оценивают мягкую силу Венесуэлы как достаточно примитивную. Несмотря на это, ей пророчат бурное развитие, укрепление и приобретение особой боливарианской модели в ближайшее десятилетие.

1. Виноградова Е.А. Общественная дипломатия стран АЛБА в сирийском кризисе // Геополитический журнал. 2014. № 5. С. 65–70.

2. Гайдукевич, Л.М., Хомич, С.А., Клицунова, В.А. География международного туризма. Зарубежные страны: Учеб. пособие. – Мн.: Аверсэв, 2003. – 304 с.

3. Дабагян Э.С. Внешняя политика Венесуэлы в начале XXI века: основные направления // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 95–123.

4. Портал Sports-reference.com: <http://www.sports-reference.com/>.

5. Forbes.com.: <http://www.forbes.com/>.

6. Grannationals // ALBA-TCP [Official Site]: <http://alba-tcp.org/en/contenido/grannational>.

7. Migrants.in: <http://migrants.in/>.

8. Index of economic freedom, 2015: <http://www.heritage.org/index/book/20thannchapter>.

9. World Press Freedom Index, 2015: <https://index.rsf>.

org/.

10. Источник: Democracy Index, 2014: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy0115.

11. Freedom in the World – Comparative and Historical Data, January 2015: <https://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2015>.

12. Интернет-сайт ЮНВТО: <http://www2.unwto.org/ru>.

13. Education Statistics (World Bank), September 2015.

otnosheniya i mirovaya politika. 2012. № 1. S. 95–123.

4. Portal Sports-reference.com: <http://www.sports-reference.com/>.

5. Forbes.com.: <http://www.forbes.com/>.

6. Grannationals // ALBA-TCP [Official Site]: <http://alba-tcp.org/en/contenido/grannational>.

7. Migrants.in: <http://migrants.in/>.

8. Index of economic freedom, 2015: <http://www.heritage.org/index/book/20thannchapter>.

9. World Press Freedom Index, 2015: <https://index.rsf.org/>.

10. Источник: Democracy Index, 2014: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy0115.

11. Freedom in the World – Comparative and Historical Data, January 2015: <https://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2015>.

12. Интернет-сайт ЮНВТО: <http://www2.unwto.org/ru>.

13. Education Statistics (World Bank), September 2015.

1. Vinogradova E.A. Obshhestvennaya diplomatiya stran ALBA v sirijskom krizise // Geopoliticheskij zhurnal. 2014. № 5. S. 65–70.

2. Gajdukevich, L.M., Xomich, S.A., Klicunova, V.A. Geografiya mezhdunarodnogo turizma. Zarubezhnye strany: Ucheb. posobie. – Mn.: Averse'v, 2003. – 304 s.

3. Dabagyan E'.S. Vneshnyaya politika Venesue'ly v nachale XXI veka: osnovnyenapravleniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye

UDC 32.001

SOFT POWER OF VENEZUELA

Maryanova Anastasiya Alexandrovna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
department of art study and culturology,
master,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: nastmar08@mail.ru

Annotation

The article examines the main trends in the use of soft power in the political strategies of Venezuela. Analyzes the main channels of the use of soft power: media exports, the index of freedom, participation in the Olympics, tourism and others. A lot of attention is paid to the policy of Hugo Chavez, which began with the active use of soft power. It outlined the main characteristics of the model of soft power of Venezuela.

Key words:

Venezuela, soft power, Hugo Chavez, ALBA, diplomacy, politics, political strategy, the US opposition.

SOFT POWER КОЛУМБИИ**Царёва Ольга Евгеньевна,**

Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: tsarevaolgafb@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются показатели «мягкой силы» Колумбии согласно подходу RGMs. Руководствуясь статистическими данными, автор анализирует сильные и слабые стороны в сложившихся условиях политической турбулентности.

Ключевые слова:

soft power, Колумбия, Латинская Америка, индекс RGMs.

Последние 15 лет рычаги влияния государств друг на друга становятся все более разнообразными и изобретательными. Наряду с традиционными вооруженными конфликтами все больше развиваются стратегии и технологии гибридных войн, экономических санкций, информационных ограничений, а также применения ресурсов так называемой мягкой силы.

С учетом определенных параметров выстраиваются международные рейтинги мягкой силы, в рамках измерительно-инструментального подхода получила свое развитие концепция количественного исследования – soft power index, базирующаяся на комплексном анализе различных видов рейтингов, при оценке конкретных мощностей отдельных стран [8].

В данной статье мы рассмотрим soft power Колумбии через призму показателей, предложенных британским ученым Дж. Мак Лори.

Media Export

Назвать Колумбию ярчайшим и успешным представителем в медиа экспорте, к со-

жалению, не представляется возможным, однако, Колумбия ежегодно проводит два крупнейших международных кинофестивалей: Кинофестиваль Картахены, проводимый каждый год с 1960 года, представляя латиноамериканские и испанские кинофильмы; кинофестиваль в Боготе (BOGOTA FILM FESTIVAL), проводимый с 1984 года, имеющий аккредитацию Международной федерации ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF). За 2015 год Колумбия выпустила около 100 фильмов, включая документальные фильмы, короткометражное кино, анимацию и т. д. Фильм «Объятия Змея» номинирован на премию «Оскар» 2016 г. Наиболее успешными являются телесериалы с любовными или криминальными историями: «Черная вдова» (2014 г.), «Шторм» (2005 г.), «Сознание» (2009 г.), и др.

Традиционная музыка Колумбии отражает своеобразие национального состава страны. Колумбию называют «землей тысячи ритмов». На Тихоокеанском побережье и в центральных горных районах преобладает креольская музыка с типично испанскими чертами; во внутренних

областях и в восточной части сохраняется индейская музыкальная культура; музыкальный фольклор карибского побережья испытал влияние негритянской музыки [11]. Ярчайшим представителем поп-культуры является Шакира, ее песни и знаменитые танцевальные движения знают во многих странах мира. Согласно данным Sony, Шакира – самая продаваемая колумбийская артистка во все времена, с продажами от 50 до 60 миллионов альбомов [6]. В 2011 году Шакира удостоилась чести получить премию Latin Grammy в категории «Персона Года 2011 года» [7]. Кроме того, певица получила звезду на Голливудской «Аллее славы» и была удостоена Ордена искусств и литературы в 2012 году. Шакира является единственной артисткой из Южной Америки, которая заняла первое место в U.S. Billboard Hot 100, Australian ARIA и UK Singles Chart.

Одним из влиятельных инструментов soft power Колумбии является ее литература. Литература Колумбии крайне неоднородна в связи с индейским, испанским и африканским влияниями. Наиболее значимым и известным писателем Колумбии, классиком мировой литературы, лауреатом Нобелевской премии и Нейштадтской литературной премии, является Габриэль Гарсиа Маркес. В 2012 году в России был отмечен год Гарсиа Маркеса. В том году совпали следующие круглые даты – 85 лет со дня его рождения, 45 лет с первой публикации великого романа «Сто лет одиночества», 30 лет с награждения писателя Нобелевской премией, 10 лет с момента первой публикации книги его воспоминаний «Жить, чтобы рассказывать о жизни». Габриэль Гарсиа Маркес награжден орденом Почёта «За вклад в укрепление дружбы между народами России и Латинской Америки».

Olympics

Уровень спортивных достижений какой-либо страны часто рассматривается как красноречивый показатель прочности той общественной формации, которую она представляет, и более того – жизнеспособности нации в целом [11]. Понимание того, что спорт самым активным образом участвует в создании образа

государства, появилось уже в начале XX века, когда Соединенные Штаты Америки первыми начали вести подсчет общекомандного медального зачета на Олимпиадах и принялись использовать спорт для саморекламы [11]. Участие и достижение национальных сборных на Олимпийских играх и Чемпионатах влияет на авторитет страны, а проведение масштабных спортивных мероприятий способствует укреплению имиджа страны на мировом уровне. Колумбия не была хозяйкой крупных спортивных мероприятий, из достижений в ее копилке – Кубок Америки по футболу в 2001 году и выход в ¼ финала на чемпионате мира по футболу в 2014 году. Сборная по футболу – обладатель Кубка Америки 2001 года.

Power of icons

Среди Колумбийцев не так много людей, которые получили высокие мировые награды и вошли в самые известные рейтинги, по количеству премий, однако, безусловно, певица Шакира является самым ярким представителем творческого мира Латинской Америки. Шакира попала в список Форбс как одна из 100 самых могущественных женщин в мире в 2013, 2014 и 2015 годах [13]. Она также является послом доброй воли ЮНИСЕФ [3]. Ее песни и знаменитые танцевальные движения знают во многих странах мира. Согласно данным Sony Шакира – самая продаваемая колумбийская артистка во все времена, с продажами от 50 до 60 миллионов альбомов [6]. В 2011 году Шакира удостоилась чести получить премию Latin Grammy в категории «Персона Года 2011 года» [7]. Кроме того, певица получила звезду на Голливудской «Аллее славы» и была удостоена Ордена искусств и литературы в 2012 году. Шакира является единственной артисткой из Южной Америки, которая заняла первое место в U.S. Billboard Hot 100, Australian ARIA и UK Singles Chart.

Кроме того, влиятельными людьми Колумбии считаются: Мануэль Патарройо – боролся с туберкулезом, премия Коха (1994), Жорж Муноз – политик, основатель благотворительной организации, награжден премией CNN Heroes 2009 [2] и Presidential Citizens Medal 2010 [4], Диана Родригез – биолог года (2012).

Most admired companies

В списке Fortune прочно закрепилась и улучшает свои позиции компания Esocpetrol, занимающаяся добычей нефти и газа. В 2015 году компания заняла 346 место из 500, поднявшись более чем на 100 позиций по сравнению с 2014 годом. Компания основана в 1984 году, генеральным директором является Juan Carlos Echeverry. Основными статьями экспорта являются: нефть и нефтепродукты, кофе, уголь, золото, бананы, цветы, химические продукты, изумруды, хлопок, сахар, продукция животноводства. Несмотря на то, что с 2007 года торговая марка «Колумбийский кофе» защищена законодательством Европейского союза, и применяется только к кофе, выращенному в Колумбии, ни одна марка кофе не попала в список Fortune. Кроме того, в связи с климатическими изменениями, происходящими во всем мире, Колумбия претерпевает сложности с производством кофе.

Rule of law

Данный индекс ежегодно рассчитывается исследовательской командой международной неправительственной организации «The World Justice Project». В 2015 году Колумбия заняла 62 место (из 102) в мировом рейтинге и 9 (из 19) среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Колумбия стала 19 (из 31) стран, отнесенных к уровню дохода выше среднего. Наиболее высокими по данным исследования оказались следующие показатели: соблюдение равноправия, отсутствие дискриминации, право на жизнь и безопасность, свобода самовыражения и вероисповедания. Наиболее уязвимыми оказались такие показатели как «порядок и безопасность», «соблюдение законов» [9].

Freedom index

Показатель freedom index определяет уровень свобод в стране, который оказывает влияние на ее глобальную кредитоспособность [8]. Данный показатель ежегодно рассчитывается исследовательским центром Heritage Foundation и изданием Wall Street Journal по большому числу стран мира. Колумбия занимает самые высокие позиции в Латинской Америке и уверенно входит в группу с показателем «в основном

свободные», занимая 28 строчку в списке из 177 стран. В течение последних трех лет Колумбия стабильно улучшает свои показатели. Анализ экономической свободы проводится с 1995 года.

Voter turnout

По официальным данным, опубликованным в офисе Национального реестра (Registraduría Nacional), по состоянию на 22 мая 2014 года 32 975 158 колумбийцев проголосовали на президентских выборах, в том числе 545 976 колумбийцев, проживающих за границей. Население Колумбии в 2014 году составляло 49 378 015 человек, что говорит о высоком уровне доверия населения к власти, а, следовательно, – уровне развития soft power внутри страны [8].

CO₂ emission

На международной конференции ООН COP21, которая прошла в декабре 2015 г. в Париже, Президент Колумбии заявил о намерении сократить выбросы в атмосферу на 20% к 2030 году, а также осуществить программу использования углеводородов. «Мы – страна с самым большим разнообразием биологических ресурсов на квадратный километр. Но мы также подвергнуты и климатическим изменениям. Остановить климатические изменения – наибольший вызов человечества за всю его историю», – сказал колумбийский лидер [12].

Immigraion

Колумбия – страна с отрицательной сетевой миграцией. Эмиграция превалирует над иммиграцией. В 2010–2015 гг. из страны выехало на 144 998 чел. больше, чем въехало (World Bank, 2015). Иммиграция незначительна, что объясняется нестабильной политической ситуацией и длительным вооруженным конфликтом между государством и наркокартелями. В последние годы наблюдается снижение числа эмигрантов и возвращение ранее эмигрировавших колумбийцев в связи с постепенной нормализацией обстановки. Наибольшее число иммигрантов в процентном соотношении на территории Колумбии – из Венесуэлы (31,3%), Эквадора (12,2%), США (8,9%), Перу (4,8%) и Испании (4,7%).

Tourism

Туризм является важным сектором экономики разных стран, и Колумбия в данном случае не является исключением. Страна обладает историческими памятниками (преимущественно в г. Картахен), а также памятниками, внесенными в список Всемирного наследия ЮНЕСКО: Санта-Марта и Сан-Андрес-и-Провиденсия. Не так давно Богота, столица Колумбии, стала крупным туристическим центром, благодаря проведенным крупным восстановительным работам. Колумбия активно развивает экотуризм, благодаря своей географии: Анды, Карибский и Тихоокеанский регионы, амазонские джунгли, пустыня Гуахира и т. д. До сих пор многих, желающих посетить Колумбию, смущает повышенный уровень преступности, однако, благодаря политике «демократической безопасности», которую ввел Альваро Урибе Велес (Президент Колумбии с 2002 по 2010 год) и так называемым туристическим караванам (*caravanas turisticas*), обеспечивающих военную защиту туристическим группам, путешествовать по Колумбии стало немного безопаснее.

University ranking

Уровень образования и образованности всегда становился поводом для миграции. Безусловно, данный показатель является одним из важнейших в системе «мягкой силы» страны. В топ Университетов Латинской Америки 2015 г. 43 университета Колумбии попали в список из 300 лучших. Университет Лос Анд занял в этом списке 7 строчку и 262 в мировом рейтинге университетов. Национальный Университет Колумбии занял 13 строчку в рейтинге лучших Университетов Америки и 316 место в мировом рейтинге [5]. Согласно докладу (о развитии человека 2013) процентный показатель грамотности составлял от 90% до 97%.

English fluency

Свободное владение английским языком расценивается как необходимое условие интеграции в глобальную мировую систему. По данным за 2014 год 4,09% популяции говорят на английском языке. В этот процент входит 63 600 резидентов из Америки и Великобритании. Всего людей, говорящих на английском языке

в Колумбии на 2014 год насчитывалось 2 012 950 человек, у 1 937 350 из которых английский является вторым языком. В Колумбии английский язык является обязательным для изучения в школе, однако, это не говорит о высоком уровне его владения.

Для государств Латинской Америки, как и многих других стран мира, минувшее столетие оказалось серьезным вызовом, а также периодом политической турбулентности. Колониальное прошлое, развитие диктатур в регионе, внутренние конфликты между правящими властными верхушками во многом способствовали росту преступности и кровопролития. Колумбия, пережившая период затянувшейся гражданской войны между центральной властью, наркокартелями и отрядами полевых командиров, в настоящее время только пытается стать страной, известной миру не только легкодоступными наркотиками и похищениями детей с целью вымогательства денег, но по-настоящему безопасной и открытой для всего мира.

1. 2015 Index of Economic Freedom [Electronic resource] / <http://www.webcitation.org/6WT3QEfMg>.
2. CNN Heroes 2009 [Electronic resource] / <http://www.cnn.com/2009/LIVING/03/19/cnnheroes.jorge.munoz/index.html?iref=24hours>.
3. Director-General congratulates SDG Advocates [Electronic resource] / The official website of UNESCO: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/director_general_congratulates_sdg_advocates/#.VqUdq-l6C-V.
4. Presidential Citizens Medal 2010 [Electronic resource] / <https://www.whitehouse.gov/citizensmedal/2010-winners>.
5. QS World University Rankings 2015/16 [Electronic resource] / <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=+country=350+faculty=+stars=false+search=>.
6. Shakira – Sale El Sol (Spanish Version) Pop. BMI.com (July 30, 2007).
7. Shakira Honored As 2011 Latin Recording Academy Person Of The Year. B96 Chicago (November 10, 2011).
8. Softpower: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». 2015. С. 49.
9. WJP Rule of Law Index 2015 [Electronic resource] / <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>.
10. Википедия [Electronic resource] / <https://ru.wikipedia.org/wiki/Колумбия>.
11. Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. – СПб.: Розамира, 2009. – 264 с.
12. РИА новости: <http://ria.ru/world/20151130/1333108950.html>.

13. Самые влиятельные люди мира – 2015: рейтинг Forbesресурс. – Режим доступа: <http://www.forbes.com/profile/shakira-mebarak/>.

1. 2015 Index of Economic Freedom [Electronic resource] / <http://www.webcitation.org/6WT3QEfMg>.

2. CNN Heroes 2009 [Electronic resource] / <http://www.cnn.com/2009/LIVING/03/19/cnnheroes.jorge.munoz/index.html?iref=24hours>.

3. Director-General congratulates SDG Advocates [Electronic resource] / The official website of UNESCO: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/director_general_congratulates_sdg_advocates/#.VqUdq-l6C-V.

4. Presidential Citizens Medal 2010 [Electronic resource] / <https://www.whitehouse.gov/citizensmedal/2010-winners>.

5. QS World University Rankings 2015/16 [Electronic resource] / [http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region="+country=350+faculty="+stars=false+search="](http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=).

6. Shakira – Sale El Sol (Spanish Version) Pop. BMI. com (July 30, 2007).

7. Shakira Honored As 2011 Latin Recording Academy Person Of The Year. B96 Chicago (November 10, 2011).

8. Softpower: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi». 2015. S. 49.

9. WJP Rule of Law Index 2015 [Electronic resource] / <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>.

10. Vikipediya [Electronic resource] / <https://ru.wikipedia.org/wiki/Kolumbiya>.

11. Imidzh gosudarstva/regiona: sovremennye podxody: novye idei v teorii i praktike kommunikacii: sb. nauch. trudov. Vyp. 3 / otv. red. D.P. Gavra. – SPb.: Rozamira, 2009. – 264 s.

12. RIA novosti: <http://ria.ru/world/20151130/1333108950.html>.

13. Same vliyatel'nye lyudi mira – 2015: rejting Forbesresurs. – Rezhim dostupa: <http://www.forbes.com/profile/shakira-mebarak/>.

UDC 32.001

COLOMBIA'S SOFT POWER

Tsareva Olga Evgenievna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
master,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: tsarevaolgafb@gmail.com

Annotation

The article deals with indicators of Colombia's soft power, according to the RGMs system. Guided statistics, the author analyzes the strengths and weaknesses in the current context of political turbulence.

Key words:

soft power, Colombia, Latin America, index RGMs.

УДК 7.036.2

ЕДИНЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО РАЗМЕЖЕВАНИЯ И КОНФРОНТАЦИИ (размышления по поводу фильма «Мандарины»)

Подвинцев Олег Борисович,

Институт философии и права УрО РАН,
Пермский филиал,
Центр по исследованию политических институтов и процессов,
Директор,
доктор политических наук, профессор,
Пермь, Россия,
E-mail: podviintsev2009@yandex.ru

Аннотация

В статье предлагается иной, по сравнению с традиционно распространенным, взгляд на роль общности языка с точки зрения поддержания единства в имперских и постимперских обществах.

Ключевые слова:

империя и ее распад, язык, идентичность.

Иногда художественными средствами, вольно или невольно, происходит разрушение стереотипов, создаваемых и пропагандируемых не только политическими идеологами, но и исследователями.

Действие эстонско-грузинского фильма «Мандарины» [1] происходит в начале 1990-х годов, во время абхазской войны. Его герои – грузины, эстонцы (потомки колонистов, живущих в Абхазии с XIX столетия), чеченцы, абхазы и русские – разговаривают друг с другом преимущественно на русском языке, очень часто матом. Это обстоятельство дает им возможность понимать смысл слов друг друга, но, вовсе не обязательно при этом сблизиться и примириться. Иногда происходит даже наоборот.

Фильм начинается с того, что к оставшемуся в почти покинутой эстонской деревне старику (его играет широко известный еще в Советском Союзе актер Лембит Ульфсак) за-

являются двое чеченских боевиков, воюющих на стороне абхазцев. Ведут себя они для данных обстоятельств более-менее прилично (авторам все же хорошо удается передать ощущение угрозы), реквизирав при этом у старика часть оставшихся у него продуктов. Через некоторое время в том же селе происходит стычка этих боевиков с группой грузинских солдат. Герой Ульфсака вместе с еще одним оставшимся в деревне стариком (который, как раз и переживает весь фильм за гибнущий в его саду богатый урожай мандаринов) спасает раненного чеченца, полагая, что все остальные участники стычки мертвы. Однако, когда они решили их похоронить, признаки жизни подает и один из грузинских солдат. Эстонцы его тоже приносят в дом и выхаживают. Представители двух враждующих лагерей вынужденно оказываются под одной крышей – прием далеко не новый в антивоенном кино и литературе того же направления. Чеченец, рана которого

менее тяжелая, сразу же пытается расправиться с грузином, но уступает требованиям старика (которому считает себя обязанным) прекратить вражду, пока они находятся под его кровом.

Когда молодой грузинский солдат, оказавшийся бывшим актером, тоже, более-менее, оправился от раны, начинающиеся стычки между ним и чеченцем вновь пресекаются стариком-эстонцем. Следуя своему обещанию, чеченец соглашается даже выдать грузина за своего товарища, когда в дом заходит отряд абхазских повстанцев, командир которых – хороший знакомый старика. И тут, для того, чтобы выдаваемый за чеченца грузин случайно не показал, кто он есть на самом деле, ему приказывают *молчать*, т. е. не говорить не только по-грузински, но и по-русски, на том самом языке, который понятен противнику.

Вопреки ожиданиям, которые могут возникнуть у искушенного зрителя на основе знания прочих подобных сюжетов, грузинские военные в деревне вслед за этим не появляются. Зато в конце фильма приезжает патруль русских, воюющих на стороне абхазцев, и эта сцена становится ключевой. Офицер, командующий патрулем, заподозрил в чеченце, встреченном у крыльца, грузина. Слова чеченца, заверения старика и сомнения собственных солдат не убеждают его, и он грубо требует, чтобы подозрительный человек в камуфляже в подтверждение своей идентичности «сказал что-нибудь по-чеченски». Оскорбленный чеченец сначала молчит, а потом все-таки произносит какую-то фразу на, естественно, незнакомом русскому языку. Когда озадаченный офицер спрашивает, что же именно он сказал, чеченец объясняет, что послал его по матери. Завязывается перестрелка, в ходе которой открывший огонь из окна дома грузин спасает жизнь чеченца, но гибнет сам. Это второй в фильме «инцидент с языком».

При всей антивоенной направленности фильма, авторы вольно или невольно показали, как трудно персонажам по-настоящему понять друг друга, даже если они говорят на одном языке и, напротив, как тот же язык позволяет им друг против друга сплотиться. «Своего»

и «чужого», «друга» или «врага» в ходе конфликта, происходящего на территории только что распавшегося СССР, оказывается, не идентифицируешь по языку, но от этого они не перестают быть «своим» или «чужим», «другом» или «врагом». Конечно, «друг» и «враг» могут поменяться местами, но под влиянием совершенно иных факторов.

Обсуждая фильм «Мандарины» зрители справедливо проводили параллели с кинокартиной Александра Рогожкина «Кукушка», вышедшей на российские экраны в 2002 г. [3]. По ее сюжету (действие происходит осенью 1944 года) на затерянном в Лапландии хуторе, где одиноко живет молодая женщина-саами, тоже находят пристанище два представителя враждующих армий – советский офицер (очередная версия капитана Тушина) и молодой финский солдат, бывший студент. Все трое в данном случае не знают языка друг друга и, зачастую, весьма своеобразно, как часто бывает в фильмах Рогожкина, понимают сказанное собеседником. Однако, несмотря на необычность антуража и забавную фантастическую концовку (хозяйка хутора рождает двух сыновей-близнецов – одного от финна, а другого от русского), основной идейный посыл «Кукушки» довольно банален – понимать друг друга можно и нужно, даже если разговариваем на разных языках. Авторы «Мандаринов» задаются куда более сложным вопросом – как представителям разных сторон конфликта идентичностей преодолеть вражду, понять своего врага, если у них есть язык для общения, но, при этом, они успешно используют его для взаимных обвинений, угроз и непосредственно для организации действий друг против друга?

Есть и еще один важный, связанный с использованием общего языка, момент, который точно подмечен авторами фильма «Мандарины». Именно наличие общего языка и для «друзей», и для «врагов» мешает русскому офицеру в кульминационной сцене опознать «друга» в чеченце, но помогает это сделать грузину. Против русских «солдат удачи», как уже говорилось, они действуют вполне согласованно, да и старик-эстонец помогает.

С нашей точки зрения, следует рассмотреть эту сцену в терминах «свой» – «чужой» именно с учетом особых реалий только что распавшейся империи, где Россия составляла «ядро», а Грузия, Чечня, Абхазия (да и Эстония) входили в число владений. Итак, для представителей основного имперского этноса единый с инонациональными собеседниками язык общения, по меньшей мере, не помогает отделить «своего» от «чужого», а уж тем более сделать «чужого» «своим». В то же время он позволяет заподозрить «чужого» в «своем», и действительно способствует тому, что тот быстро таковым становится. Для персонажей фильма, являющихся представителями других национальностей бывшей советской империи, русский язык, напротив, помогает сплотиться и выстоять в схватке с русскими совместно. Такая ситуация, на самом деле, вполне типична для обстоятельств развала империи и постимперских разборок.

В период кризиса СССР представители прибалтийских «народных фронтов», выступая на публичных мероприятиях грузинских националистов, извинялись перед присутствующими, что вынуждены обращаться к ним «на языке оккупантов». Но знанию этого языка и те и другие, на самом деле, должны были обязаны тем, что могли общаться без переводчика. Они быстрее и проще понимали друг друга, а, следовательно, и координировали свои действия. Язык можно было воспринимать как имперский символ, а можно как практическое средство коммуникации, и его коммуникативная роль закономерно оказывалась важнее символической.

Интересно, что и сейчас единый язык межнационального общения в России тоже зачастую помогает спланировать протестующим на национальной или конфессиональной почве. Например, на видео, запечатлевшем произошедшее 26 сентября 2014 года противостояние прихожан московской мечети и бойцов ОМОНа и широко разошедшемся в Интернете, заметно, что сотни окруживших полицейский автобус мусульман – люди разных национальностей, незнакомые друг с другом. Но объединенные в данном протестном действии,

общаются они не только с противостоящей стороной, но и между собой, не на арабском, или каком-нибудь из своих родных, а на русском языке. Исключение составляют только возгласы «Аллах акбар!».

Наверняка авторы «антироссийского» фильма «Мандарины» (как в положительном значении оценил его, в частности, один из украинских критиков [2]), тоже разговаривали между собой на русском языке. И это вполне нормальная ситуация.

Безусловно, язык является «средством цивилизации и цивилизованности» [4]. Однако *приобщение* к той или иной цивилизации не влечет за собой автоматически *принятия* ее, формирование или, тем более, гарантию сохранения позитивного отношения к ней.

В настоящее время у отечественных авторов достаточно часто можно встретить высокопарные метафоры относительно роли языка в формировании идентичности и поддержании ее единства – язык трактуется как «культурный код нации», «ключ к культуре», «ключ к душе народа» и т. д. При этом не принимается во внимание, что продолжая данные метафоры, во-первых, один и тот же ключ может подходить к замкам нескольких разных дверей (например, английский язык, с некоторыми уточнениями, годится для понимания и британской, и американской, и австралийской, и даже, в значительной мере, современной индийской культуры, которые вовсе не тождественны между собой), а, во-вторых, ключом можно не только открывать дверь, но и запирасть ее.

Далеко не каждый из овладевших русским языком, особенно в современном мире, бросится читать в подлиннике русскую классическую литературу, вдохновится ратными подвигами россиян, обратится в православие и оправдает любые прочие надежды различных культуртрегеров, миссионеров, пропагандистов. Зато владение русским языком может облегчить существующим или потенциальным оппонентам российской политики поиск новых соратников и координацию действий друг с другом. В этой связи, с осторожностью, как представляется, следует делать, например, политические выво-

ды из оценок масштабов распространения русского языка на постсоветском пространстве.

Оказывается, само по себе средство коммуникации не способно играть сближающую роль (оно ведь, действительно, только «средство»). Все определяется тем, кем являются его носители, какие цели преследуют и в каких отношениях находятся между собой.

Общий язык, сближающий народы империи, облегчающий их представителям общение друг с другом, на определенном этапе может помочь им объединиться против нее самой или уже против ее наследия. И это главная, но не единственная создаваемая империей коммуникационная система, которая может оборачиваться для нее таким образом. То же самое зачастую происходит с имперской системой образования в целом, с общеимперскими СМИ и даже с выстроенной империей системой путей сообщения. Апологетам имперского возрождения всегда стоит помнить об этом.

1. Выпуск 2013 г., в 2015 г. номинировался на «Оскар», одновременно с российским «Левиафаном».

2. Павлушко А. Мандарины против Левиафана. [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://obozrevatel.com/blogs/49562-mandarinuyi-protiv-leviafana.htm>. Статья заканчивается следующим пассажем: «Эстонско-грузинский фильм «Мандарины» глубоко анти-российский. Даже больше чем «Левиафан». Его, пожалуй, даже стоит запретить показывать в России, ведь российский народ может начать догадываться, что они мешают соседям жить».

3. См., например, обсуждение на сайте Кино-Театр.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://kinoteatr.ru/kino/movie/post/107033/forum/fl/>.

4. Шадже А.Ю. Языковое измерение постсоветской идентичности/ Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции. Пермь, 2014. С. 85.

1. Выпуск 2013 г., в 2015 г. номинировался на «Оскар», одновременно с российским «Левиафаном».

2. Pavlushko A. Mandariny protiv Levafana. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://obozrevatel.com/blogs/49562-mandarinuyi-protiv-leviafana.htm>. Stat'ya zakanchivaetsya sleduyushhim passazhem: «E'stonsko-gruzinskij fil'm «Mandariny» gluboko anti-rossijskij. Dazhe bol'she chem «Leviafan». Ego, pozhaluj, dazhe stoit zapretit' pokazyvat' v Rossii, ved' rossijskij narod mozhет nachat' dogadyvat'sya, chto oni meshayut sosedyam zhit'».

3. См., например, obsuzhdenie na sajte Kino-Teatr.ru [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://kinoteatr.ru/kino/movie/post/107033/forum/fl/>.

4. Shadzhe A. Yu. Yazykovoe izmerenie postsovetskoj identichnosti/ Postsovetskaya identichnost' v politicheskom izmerenii: realii, problemy, perspektivy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj Internet-konferencii. Perm', 2014. S. 85.

UDC 7.036.2

ONE LANGUAGE AS A MEANS OF DISENGAGEMENT AND CONFRONTATION. REFLECTIONS ON THE FILM «THE MANDARINS»

Podvintzev Oleg Borisovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm branch Center for the study of political institutions and processes,
Director, Doctor of Political Sciences, Professor,
Perm, Russia,
E-mail: podviintsev2009@yandex.ru

Annotation

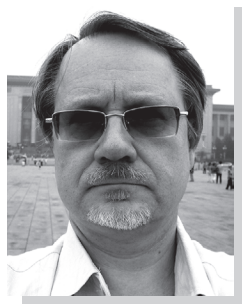
The article proposes a different, compared to the traditionally widespread view of the role of common language for maintaining the unity in Imperial and post-Imperial societies.

Key words:

the Empire and its disintegration, language, identity.

УДК 342

ЛИЧНОСТЬ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКИХ ПЕРЕСТРОЕК

Некрасов Станислав Николаевич,

Уральский государственный аграрный университет,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: nekrasov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу актуальной проблемы смысла целого ряда преобразований и переворотов в России XX века, названных перестройками. Гуманистический смысл и перспектива выступают всемирно-историческим требованием любых фундаментальных преобразований в современном обществе.

Ключевые слова:

личность, права человека, перестройка, Запад, исторический процесс, марксизм, евразийство, мондиализм.

Гуманистическая перспектива развития Евразии, новый мировой экономической порядок послеялтинского периода создали социальную вселенную третьего тысячелетия с антиэнтропийным развитием, в последние годы настойчиво преодолевающим управляемый и насаждаемый хаос однополярного мира. На территории «русского мира» сегодня возникает коллективный лидер-мессия мира, состоящий из стран БРИКС и ШОС во главе с Россией, преодолевающей историческое поражение мировой государственно-общинной системы в 90 гг. Остро требуется революция русского духа и технической перевооруженности в области инновационной экономики, рынок все больше воспринимается как символ усталости мира.

Мировой экономической порядок несправедлив. Эта несправедливость, равно как прямая угроза термоядерной войны, угрожает

самому существованию человека и является результатом экономической глобализации. Нужны общие цели для человечества – движением неприсоединившихся стран предлагается международный наземный мост, сближающий народы. Коллективным лидером-мессией мира на протяжении истории был основной народ Евразии – русский. Два пришествия народа-мессии завершились, сегодня ожидается новая идеология мессианства русского народа, его третье пришествие. Эта идеология соответствует интенции гуманизации развития Евразии, выраженной в реформировании человеческого капитала народов Евразии, и в первую очередь восстановления человеческих качеств русского народа.

Синтез западного научного подхода к классам и синтетического евразийского подхода к социальной динамике цивилизаций позволяет получить перспективную интеграционную

научную модель. Эта модель необходима для реконструкции атомизированного сознания русского народа. История показывает, что еще ненаучные идеи молодого К. Маркса определили вектор перестройки, вдохновили незрелые массы социалистического общества на прикрытие бюрократической контрреволюции партийно-государственного аппарата, разрушение самого фундамента социализма. Следующая перестройка как модернизация России и стран Евразии неизбежно будет строиться на проблематике личности и прав абстрактного человека, человеческого капитала, что приведет к разрушению такого постсоветского образования, как Российская Федерация. Это значит, что нам и всему миру нужны инновационная контрперестройка в России и русском мире и восстановление творческого человеческого капитала народов России.

1. Все разрушительные перестройки в XX веке в России-СССР-России строились на идеологии личности и прав человека, которая представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе. Более того, абсолютизация идеологии прав человека и интереса к приоритету роли личности в социальном процессе с самой простой евразийской точки зрения «будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального порядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма» [1, с. 64]. Поэтому всякий раз, когда в обществе начинается волна рассуждений на тему прав человека и роли личности при полном забвении социальных интересов, ждите перестройку – революцию сверху, затем смуту майдана, «оранжевую революцию» – то есть все то, что может быть названо революцией извне. Возникает разрушительное совпадение революции извне и революции сверху под предлогом модернизации общества и повышения роли человеческого фактора как подлежащего капиталистической и нецивилизованной полуфеодальной эксплуатации ресурса рабочей силы.

Если попросить армейского офицера провести перестройку подразделения, то естественным будет вопрос – как перестроиться, сколько в ряд и в какую сторону двигаться? Речь, следовательно, должна идти об упорядочении целого,

в обществе, о решении вопросов существования и взаимодействия народов, классов, наций – только в рамках этих процедур успешной может быть постановка вопроса о личности, ее правах и интересах. Ответом на агрессию глобализации экономического либерализма и мондиализацию гражданского-правового мира в направлении формирования мирового правительства может быть выстраивание полностью научного мышления как нарративного дискурса русского народа в рамках евразийского сообщества и – шире – ноосферного сообщества человечества. Носителем такого дискурса оказывается ряд левых партий и правых движений, смыкающихся в ходе выстраивания научной идеологии в единое синтетическое эпистемологическое поле. Известно, что программа КПРФ, равно как и докторская диссертация Г.А. Зюганова, пронизаны идеями евразийской геополитики и, наоборот, идеи Евразийского движения оплодотворены левыми эгалитаристскими интенциями. Достаточно посмотреть сайты евразийского движения, открыть архив газеты духовной оппозиции «Завтра», и мы увидим переплетение левого и правого векторов духовной жизни. Это переплетение создает условия для строгого научно-выверенного определения социальной динамики – не перестройки, но революции – национальной, социальной и культурной. Поэтому научная идеология отвергает ведущий к перестройкам и глобализационной оккупации мифологический дискурс личности, человека и его прав. Она выдвигает в результате выявления этнической идентичности русских в качестве синтетического этноса необходимость революции, выстраивающей строго научно новые тренды континентальной специфики России, национального мессианства, государствообразующего значения армии в русской истории, евразийского производства и промышленной модернизации, неоиндустриальной модернизации без вестернизации, византийского «аграрного социализма».

К сожалению, евразийская идеология в начале XXI века еще не породила представления об отказе от сугубо мифологического западнического деления исторического процесса (по А. Тоффлеру) на три волны – аграрного, индустриального и постиндустриального

общества. Отказ от марксистского понимания Общественно-экономической формации, забвение марксистской «пятичленки», как будто бы отвергнутой опытом XX века, привело неоевразийство к мифологеме постиндустриализма как цели исторического процесса, в конечном счете, понятом как «конец истории». На самом деле нам еще только предстоит синтезировать модели Общественно-экономической формации и Цивилизации, результатом чего может стать научное представление о неоиндустриальном векторе развития России, роли и места нового эволюционирующего человека в этом процессе. В Крыму и в Новороссии «русской весной» такая эволюция в течение нескольких месяцев создала из спящих обывательских масс новый оптимистический тип личности героического ополченца-защитника Родины и мирного населения.

Евразийское мышление пока еще мифологически понимает мессианскую природу нашего народа как продукт загадочной жизни через тысячелетия преимущественно славянского индоевропейского народа со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт. Пока известно, что фактический синтез белой и желтой рас не оставляет оснований для шовинизма и узкого национализма, но открывает путь к объединяющей имперской, евразийской психологии и культуре. В этой культуре проблема личности и прав человека – не главная. Но ведь о том же и совершенно не по-евразийски, а с точки зрения научной и классовой идеологии писал К. Маркс. Получается, что синтез классового западного научного и синтетического евразийского подходов позволяет получить перспективную интеграционную научную модель для общественного сознания русского народа и его символического капитала, который в условиях опасности и внешней агрессии, благодаря социальной памяти народа, сжимается и разжимается, как пружина. О модели поведения народа, точно названной им «русской пружинной», заявил президент России В.В. Путин 18 марта 2014 г. в знаменитой речи о воссоединении Крыма с Россией. Эта модель носит не мистически-потусторонний мессианский характер и задает не религиозно-бессильный про-

тестный консервативно-реакционный вектор социокультурной динамики вспять, но прямо указывает на прогрессивное освоение объединенным человечеством, и в первую очередь освобождающимися народами «русского мира», природных сил, господство над собственными социальными отношениями.

2. Донаучное идеалистическое мышление представляло себе общество, в котором вектор изменения задавался идеалами великой личности. Соответственно, идеология Просвещения активно рассуждала на тему о «роли личности в истории», имея в виду великую личность, стоящую над обществом. Такой дискурс, подвергнутый критике в марксовых «Тезисах о Фейербахе», сохраняется и сегодня в более простой форме идеалистического представления истории, когда любые социальные процессы выводятся из воли и сознания людей. Правда деградация социальной философии привела к упрощенному представлению об обыденности и повседневности человеческой жизни, из которой и исходят импульсы социокультурной динамики. В результате, мы повсеместно видим постмодернистские исследования культуры повседневности, габитуса, габитус-китча в широком диапазоне – от изучения истории великого продуктового обмена в исторической школе «Анналов» до упрощенных социологизированных социологий моды – историй мужского берета, грубошерстного пальто, сигары. Сознание и ничего кроме сознания не скрывается за этими все еще донаучными мифологизированными штудиями.

Поскольку опыт развития научного познания в истории человечества показывает неравномерность созревания наук – в диапазоне от простых естественных дисциплин до сложных гуманитарных наук о человеке и сложнейших неестественных наук об обществе – можно прийти к выводу о том, что простейшие первоначальные попытки объяснить общество выливались в форму утопического программирования и моделирования идеального его состояния. Несомненно, здесь следует различать постановку вопроса о личности в истории (реальной истории общества) и личность в «истории» как дисциплине, имеющей свое место в каждый раз новой дисциплинарной структуре науки. То же

самое относится к представлениям об обществе в самом широком диапазоне – от идеологии и утопии как нормативного моделирования эпохи традиционного общества (от Платона до К. Маркса) до нарратива вокруг симулякров потребительского общества эпохи постмодерна (от Э. Фромма до Ж. Бодрийяра). Между тем научный дискурс только еще возникает по мере появления неоиндустриального общества – и каждый раз при проявлении человеческих сущностных сил в новую эпоху человечество создает устойчивый континент науки. Наука, повторим, вызревает неравномерно. Она зреет быстрее в области естественных объектов исследования. Поэтому естественные науки прорастают достаточно быстро: древние греки создали первый континент математики, основанный на наглядном мышлении и отвлечении от чувственной стороны предметов. Физика как второй континент человеческого научного знания была создана в Новое Время и стала наукой буржуазного индустриального общества в тот момент, когда перешла от образа «теплоты» к понятию «температуры» с ее таксонами и измерениями. Третий континент был создан Марксом, который подобно Дарвину положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и волей, и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была предпринята Фрейдом, и оказалась сомнительной и научно-неверифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма. Выяснилось, личность – не совсем зрелая научная конструкция, а незрелая идеологема. И Маркс, за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества, был вынужден оставить для будущих исследователей перспективу разработки социально-психологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. В поздних трудах он переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем

самым основы научного понимания социального процесса.

3. Марксизм Маркса изначально имел две формы. Первая, ранняя – еще ненаучная и антропологическая концепция «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» – построена по модели «ореха» (схема «Гегель в Фейербахе»), и изобилует чуждой зрелому марксизму терминологией из области психологического анализа общественных отношений, вроде «отчуждение», «личность», «человек». После «эпистемологического разрыва 1848 г.» (термин Л. Альтюсера) марксизм стал пользоваться понятиями: «эксплуатация», «индивиды как суппорты социальных отношений», «классовые индивиды». Сама теория «товарного фетишизма» в первом томе «Капитала» стала остатком прежнего ненаучного антропологического крена, экивоком и заигрыванием с гегельянщиной. Второй формой марксизма – зрелого и научного, где отсутствует проблематика личности – стали подготовительные рукописи к «Капиталу» и последующие труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Встать на точку зрения признания марксизмом трудов раннего Маркса – значит стать последователем Р. Гароди, отвергнутого за ревизионизм ФКП еще в 1966 г., и завершающего свои дни в облики модернизированного мусульманина. Перестройка СССР начиналась с крена в расуждения об общечеловеческих ценностях, личности, ее новом мышлении и о правах человека, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми ими диссидентскими группами.

Мысль о том, что классовая борьба рабочих приведет к свержению господства буржуазии и власть возьмет в руки пролетариат, потрясает мир до сих пор, а процесс формирования пролетариата в класс и завоевания им политической власти может стать смыслом жизни передовой интеллигенции. Западные – историцистская (А. Грамши) и структуралистская (группа Л. Альтюсера) – версии марксизма в XX в. настаивали на том, что диктатура осуществляется через гегемонию класса, через идеологические аппараты государства. Сталинизм подорвал саму веру в марксистский проект. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачение культа личности

и его последствий XX съездом КПСС поставили левых интеллектуалов Запада, особенно в Италии и Франции, в трудное положение: трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому экзистенциалистскому «прибою» и иным формам штурма марксизма буржуазной идеологией.

В 60 гг., полагает Альтюсер, в марксистской философии назрел «теоретический скандал». Марксистской теории угрожала в первую очередь «буржуазная и мелкобуржуазная картина мира», основанная на проблематике личности. Он подчеркивает, что общая форма этой концепции мира: экономизм (сегодня «технократизм») и его «духовное дополнение» – моральный идеализм (сегодня «гуманизм») ... Экономизм и гуманизм составляют фундаментальную пару буржуазной концепции мира с момента возникновения буржуазии. И далее: современная философская форма этой концепции мира: неопозитивизм и его «духовное дополнение» – феноменологический субъективизм-экзистенциализм. Сам Альтюсер выдвигает требование бегства от сталинизма через развитие науки, к которой «Маркс дал нам ключи», и новой философии, соответствующей требованиям борьбы революционных классов. По мысли Альтюсера, Маркс основал «новую науку: науку об истории». Альтюсер обращается к образу континентов, которые открывает познание. До Маркса были открыты два континента: математика (греки) и физика (Галилей); Маркс открыл третий – историю. Гуманизм, возникающий на острие критики сталинизма, объявляется компонентом буржуазной идеологии, а сама философия осмысления гуманизма и антигуманизма оказывается «борьбой классов в теории». Для Альтюсера, выросшего в борьбе с бесклассовым гуманизмом Р. Гароди, «философская битва № I» разыгрывается на границе между научностью и идеологичностью: философы-идеалисты, эксплуатирующие науки, борются против философов-материалистов, служащих наукам. Однако открытая Марксом новая наука об истории меняет всю ситуацию в теоретической области: она позволяет покончить с традиционным господством идеализма. Отсюда огромное внимание к словарю «философской практики», который обозначает «линию демар-

кации» между ложными и истинными идеями, а, в конечном счете, и между антагонистическими классами. Философия помогает людям различать в теории и в идеях верные положения и ложные. Оружием в политической борьбе служат слова. Альтюсер подчеркивает, что борьба классов может порой резюмироваться в борьбе за или против слова, за термин. Таково слово «гуманизм» и связанный с ним термин «личность». Хотя коммунисты борются за свободное, справедливое общество, нельзя говорить, что марксизм – это гуманизм, ибо на практике термин «гуманизм» используется буржуазной идеологией для противопоставления «жизненно важному для пролетариата понятию: борьба классов».

Другой пример Альтюсера: марксисты должны отказаться от выражения «человек творит историю». Почему? Потому, что оно используется буржуазной идеологией в противовес классическому пролетарскому выражению: «массы творят историю». Философия, следовательно, сражается за понятия, за слова, за их верный смысл и его нюансы, и эта борьба является частью политической борьбы. Так, марксизм ведет бой и в сфере научных понятий («концепция», «теория», «отчуждение», «дискурс»), и в сфере обычных, выражающих их терминов («люди», «массы», «народ», «борьба классов»). Следует отметить, что жесткий классовый подход в понимании марксизма как «теоретического антигуманизма» пришел в ФКП на смену преобладающей в ней в первую половину 60 гг. стратегии «открытых объятий» марксистского гуманизма. Выдвинутая бывшим членом ЦК французской компартии Р. Гароди, она критиковала отчуждение и дегуманизацию в деголлевской Франции, стремилась реализовать диалог и единство с гуманистами, экзистенциалистами, социалистами и христианами. Идеи Гароди на практике совпадали с известным тезисом Ж.-П. Сартра: «экзистенциализм – это гуманизм». Тем самым Гароди интегрировал идеи молодого Маркса в тогдашнюю ортодоксию ФКП. Тогда же вместе с М. Годелье и Л. Себагом – молодыми антропологами – Альтюсер подготовил структуралистскую интерпретацию трудов Маркса. Речь идет о выделении в работах Маркса периода (до 1845 г.),

содержащего отрыв («купюру») от буржуазной идеологии, и периода созревания (1845–1857 гг.). Такая периодизация предполагала выявление «белых пятен марксизма» – остатков перевернутого гегельянства. Таковыми оказываются модель базиса и надстройки и иные фантомы, идущие от «тени Гегеля». Поэтому открытый Марксом в «Капитале» исторический материализм не был концептуализирован как новая наука, не приведен в состояние теоретичности и заражен идеологическими терминами, гегелевским способом изложения, с которыми Маркс имел слабость кокетничать. Получается чеканная формула Альтюсера: марксизм как наука и научная философия есть «теоретический антигуманизм». С этой формулировкой нельзя не согласиться.

4. История XX века показывает, что в условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, в общественном сознании начинает господствовать идеология молодого Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Однако XX съезд КПСС в докладе Н. С. Хрущева, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил «сердце буржуазной идеологии» (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что и заставляет творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма – философии. Сталинские преступления – это не отклонения и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы и неизбежность хода истории. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь – критика гуманизма, ликвидация кантианского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Появление в СССР в результате передачи германскими социал-демократами рукописей раннего Маркса (у нас они были изданы в 1956 г.) совпало по времени с разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Как известно, немецкая социал-демократия

надолго спрятала в архивах труды ранних Маркса и Энгельса. Получилось, что ни Ленин, ни Сталин не были знакомы с ранним Марксом. После разгрома фашизма коммунисты ГДР из СЕПГ передали в Институт Марксизма-ленинизма рукописи Маркса. Перевод занял два года и том «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» был издан к 1956 г. Проблематика культа личности прямо вытекает из гуманистической тематики раннего марксизма.

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Такая радикальная социологизация образа человека призывала к изучению потребностей человека и провозглашала вслед за «Рукописями» грядущее торжество наиболее полного удовлетворения растущих потребностей советского народа и всесторонне развитой личности. Вся хрущевско-горбачевская сугубо материалистическая перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и потому была целиком навеяна работами раннего Маркса с его идеологией человека и его потребностей. По отношению к образу социализма позднего Маркса-Ленина-Сталина такая перестройка объективно была ревизионизмом, а ее деятелями – ренегатами. Их ренегатство проявилось в полной мере в свертывании перестройки и приватизационном расхищении общенародной собственности сформировавшимися потребностями правящих материалистов. В этом наглядно проявился вред философии раннего Маркса, узурпированного коммунистическими бонзами и протезированными ими приватизаторами.

Спор о подлинном Марксе сегодня проходит на фоне признания общего значения учения Маркса его противниками. Так, К.Р. Поппер показывает, что наука после Маркса никогда не будет походить на домарксистскую науку. Р. Арон, полагая, что Маркс загадочен и стал известен миру только после своей смерти, считал, что происходит периодическое разложение не марксизма, но марксиянства, которое рассматривает учение Маркса как «Библию рабочего класса». Сам Маркс никоим образом

не рассматривал себя как оракула, поскольку теоретически изучал капиталистическое общество и высказывал ряд предположений о зрелом коммунистическом состоянии. Наконец, критика учения Маркса должна быть не огульной, но поставленной в контекст тех или иных высказываний. Так, тезис о том, что «у пролетариев нет Отечества» соответствовал тому периоду европейской истории, когда у рабочих не было избирательного права, а избирали только собственники, в этих условиях у пролетариев, действительно, не было Отечества. Именно ранний Маркс был объявлен подлинным в короткое время хрущевской оттепели и горбачевской «катастрофы» (термин А. А. Зиновьева). В результате в СССР во второй половине XX в. восторжествовал ранний Маркс, которого официально по аналогии с лукачевским образом «молодого Гегеля» стали называть «молодым Марксом». Именно идеи молодого Маркса определили вектор перестройки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократической революции аппарата) и привели в конце XX в. к формированию системы ельцинизма-сталинизма, но без Сталина.

5. Очевидно, что XXI в. в России и мире будет не мондиалистским эксплуататорским, не национально-патриотическим, не государственно-социалистическим, но гуманистическим – социалистическим и общинным, т. е. евразийским по идеологии и принципам человеческих отношений. Новая концепция человека и человеческого капитала как самовозрастающей ценности в условиях сложного процесса овладения Россией всей полнотой государственного суверенитета ныне только рождается после многих фальшстартов, и ранний Маркс будет господствовать в русском XXI в. в виде гуманистически-общинной идеологии русского социализма и социальной справедливости. Только вряд ли это будет какой-то новый социализм, рожденный из антимондиалистского хаоса: социализм будущего абсолютно традиционен, сугубо научен и интернационален. Похоже, после короткого «оверштага» история вновь собирается развиваться по Марксу, то есть двигаться в направлении коммунистической организации общества путем преодоления частной собственности.

Переходной формой марксизма и нового представления о социализме в период борьбы за восстановление национальной независимости становится «еврамарксизм» (термин наш – С. Н., одобренный А. Г. Дугиным, а прежде и участниками Международного конгресса марксистов в Институте Философии РАН в 2002 г.). Евракоммунизм и еврамарксизм – евразийский марксизм, основанный на примате евразийской геополитики. Геополитика здесь органично сочленяется со структурным концептуализмом позднего Маркса. Уже сегодня на повестку дня в условиях краха террористической глобализации ставится «синтетический коммунизм» как повторение на новом витке античного способа производства. В глобальной доминации капитала поднимаются силы, готовящиеся к третьей исторической попытке построения социализма. В этой попытке пересмотр принятого употребления гуманистической терминологии предполагает синтетический подход к исследованию личности как исторического феномена и идеологического конструкта.

Учитывая курс французского структурализма (М. Фуко) на обоснование «стирания человека», исчезновения идеологемы человека с классической эпистемы как научной карты мира и замену идеологического ненаучного образа человека на образ «бытия языка», можно прийти к выводу о том, что как только мы слышим слова «личность», «права человека», «человеческий фактор», «человеческий капитал», «качество жизни», «достойная заработная плата», «оплата труда», – с нами говорит человеческим языком лукавая буржуазная идеология, которая выдает своекорыстные интересы своего погибающего класса за интересы нации, народа, общества. Эта идеология не сообщает нам, что заработная плата – это выраженная в денежной форме стоимость рабочей силы. Последняя имеет разный размер в зависимости от климатических условий, исторических предпосылок и накала классовой борьбы. Вспомним лозунг торжествующих контрреволюционеров-ельцинистов, вывешенный к 7 ноября 1992 г. на Площади 1905 г. в Екатеринбурге: «Пролетарии всех стран, больше не пролетайте!». Добавим к этому лозунгу призыв Мао Цзедуна, который, как известно, по постановлению ЦК КПК, был

все же «прав на 80%» – «никогда не забывать о классовой борьбе».

22.10. 2012).

1. Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: «Арктогея-Центр», 2002.

1. Dugin A. G. Evrazijskij put' kak nacional'naya ideya. M.: «Arktogeya-Centr», 2002.

2. <http://limonov-eduard.livejournal.com> (дата обращения:

2. <http://limonov-eduard.livejournal.com> (data obrashheniya:

22.10. 2012).

UDC 342

PERSON, HUMAN RIGHTS, HUMAN CAPITAL AS A CENTRAL ISSUE OF RUSSIAN REARRANGEMENTS

Nekrasov Stanislav Nikolaevich,

Ural State Agricultural University,
Head of the Department of Philosophy.
Doctor of Philosophy, professor.
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: nekrasov@yandex.ru

Annotation

This article analyzes the current problems of the meaning of a number of transformations and upheavals in the twentieth century Russia, these rearrangements. The humanistic meaning and perspective are the world-historical requirement of any fundamental change in modern society.

Key words:

personality, human rights, Russian reconstruction, the historical process, Marxism, Eurasianism, mondialism.

УДК 324

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА США И РФ

Мухаметов Руслан Салихович,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена сравнению выборов главы государства в США и России. Автор выделяет основные отличительные характеристики президентской предвыборной гонки. Много внимания уделено институтам первичных выборов в США. В статье говорится, что праймериз является уникальной особенностью политической системы страны. Автор дает подробный анализ организационной структуры политических партий США и России.

Ключевые слова:

президент, выборы, праймериз, политическая система США, политическая система РФ.

Выборы главы государства выступают в качестве одного из основных общественно-политических событий в жизни любого государства. Особенно это верно для президентских республик. Предвыборная кампания по избранию президента – это центральное политическое событие, поскольку в ходе кампании формально определяется и легитимируется первое лицо государства.

Первой особенностью президентских выборов в США является то, что их победителем становится кандидат одной из двух основных политических партий. Президентские выборы выигрывали только кандидаты крупнейших в стране Республиканской и Демократической партий. Шансы независимых кандидатов или кандидатов, представляющих иные партии, крайне малы, значительных успехов на выборах президента США такие кандидаты пока не достигали. Единственным исключением стал один из богатейших людей США бизнесмен Росс Перо, который в 1992 году

принял участие в президентской гонке как независимый кандидат и набрал 18,9% голосов избирателей [10].

В России, напротив, на выборах 1996, 2000 и 2004 гг. побеждали самовыдвиженцы, а в 2008 и 2012 гг. кандидаты, выдвинутые партией «Единая Россия». Президент в России, как правило, это надпартийная фигура в силу закрепленного за ним Конституцией РФ положения в системе власти и в силу собственных интересов. Президент РФ занимает особое место в системе органов государственной власти: он не входит непосредственно ни в одну из её основных ветвей. Президента можно рассматривать как фигуру, стоящую над основными ветвями власти. Стремление сильных кандидатов на пост президента РФ дистанцироваться от политических партий абсолютно оправдано. Специфика избирательной системы, применяемая на выборах главы государства, оказывает значительное влияние на стратегию в области партийной политики. При выборах российско-

го президента действует мажоритарная схема: президентом становится тот, кто получает поддержку большинства населения. Иными словами, для победы необходимо привлечь как можно большее число избирателей на свою сторону, расширить свою электоральную базу. В этих условиях четкое идеологическое позиционирование и партийная принадлежность только мешают успеху на президентских выборах. В избирательных кампаниях Б. Ельцина, В. Путина, Д. Медведева можно было наблюдать дистанцирование от «партий власти». Такое решение можно назвать вполне логичным: электоральная поддержка президента была выше, чем у «партий власти», а среди сторонников политического лидера имелись представители других политических партий. Таким образом, пост президента традиционно носит надпартийный характер. Глава государства выражает и защищает интересы всего общества, работает в интересах всего российского народа вне зависимости от партийных предпочтений.

Правом выдвижения кандидатов в президенты США обладают политические партии. Для того чтобы стать официальным и единственным кандидатом от Демократической или Республиканской партии необходимо заручиться поддержкой делегатов от штатов на национальном съезде (national convention) соответствующей партии. Существует два способа избрания делегатов на национальный партийный съезд: кокусы (caucus) и праймериз (primary election) [11].

Исторически первой появилась такая форма, как кокусы (в переводе с одного из индейских языков – «собираться вместе и громко шуметь»). Кокус – это собрание группы людей, принадлежащей к той или иной политической партии.

Кокусы представляют собой многоступенчатый процесс. Собрания проводятся на всех уровнях партийной организации – от местного уровня до уровня штата. На каждом уровне участники кокуса делегируют своих представителей на следующий. Так, первые кокусы проходят на уровне районов (precinct), где выбирают районных делегатов на более высокий кокус, кокус округа (county). На окружном

кокусе выбираются делегаты на кокус штата, а тот, наконец, выбирает делегатов на национальный съезд партии [9].

Система определения победителя кокуса достаточно проста. Зарегистрированные члены той или иной партии собираются в общественном здании. Партийные активисты, поддерживающие того или иного кандидата, расходятся по разным углам помещения. После этого участники кокуса начинают убеждать друг друга поменять угол. После окончания всех выступлений подводится окончательный итог [7].

В отличие от кокусов, праймериз представляют собой прямые тайные выборы, проводимые на уровне штата. Праймериз отличаются от кокусов тем, что избирателям для выражения своих симпатий предлагается использовать бюллетени.

Различают несколько видов праймериз. В закрытых праймериз (closed primaries) участие в голосовании принимают те избиратели, которые заявили о своей принадлежности к соответствующей партии и зарегистрированы в этом качестве. В открытых праймериз (open primaries) могут участвовать все избиратели штата вне зависимости от их партийной принадлежности. На общих праймериз (blanket primaries) избиратели могут участвовать в голосовании, которое проводится обеими партиями [2, с. 116–117].

Суть кокусов и праймериз заключается в том, чтобы кандидаты от одной партии не отбирали голоса друг у друга на основных выборах.

Тот кандидат, который победит в наибольшем количестве штатных кокусов и праймериз, получит наибольшее количество своих делегатов на национальном съезде, и это обеспечит его официальное утверждение. Национальный съезд партии фактически является инструментом ратификации решений, принятых на уровне штата и местном уровне.

Таким образом, второй особенностью президентских выборов в США является тот факт, что официальным и единственным кандидатом от соответствующей партии становится член партии, победившей на внутрипартийных конкурентных выборах. Институт первичных

выборов в том виде, в котором он существует в США, является уникальной особенностью политической системы страны. Ни в одной другой стране мира основные претенденты на пост главы государства от крупнейших партий не определяются благодаря открытым внутривыборным соревнованиям.

В отличие от США, где основные претенденты на пост главы государства от крупнейших партий определяются благодаря первичным выборам, в России кандидаты в президенты выдвигаются на съездах соответствующих партий на безальтернативной основе. Так, например, в 2012 году Владимир Путин, Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский и Сергей Миронов были единственными кандидатами в бюллетени для голосования по утверждению кандидата на пост президента РФ от соответствующих партий.

Третьей особенностью американских президентских выборов является то, что принимают участие в этих выборах рядовые члены Республиканской и Демократических партий (см. таблицу 1).

правило, лидеры соответствующих политических партий (см. таблицу 2).

Вышеназванные особенности президентских выборов в США и РФ обусловлены спецификой организационной структуры политических партий.

Республиканская и Демократическая партии США являются типичным примером организационно неформальных партий. В середине XX века М. Дюверже назвал их кадровыми партиями. Кадровые партии – партии комитетские, децентрализованные и слабо интегрированные партии. Американские партии базируются на основе комитетов, довольно независимых друг от друга и обычно децентрализованных. Комитет представляет собой объединение нотаблей, «уважаемых людей». Деятельность комитетов целиком направлена на выборы. С точки зрения французского политолога, их цель – подготовить выборы, провести их и сохранять контакт с кандидатами. Активность комитета носит циклический характер: она достигает максимума в период выборов и значительно снижается в перерывах

Таблица 1 – Участники первичных выборов в США.

Кандидаты	Занимаемая должность к моменту окончания праймериз
Праймериз Демократической партии США 2008 года	
Барак Обама	Сенатор США, штат Иллинойс
Хиллари Клинтон	Сенатор США, штат Нью-Йорк
Джон Эдвардс	Бывший Сенатор США, штат Северная Каролина
Джо Байден	Сенатор США, штат Делавэр
Крис Додд	Сенатор США, штат Коннектикут
Майк Грэвел	Бывший сенатор США, штат Аляска
Деннис Кусинич	Член Палаты представителей Конгресса США, штат Огайо
Билл Ричардсон	Губернатор штата Нью-Мексико
Праймериз Республиканской партии 2012 года	
Митт Ромни	Губернатор штата Массачусетс в 2003-2007 годах
Рик Санторум	Бывший сенатор, представлявший штат Пенсильвания
Рон Пол	Член Палаты представителей Конгресса США
Ньют Гингрич	Бывший спикер Палаты Представителей Конгресса США (1995-1999).

В отличие от США, где кандидатами в президенты становятся рядовые члены двух основных партий, в России ими являются, как

между ними. Административная инфраструктура двух основных американских партий, по мнению М. Дюверже, находится в зачаточ-

Таблица 2 – Партийные кандидаты президентских выборов в России.

Кандидат	Партийная должность	Субъект выдвижения
2012 г.		
Владимир Жириновский	Председатель ЛДПР	ЛДПР
Геннадий Зюганов	Председатель ЦК КПРФ	КПРФ
Сергей Миронов	председатель партии «Справедливая Россия»	«Справедливая Россия»
Владимир Путин	председатель партии «Единая Россия»	«Единая Россия»
2008 г.		
Владимир Жириновский	Председатель ЛДПР	ЛДПР
Геннадий Зюганов	Председатель ЦК КПРФ	КПРФ
Медведев Дмитрий Анатольевич	беспартийный	ЕР
2004 г.		
Малышкин Олег Александрович	Секретариат заместителя Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, помощник заместителя Председателя	ЛДПР
Миронов Сергей Михайлович	Председатель Политической партии «Российская партия ЖИЗНИ»	РПЖ
Харитонов Николай Михайлович	председатель Агропромышленного Союза Российской Федерации	КПРФ
2000 г.		
Владимир Жириновский	лидер ЛДПР	ЛДПР
1996 г.		
Владимир Жириновский	председатель ЛДПР	ЛДПР
Геннадий Зюганов	председатель ЦК КПРФ	КПРФ
Святослав Фёдоров	лидер партии Партия самоуправления трудящихся	Партия самоуправления трудящихся
Григорий Явлинский	Лидер партии «Яблоко»	Яблоко

ном состоянии. Руководство в партиях США расплывлено среди депутатов и носит ярко выраженную личностную форму. Реальная власть принадлежит то одному, то другому клану, который складывается вокруг парламентского лидера. Соперничество этих группировок и составляет жизнь партий. Американские партии – избирательные машины, которые обеспечивают выдвижение кандидатов на всякого рода предварительных выборах. Речь идет о технологических командах специалистов по завоеванию голосов и административных постов [3, с. 139–140; 6, с. 60–66].

В США членами партии считаются только те, кто занимает выборные должности в партии и собирается на ее съезды. Главные партии в Соединенных Штатах представляют собой коалиции пятидесяти партийных ор-

ганизаций штатов, которые собираются раз в четыре года для того, чтобы утвердить своего кандидата на президентских выборах. Главные партии в США состоят, в значительной степени, из громадного числа организаций. Особенность партийной структуры заключается в том, что все эти группы и организации практически автономны, часто соревнуются или даже конфликтуют друг с другом, и их объединение вокруг платформы той или иной партии весьма условно и временно.

Как правило, структуры партий состоят из председателей партийных организаций избирательных округов (эти округа включают в себя от 400 до 2000 избирателей), председателей комитетов графств, которые обычно избираются председателями округов. На уровне штата существует съезд партии, исполнитель-

ный комитет и председатель партии штата. То, как формируются эти органы, целиком и полностью зависит от штата, но обычно они формируются из представителей более низких, местных организаций всего штата.

Каждая партия имеет Национальный комитет, который играет незначительную роль в жизни партий. В отличие от российских глав партий, председатель партии в США не может вырабатывать политическую пинию и координировать деятельность своей партии. Главная причина в том, что практически не существует никаких санкций, которые можно было бы применить против тех партийных организаций, которые отказались бы подчиниться генеральной линии. Положение председателя Национального комитета партии в США часто называют «ответственностью без власти» [1].

Российские партии относятся, напротив, к организационно оформленным, централизованным партиям. Партии, относящиеся к данной группе, как правило, обладают четкой структурой. Они строятся на принципах бюрократического централизма. Как правило, в этих партиях огромные полномочия принадлежат общенациональному руководству и непосредственно лидеру. Обычно выбирается персонифицированная модель лидера партии (председателя партии, генерального секретаря, лидера и так далее), наделенного широкими полномочиями. Лидер представляет партию во взаимоотношениях с органами власти и общественными организациями, руководит партийным аппаратом, подбором кадров на руководящие должности; подписывает документы партии, распоряжается ее финансовыми активами и имуществом. Центральное руководство, возглавляемое лидером партии, имеет решающее слово во всех партийных делах. Так, например, постоянно действующий центральный орган партии, как правило, принимает решение о создании, реорганизации и ликвидации региональных отделений партии, назначении и освобождении от должности лидеров региональных отделений партии. В этих партиях существует организационная связь между партией и ее

членами. Члены партии подчиняется партийной дисциплине [8, с. 190–193].

Наконец, выборы президента США являются не прямыми, а косвенными – двухступенчатыми. Президент США избирается Коллегией выборщиков (Electoral college). В день выборов (в первый вторник после первого понедельника ноября високосного года) граждане отдают голоса не за конкретного потенциального президента, а за набор людей («выборщиков»), которые получают от своего штата наказ определенным образом проголосовать на коллегии выборщиков.

Коллегия выборщиков состоит из граждан США, избранных (по штатам) в ходе всеобщих выборов с единственной задачей – обеспечить избрание Президента США. Отбор выборщиков происходит на партийных съездах в каждом штате или их выбирает партийное руководство штатного уровня. Обычно в роли выборщиков выступают сенаторы и конгрессмены, популярные политики или люди, лично близкие к кандидату в президенты. Таким образом, ко дню выборов в каждом штате существуют два списка выборщиков, представленных Демократической и Республиканской партиями. Всего в Коллегии выборщиков 538 выборщиков. Для избрания Президентом США необходимо получить не менее 270 голосов выборщиков. Иными словами, избранным считается тот кандидат, который получит абсолютное большинство голосов выборщиков, т. е. не менее 270 из 538 голосов выборщиков Коллегии выборщиков.

Каждый штат избирает в Коллегию выборщиков столько выборщиков, сколько депутатов Палаты представителей и членов Сената Конгресса США избирается от данного штата. Наибольшее количество выборщиков (55 человек) приходится на штат Калифорнию, Техас – 38, Флориду представляют 29 выборщиков. Наименьшее число выборщиков – Монтана, Аляска, Вермонт, Делавэр, Вайоминг, Южная Дакота и Северная Дакота (по три). Округ Колумбия избирает три выборщика [4].

Выборщики избираются по правилам мажоритарной избирательной системы относительного большинства, за исключением

двух штатов (Мэна и Небраски), в которых выборщики избираются по правилам пропорциональной избирательной системы. Это означает, что кандидат в президенты, набравший большинство голосов в штате, получает голоса всех выборщиков от этого штата.

Избранные во вторник после первого понедельника в ноябре выборщики собираются в первый понедельник после второй среды декабря в столицах своих штатов для голосования за Президента. Итоги голосования утверждаются губернатором штата и направляются председателю Сената США (вице-президенту США). На совместном заседании Конгресса США, которое проходит 6 января следующего за годом выборов года, голоса выборщиков пересчитываются и победитель объявляется Президентом США [5].

В отличие от США, президент РФ избирается гражданами на прямых выборах. Это порядок проведения выборов, при котором избиратели непосредственно избирают главу государства. Днём голосования на выборах президента является второе воскресенье месяца, в котором проводилось голосование на предыдущих общих выборах президента РФ.

Таким образом, в результате проделанной работы мы пришли к следующим выводам:

- победителем президентских выборов в США становится партийный кандидат, а в России, как правило, это самовыдвиженец;
- два главных кандидата на пост президента Соединенных Штатов определяются на внутрипартийных первичных выборах, а в России – на съездах соответствующих партий на безальтернативной основе;
- в США кандидатами в президенты становятся рядовые члены двух основных партий, а в России ими являются, как правило, лидеры соответствующих политических партий;
- президент США избирается косвенным путем, а президент РФ – на прямых выборах.

системе США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2004. № 1. С. 113–127.

3. Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны. О политических партиях США // Полис. 1996. № 1. С. 138–150.

4. Выборы в США. Коллегия выборщиков. Справка. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.rambler.ru/16246355/> (дата обращения: 21.08.2015).

5. Григорьев А. Выборщики. Made in USA Что такое Коллегия выборщиков? Как она действует? [Электронный ресурс]. URL: golos-ameriki.ru (дата обращения: 01.08.2015).

6. Дюверже М. Политические партии: [пер. с фр.]. – М.: Академический Проект, 2000. – 558 с.

7. Кокусы в США [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/lib/14186566/> (дата обращения: 01.09.2015).

8. Основы теории политических партий: Учебное пособие / под ред. Заславского С.Е. – М.: Европа, 2007. – 264 с.

9. Процедура выборов президента США. Справка. 11.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20120111/536931706.html#ixzz3XGxQJnAz> (дата обращения: 11.08.2015).

10. Процедура выдвижения кандидатов на выборы президента США. Справка [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/us_spravki/20081027/153858888.html (дата обращения: 12.08.2015).

11. Система первичных выборов (праймериз) в США. Справка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20120111/536888038.html#ixzz3XqVKUblk> (дата обращения: 12.08.2015).

1. Amerikanske politicheskie partii i izbiratel'naya sistema [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://polit.ru/article/2004/10/28/usa/> (дата обращения: 01.08.2015).

2. Borodin V.A. Pervichnye vybory v politicheskoy sisteme SShA // SShA-Kanada: e'konomika, politika, kultura. 2004. № 1. С. 113–127.

3. B'yue'll E'. Arxaichny, no adaptivny. O politicheskix partiyaх SShA // Polis. 1996. № 1. С. 138–150.

4. Vybory v SShA. Kollegiya vyborshhikov. Spravka. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://news.rambler.ru/16246355/> (дата обращения: 21.08.2015).

5. Grigor'ev A. Vyborshhiki. Made in USA Chto takoe Kollegiya vyborshhikov? Kak ona dejstvuet? [E'lektronnyj resurs]. URL: golos-ameriki.ru (дата обращения: 01.08.2015).

6. Dyuverzhe M. Politicheskie partii: [per. s fr.]. – М.: Akademicheskij Proekt, 2000. – 558 s.

7. Kokusy v SShA [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://lenta.ru/lib/14186566/> (дата обращения: 01.09.2015).

8. Osnovy teorii politicheskix partij: Uchebnoe posobie / pod red. Zaslavskogo S.E. – М.: Evropa, 2007. – 264 s.

9. Procedura vyborov prezidenta SShA. Spravka. 11.01.2012. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://ria.ru/spravka/20120111/536931706.html#ixzz3XGxQJnAz> (дата обращения: 11.08.2015).

10. Procedura vydvizeniya kandidatov na vybory prezidenta SShA. Spravka [E'lektronnyj resurs]. URL: http://ria.ru/us_spravki/20081027/153858888.html (дата обращения: 12.08.2015).

11. Sistema pervichnyx vyborov (prajmeriz) v SShA. Spravka. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://ria.ru/spravka/20120111/536888038.html#ixzz3XqVKUblk> (дата обращения: 12.08.2015).

1. Американские политические партии и избирательная система [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2004/10/28/usa/> (дата обращения: 01.08.2015).

2. Бородин В.А. Первичные выборы в политической

UDC 324

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ELECTION OF THE PRESIDENT OF THE UNITED STATES AND THE RUSSIAN FEDERATION

Mukhametov Ruslan Salihovich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
candidate of political Sciences,
associate Professor of the Department of theory and history of political science,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the comparison of the presidential elections in the United States and Russia. The author identifies the main distinguishing features of the presidential race. Much attention is paid to the institutions of primary elections in the United States. The article said that the primaries is a unique feature of the political system of the country. The author gives a detailed analysis of the organizational structure of political parties in the United States and Russia.

Key words:

President, elections, primaries, the U.S. political system, the political system of the Russian Federation.

УДК 141

ПЕРВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ПО МАРКСИЗМУ В ПЕКИНЕ: ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ*

Кондрашов Петр Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Аннотация

В статье говорится о целях и основных темах Первого Всемирного конгресса по марксизму, который прошел 10–11 октября 2015 г. в Пекине (Китай). Автор делится личными впечатлениями о дебатах, состоявшихся на конгрессе, отмечает наиболее интересные доклады. В статье приводятся фрагменты доклада автора «Идеи К. Н. Любутина и Уральская школа марксизма», прочитанного им на конгрессе.

Ключевые слова:

марксизм, Всемирный конгресс по марксизму, Алекс Каллиникос, Самир Амин, китайский опыт развития марксизма, Уральская школа марксизма, глобальная экономика.

Крупным интеллектуальным событием 2015 года стал Первый Всемирный конгресс по марксизму (First World Congress on Marxism), который прошел в Китае 10–11 октября на базе Школы марксизма Пекинского университета.

На конгресс были приглашены более 400 ученых-марксистов из 20 стран мира (количество очных участников – 250 чел.). В течение двух дней более 100 участников выступило с докладами по теме: «Происхождение и развитие марксизма» (The origin and development of Marxism).

Среди ключевых тем, предлагаемых к обсуждению, следующие: Марксизм и глобальная экономика; Путь развития отсталых государств и марксизм; Марксизм и научная культура.

Одна из целей конгресса – демонстрация жизнеспособности марксизма в современном мире. Другая основная цель – изучение китайского опыта в освоении и развитии марксистского учения.

Участниками конгресса были предприняты попытки объединения марксистски ориентированных ученых («Марксисты всех стран, объединяйтесь») и организации совместного осмысления опыта социалистических преобразований в разных странах (СССР, странах Восточной Европы, Китае, Латинской Америке, Африке, Азии). В задачи конгресса входила не только критика современной глобализации «по-американски», но и разработка *положительного* проекта социалистической альтерглобализации.

* Сокращенный вариант статьи под названием «С Марксом в глобальное будущее» был опубликован автором в газете «Наука Урала» (декабрь 2015, № 23–24)

На Конгрессе было принято решение о проведении подобных форумов каждые два года в Пекинском университете. Следующий Конгресс предполагается провести в 2018 г. Он будет посвящен двум знаменательным датам в истории марксизма – 200-летию со дня рождения Карла Маркса и 170-летию выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии».

В целях объединения разнообразных направлений деятельности марксистских ученых было принято решение об основании и издании в Пекине англоязычного журнала «*World Studies on Marxism*».

В работе конгресса приняли участие такие известные марксисты, как Самир Амин, Алекс Каллиникос, Том Рокмор, Шон Сэйерс, Джон Рёмер, Дэвид Котц, Майкл Лебовитц, Карл Ратнер, Рольф Хеккер, Михаэль Брие, Майкл Хадсон, Пол Блэкледж, Мария МакГавиган, Родни Пеффер, Тиэрно Диоп, Родерик МакФаркар, Портер Оллман. Российских марксистов представляли известные представители: Александр Бузгалин, Андрей Колганов, Людмила Булавка (Москва). Институт философии РАН представляли Владилен Буров и Владимир Шевченко (Москва). От лица Института философии и права УрО РАН на конгрессе с докладом «Уральская школа марксизма» выступил автор настоящей статьи.

Конгресс отличался высоким организационным уровнем: продуманная встреча в аэропорту, наличие прекрасно говорящих на русском и английском языках эскорт-переводчиков, в роли которых выступили волонтеры – студенты факультета русского языка и литературы Пекинского университета, синхронный перевод, пятизвездочный отель, насыщенная культурная программа. Однако самое большое впечатление произвела широко представленная палитра мирового марксистского племени, и, конечно же, запомнились замечательные доклады, а также живые дискуссии, дающие возможность непосредственно общаться с классиками современного марксизма.

В целом конгресс был посвящён теме «Марксизм и развитие человечества», что предопределило тематику секций (panel session). На секции «Текстуальные исследования

классических марксистских работ» наибольший дискуссионный накал вызвали доклады М. Брие, Р. Хеккера и В. Хауга о необходимости новых критических изданий и переводов произведений Маркса и Энгельса. Особенно яростным был спор между Г. Цаголовым и П. Кондрашовым о переводе одного места из «Парижских рукописей 1844 года» Маркса: первый защищал имеющийся («экономический») перевод «Родовая жизнь человека есть **производственная** жизнь», в то время как второй настаивал на недопустимости подобного перевода, и предлагал «прочитать» Маркса «гуманистически»: «Родовая жизнь человека есть **продуктивная** жизнь», ибо у самого Маркса стоит именно «**produktiv Leben**». Если мы всегда читали у Маркса о том, что наша родовая человеческая сущность – это «производственная жизнь», то и думали в соответствие с этим, что Маркс (да и марксизм в целом) – это какая-то бесчеловечная теория, апология всеобщей фабрики, в которой отдельные люди – это «винтики» огромной машины... А ведь такое «прочтение» Маркса – это дело рук «толмачей» сталинской эпохи, которые в своих переводах работ основоположников пытались отразить дух своей тоталитарной эпохи индустриализации. Действительно, прав был Маркс: «общественное бытие определяет общественное сознание»! А ведь у самого Маркса речь идёт совсем о противоположном: родовая сущность человека – это продуктивная жизнь, творчество, приносящее удовольствие и радость полноты бытия... Вот так. И таких «ляпов», обесчеловечивающих мысль Маркса, в советских переводах великое множество. При этом следует отметить, что гуманистическая интерпретация Маркса сегодня более востребована, чем интерпретация «экономическая» и даже «политическая».

Интереснейший доклад, связанный как раз с новым прочтением «Капитала», сделал Алекс Каллиникос, профессор Центра Европейских Исследований в Королевском Колледже Лондонского университета – один из крупнейших теоретиков-марксистов в мире, близкий к троцкизму, автор «Антикапиталистического манифеста» [4]. Внешне совершенно неэмоциональный человек, он сказал: «Лет пять

назад я был в ЮАР, рядом со своей родиной. В Йоханнесбурге я посетил музей апартеида – удивительный памятник системе расового угнетения в Южной Африке. Около музея я расплакался, потому что осознал, что апартеида больше нет... Конечно, в мире есть и другие проблемы, но этой уже не существует. Это был чудесный момент. Мне бы хотелось однажды, возможно через несколько десятилетий, сходить в музей капитализма». При этом стоит учесть то, что сам А. Каллиникос родился в Южной Родезии (ныне Зимбабве) и рос в условиях, близких к апартеиду.

Особенно хотелось бы выделить очень эмоциональный доклад Людмилы Булавки, в котором она провела сравнительный анализ взаимодействия рынка и культуры, показала, что в некоторых традиционных обществах (Восток, Китай) рынок выступал в качестве целой культуры, в социалистическом (советском и современном китайском) обществе рынок и культура переплетались, а в современном капиталистическом обществе культура превращается в рынок, когда нет больше творческого процесса, а есть только рыночное производство и потребление престижных товаров. Творчество (в том числе и научное) превращается в процесс «делания», а результаты деятельности творческих людей оцениваются в рамках логики капитализма по количественным параметрам (гонорарам, кассовым сборам), в науке – по наукометрическим критериям вроде индекса Хирша.

Работа ряда секций была посвящена осмыслению опыта социалистических преобразований в разных странах: Китайский путь и рыночный социализм; Теория управления государством Дэн Сяопина и развитие китайизированного марксизма; Пути развития стран «Третьего мира» и марксизм; Марксизм и история современного Китая.

Здесь были представлены очень интересные и содержательные доклады о национальных и региональных моделях и путях применения марксистской теории для построения социально ориентированного государства в Китае и в других регионах Азии, а также в странах Латинской Америки и Африки.

Больше всего обсуждались успехи и провалы (!!!) китайского опыта. Много внимания уделялось также истории Советского Союза, при этом советский опыт на конгрессе рассматривался как один из наиболее интересных. Показательно, но именно российские участники конгресса больше всего критиковали советскую модель социализма (особенно эпохи Сталина и Горбачёва), в то время как китайские товарищи очень взвешенно судили советский опыт построения социализма.

Ожесточённая дискуссия развернулась в отношении таких одиозных представителей марксизма и лидеров коммунистических режимов, как И. В. Сталин, Пол Пот, Мао Цзэдун времён «культурной революции», а также – по поводу хунвейбинов. С нашей точки зрения, данные исторические деятели никакого отношения к собственно Марксу не имеют. Более того, именно ГУЛАГ, красные кхмеры и хунвейбины настолько дискредитировали само слово «марксизм», что иногда так и хочется воскликнуть вслед за Марксом: «Если они – марксисты, то тогда я точно не марксист!».

Единственным из наиболее авторитетных участников конгресса, который с полной серьёзностью отнесся к идеям Мао, был Самир Амин. Он увидел в тактике Мао Цзэдуна залог успеха на долгом пути перехода к социализму. Сегодня, говорил Амин, странам Третьего мира нельзя отказываться от национально-освободительного движения и встраиваться в глобальный капитализм, подчиняясь его логике.

Однако большинство китайских участников Конгресса придерживались иного мнения о фигуре Мао Цзэдуна. Безусловно, все серьёзные китайские философы-марксисты понимают, что Мао как теоретик был слаб, его идеи к марксизму почти никакого отношения не имели, но для них – Мао – это не мыслитель, а символ революции. Его не цитируют, но и не критикуют огульно, как это у нас в стране произошло в период перестройки с Лениным и Сталиным. Приведу личный пример: когда я направил текст доклада в Китай с фразой о том, что «представители Уральской школы марксизма считают философию Маркса критической,

творческой и открытой философской системой, и поэтому выступают против любых форм догматического марксизма, таких как сталинизм, марксизм-ленинизм, маоизм, троцкизм и т. д.», то мне в ответ прислали весьма лестный положительный отзыв о докладе, но с просьбой убрать упоминание «маоизма» из перечисления догматических форм марксизма. Сознаюсь, пришлось наступить на горло собственной песне... Но тем более было интересно и поразительно на докладах слышать о синтезе марксизма, маоизма с конфуцианством в практике современного китайского менеджмента!!! И самое удивительное, что многие идеи конфуцианского прочтения марксизма по ряду принципов совпадают с системами, которые были разработаны в рамках западного и японского менеджмента (Kaidzen, 6σ, Toyota, 5S, Lean). Более того, – и здесь сказало действительный интерес китайцев к опыту Советского Союза, – оказалось, что в современном китайском менеджменте используются наработки советского Центрального института труда.

Другой аспект обсуждения марксизма был связан с анализом насильственного или мирного перехода к социализму в разных странах. Хотя на конгрессе присутствовали и радикальные сторонники насилия, тем не менее, в свете китайского и латиноамериканского опыта большинство участников конгресса склонялось к мирной модели постепенного перехода к полному социализму через социализм рыночный.

Наибольший накал дискуссии возник во время спора А. В. Бузгалина и Д. Котца о том, является ли коммунизм обществом будущего, или это «движение, которое совершается сейчас» в виде небольших «прорывов», «очагов», в которых формируются некапиталистические, нерыночные отношения между людьми, формы повседневного быта и искусства. Эти локусы не-капиталистической системы внутри капитализма Джон Холлоуей (который сам не присутствовал на конгрессе, но его идеи витали в воздухе) назвал «трещинами», считая, что капитализм – это не некое будущее общество, а то, «что уже здесь».

Чтобы было понятно, о чём идёт речь, поясним эту удивительную мысль. Например,

в одной телевизионной дискуссии с Алексом Каллиникосом и Славоем Жижекком Джон Холлоуей привёл такой пример: «Если мы хотим коммунизма, и мы – коммунисты, то надо понимать, что коммунизм уже здесь. Я говорю об этом, потому что сам видел шокирующий пример. Около 10 дней назад я читал речь в Афинах в общественном парке. Это большой парк в центре города, рядом с тем местом, где полиция застрелила 15-летнего Алексиса Григорополиса в декабре 2008. Среди всех восстаний, последовавших за убийством, было взятие парковки недалеко от места убийства, в центре города. Восставшие снесли стены парковки и переделали её в красивый сад, которым пользуются жители окрестных домов, дети. Первый раз, когда я пришел туда, я подумал: «Это коммунизм, это – революция». И я считаю, что это и есть коммунизм, это именно то, что означает коммунизм. В-первую очередь, потому что сад – символ «Нет», символ «Хватит! Мы не можем дальше жить в капиталистическом мире, создавая и воссоздавая его, потому что он разрушает наше общество очень быстро. Мы должны разорвать эту цепь капитализма сейчас, а не когда-то потом».

Этот отказ продолжать капитализм был основной идеей создания сада. Но этот отказ, этот гнев превратился в созидание, не просто бесконечное отрицание, бесконечное противление. Трансформация гнева в перемены в Афинах, и эта перемена замечательна по двум причинам. Во-первых, этот сад символизирует то, что нужны перемены не только в наших социальных отношениях, но также и в наших отношениях с другими формами жизни. Антикапитализм, коммунизм должен быть основан на других отношениях с растениями и животными, которые нас окружают.

Во-вторых, этот сад создает другие аспекты социальных отношений, это процесс создания трещины в логике капиталистического социального единения. Можно представить себе строителей парка, устанавливающих символические таблички «Капитализму вход воспрещен» вокруг сада, здесь мы создаем что-то другое, новое. Здесь мы не будем делить землю по цене за квадратный метр, здесь мы

будем оценивать землю по радости, которую она доставляет нам и нашим детям.

Это некапиталистические социальные отношения, которые противоречат логике капитализма, они сознательно создают отношения, которые асимметричны капиталистическим, отношения горизонтальности, сотрудничества, дружбы, любви. Отношения, которые не укладываются в логику капитализма. Это общественное строение, которое развивает традиции общности антикапитализма, новый путь, на котором движение пытается само организовываться, принять горизонтальные решения, которые вовлекут в борьбу всех. Сад можно воспринимать как коммунистическое пространство. Коммунизм – это не далекое будущее, ведь мы даже не знаем, будет ли это будущее. Коммунизм существует в щелях капитализма, в щелях капитала, коммунизм существует внутри, против и за пределами капитализма.

Как они создали и поддерживают это общее пространство? Это единственное видение революции, единственное возможное восприятие революции: создание, расширение умножение таких общих пространств, таких трещин доминирования капитализма... Подобные примеры существуют повсюду. Народ создает подобные пространства, запретные зоны, в которые они не пускают капитализм, где они развивают свою жизнь согласно другой логике... И когда начинаешь думать о коммунизме таким образом, понимаешь, в мире существует не только доминирование, но и трещины, в которых виден коммунизм. Возможно, коммунизм – не совсем верное слово. Больше подходит «коммунирование» – процесс, в рамках которого народ пытается объединить общество. Коммунизм в полном смысле этого слова – мировая система, в которой мы все участвуем в управлении своей жизнью. Но на данный момент у нас есть эти только движения коммунирования.

По словам ряда видных исследователей левого толка, говоря о коммунировании, не стоит считать его проявления автономными, замкнутыми в себе, существует множество трещин разбегающихся в разные направления. И эти трещины сходятся воедино, часто так, как мы

не можем предположить. Поэтому когда мы говорим о радикальной социальной перемене, необходимо говорить о слиянии трещин [2].

Именно в этом контексте в ходе заседаний Конгресса много говорили о таких «странностях» марксистской теории, хорошо знакомых многим из нас по курсам научного коммунизма, как «отмирание государства» и «исчезновение денег». Сегодня никто не воспринимает эти «метафоры» как нечто такое, что необходимо применить сразу же после государственного переворота. Нет, и «отмирание», и «исчезновение» рассматриваются как целая историческая многовековая эпоха.

Единственное на чём сошлись все диспутанты – опыт построения социализма (и с человеческим лицом и без такового) в разных странах мира показывает, что социализм невозможно построить в «отдельно взятой стране», что социализм и коммунизм – это результат процесса глобализации. Именно анализу этого процесса были посвящены доклады, прозвучавшие на секциях «Марксизм и будущие направления развития мировых цивилизаций», «Марксизм и экономическая глобализация», «Марксизм как общая судьба всего человечества». В рамках этой группы секций конгресса развернулись споры о путях возможной социалистической глобализации, ибо в задачи конгресса входила не только критика современной глобализации «по-американски», но и разработка *положительного* проекта социалистической альтерглобализации.

Речь идёт именно об *альтер*-глобализме, а не о модном ныне *анти*-глобализме. На конгрессе этому было уделено очень много внимания. Дело в том, что именно Маркс в середине XIX века открыл закономерную тенденцию постепенного превращения капитализма в планетарный феномен.

Поэтому для любого марксиста глобализация – это нормальный, естественно-исторический процесс, который неолиберальные идеологии «открыли» только в конце XX столетия. Для марксистов речь теперь идет о том, что неолиберальная модель глобализационного процесса сегодня зашла в тупик, и в связи с этим открывается перспектива роста

популярности левых (в том числе марксистских) идей. Более того, ни социал-демократы западного образца, ни анархисты, ни троцкисты не в состоянии предложить по-настоящему *глобальный альтернативный проект нового мироустройства*. К этому способен только творческий и критический марксизм. И что самое главное – в марксизме всячески подчёркивалось его *гуманистическое* содержание, в противовес антигуманизму сталинизма.

Интересную точку зрения на глобализацию выдвинул на открытии конгресса один из самых известных марксистских политологов и экономистов в мире – египтянин Самир Амин. Он считает, что отдельные страны (прежде всего развивающиеся, находящиеся на периферии мировой капиталистической системы) должны стремиться в первую очередь к национальному и региональному освобождению, не втягиваться в сферу подчинения странам Триады (США – Евросоюзу – Японии), а противостоять им, что приведёт к демонтажу всей мировой системы («отсоединению» от неё), а только потом начнётся восстановление мировой системы, но уже исходя из новых общественных отношений, с перспективой на преодоление капитализма. Именно по такому пути сейчас идут страны Азии и Латинской Америки. Но в Европе левые надеются на преобразование международных институтов (вроде ООН, евро) в «социалистическом» духе, что приводит только к продлению коллапса империализма. Более того, проводя аналогию между современным положением дел и эпохой прихода нацистов к власти, развязывания Второй мировой войны, С. Амин говорит, что если бы европейцы спохватились в 1935 или 1937 году, то они могли бы остановить нацистское безумие. Поэтому марксисты обязаны действовать *прямо сейчас*, чтобы остановить и уничтожить угрозу Вашингтонских неонацистов, которые постепенно втягивают мир в новую мировую войну через развязывание локальных и региональных конфликтов (Ближний Восток, Афганистан, Ирак, Югославия, Египет, Ливия, Сирия).

И вот на фоне этих настроений весьма актуально звучали на конгрессе основные идеи

уральских марксистов о том, что в современном глобализирующемся мире, в котором наблюдается рост и радикальная диверсификация отчуждения и бесчеловечности, марксисты должны в первую очередь ориентироваться на *социально-антропологическую теорию Маркса*, а не на сциентистскую онтологию и гносеологию «диалектики природы» Ф. Энгельса; *на учение Маркса о практике* – единой материальной и духовной преобразующей деятельности человека, представляющей собой одновременно и сущность общественного человека, и способ его бытия-в-мире, посредством которой можно не только объяснять, но и изменять мир; на представление теории Маркса как открытой критической теории социального праксиса.

Очень заинтересовали участников конгресса и такие оригинальные идеи и направления научной деятельности уральских марксистов, как реконструкция философской антропологии Карла Маркса, выявление проблемы повседневности в философии классического марксизма, анализ историчности на всех уровнях социального и индивидуального бытия, экспликация экзистенциальных аспектов философии Маркса, историко-философское исследование особенностей советских версий марксизма, исследования в области метафилософии (особенно в связи с пересмотром в Китае программ по преподаванию марксистской философии и в свете её радикальной гуманизации).

Далее приводятся фрагменты из нашего доклада «**Идеи К. Н. Любутина и Уральская школа марксизма**», прочитанного на Пекинском конгрессе по марксизму.

Введение: общая информация

Уральская школа марксизма начала складываться вокруг проф. К. Н. Любутина в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века в двух научных центрах Урала: на кафедре истории философии философского факультета Уральского государственного университета (ныне УрФУ), основателем и заведующим которой он был до самого последнего времени, и в Институте философии

и права Уральского отделения РАН, созданном в 1988 году при его непосредственном участии. Сама по себе школа первоначально складывалась стихийно, и только в последние пять-семь лет она начинает более-менее целенаправленно рефлексировать о своем внутреннем единстве и заявлять о себе как некоем свершившемся факте [5].

Основными представителями Уральской школы марксизма, внесшими наибольший существенный вклад в её становление, помимо Любутина К. Н., являются Вершинин С. Е., Гайда А. В., Жукоцкий В. Д., Кондрашов П. Н., Коряковцев А. А., Мошкин С. В., Русаков В. М., Скоробогачкий В. В., Шихардин Н. В.

Географически школа охватывает в основном уральский регион: Екатеринбург (К. Н. Любутин, П. Н. Кондрашов, А. А. Коряковцев, С. Е. Вершинин, В. М. Русаков, С. В. Вискунов), Челябинск (Г. М. Брагин, В. С. Невелева), Курган (Н. В. Шихардин) и Нижневартовск (В. Д. Жукоцкий, Р. А. Бурханов).

Основные идеи Уральской школы марксизма

1. В своей работе представители Уральской школы марксизма ориентируются на *социально-антропологическую теорию Маркса*, а не на сциентистскую онтологию и гносеологию «диалектики природы» Ф. Энгельса (хотя значение этих идей Энгельса не отрицается нами, ибо социальное и психическое бытие и его диалектика фундированы в органической и неорганической природе, но даны в их структурах только через человеческую деятельность). Как нам представляется, отличительной чертой философии К. Маркса, в отличие от сциентистской позиции Ф. Энгельса, в рамках единой традиции материалистической диалектики является философско-антропологический подход к анализу общества, базирующийся на деятельностном, праксеологическом и диалектическом истолковании сущности человека.

2. *Праксис* (материальная и духовная преобразующая деятельность) есть одно-

временно и сущность человека, и способ его бытия-в-мире, механизм производства и перманентного воспроизводства индивидуального и общественного бытия. Всё содержание и все структуры социального бытия суть либо сама деятельность, либо её результаты, стороны и т. д. Понять человеческое общество в его статике и динамике можно только через анализ праксиса, осуществляемого людьми в обществе. Поэтому именно деятельностная теория и составляет, на наш взгляд, основу марксовской философии, которая есть *философия практики*. В этом смысле онтологической основой марксовской философии является не онтология материи/сознания, а *онтология социального праксиса*.

3. Философия Маркса есть *одновременно* и мировоззрение, и наука. В качестве мировоззрения она, как и всякая иная подлинная философия, отвечает на вопросы о сущности человека, смысле его бытия и его места в мире, т. е. она с необходимостью включает в себя антропологическую и социальную составляющие. В качестве науки философия Маркса эксплицирует закономерности человеческого бытия в мире посредством определённой методологии. В силу же того, что Маркс рассматривает человеческое бытие как преобразующую деятельность, то закономерностями этого бытия оказываются имманентные закономерности самой деятельности, развёртывающейся в истории, т. е. являются закономерностями социально-исторического процесса. Философия в этом смысле понимается нами как общая теория диалектического взаимодействия между субъектом и объектом [10].

4. Мы рассматриваем Маркса в качестве гуманистически ориентированного мыслителя, основной задачей которого являлось освобождение человечества от всех форм бесчеловечности и угнетения. И в этом отношении проблема *отчуждения* и его преодоления является для Уральской школы приоритетной.

5. Марксизм – *открытая творческая философская система*, поэтому мы против догматических форм марксизма: сталинизма, советского марксизма-ленинизма, маоизма, троцкизма и т. п. В большей степени наши

исследования опираются на традиции, заложенные (помимо самого Маркса) Э. Фроммом, Г. Маркузе, Э. Блохом, Э.В. Ильенковым, М. Лифшицем, К. Коршем, Г. Лукачем, югославской группой «Praxis».

Основные идеи Константина Любутина

Научные интересы К.Н. Любутина весьма широки. Среди них:

Проблема субъекта и объекта. Любутин сформулировал гипотезу, согласно которой современная философия, в сущности, предстает в качестве *общей теории субъекта и объекта*. Она раскрывается как многоуровневая теория, включающая в себя иерархию разнообразных субъектов и объектов (человечество – часть природы, социальные общности: семья, социальная группа, класс, нация; индивид как субъект и объект). Любутин убедительно показал, что механизм взаимодействия субъекта и объекта (субъекта и субъекта) на каждом уровне (общее, особенное, единичное), как минимум, включает практическое, познавательное и ценностное отношения.

Философская антропология К. Маркса и марксизма в целом. К.Н. Любутин одним из первых поставил вопрос о наличии марксистской философской антропологии и марксистского гуманизма и дал ему концептуальное обоснование. Как известно, в советской философии до середины 80-х годов отвергалась сама мысль о возможности марксистской антропологии. К.Н. Любутин детально обосновал идею о том, что философия К. Маркса, в отличие от сциентистской философии Ф. Энгельса, представляет собой философское учение о человеке (антропологию в широком смысле), которая развёртывается у него в социальную философию (материалистическое понимание истории) и философию будущего. Такая структуризация марксовой философии является радикально новаторской, особенно на фоне господствовавшего тогда представления о строгом членении марксистской философии на диалектический и исторический материализм, а также представления о монолитном единстве философии классиков марксизма.

Другой круг идей связан с выявлением специфики современной западноевропейской философской антропологии. Исследуя предпосылки философской антропологии, как течения, окончательно сложившегося после Второй мировой войны, Любутин поставил под сомнение традиционную характеристику философии И. Канта второго периода как ориентированную гносеологически. Философия Канта перерастает в философскую антропологию с ее основным вопросом «Что такое человек?». К.Н. Любутин показал, что развитие философского человековедения далее пошло двумя путями. С одной стороны, Маркс следует Фейербаху, создавая философию практики, которая и есть философия человеческой жизни, философская антропология (тогда как философские воззрения Энгельса были окрашены «космически»). С другой стороны, философское человековедение, ориентированное идеалистически, вылилось в современную, прежде всего немецкоязычную философскую антропологию, представленную двумя ветвями: биологизаторской и функционалистской.

История философии. К.Н. Любутин – прежде всего историк философии. В этой области философской науки ему принадлежит заслуга постановки вопроса о специфике русского и советского марксизма, что нашло своё отражение в серии публикаций («Российские версии марксизма»), посвящённых анализу таких мыслителей, как В. Ленин, М. Горький, А. Луначарский, А. Богданов, И. Сталин и др. К.Н. Любутин показывает внутреннее многообразие отечественного марксизма советского периода и опровергает стереотип о его былом монолитном единстве и догматизме. Разработка этой темы ведется им без перечеркивания советского прошлого и собственных идей, но в то же время с современных позиций. Другая сторона историко-философских интересов К.Н. Любутина – история немецкой классической философии, особенно в лице И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха. И, наконец, третья сторона – работы, посвященные неомарксизму, в частности изучению идей Франкфуртской школы (особенно

Э. Фромма). Можно сказать, что именно работы К.Н. Любутина способствовали появлению интереса к идеям неомарксистов, например, к творчеству Э. Блоха.

Метафилософия. К.Н. Любутин многие из своих исследований посвятил теме анализа сущности самой философии, поиску её специфического предмета, что выразилось в курсах его лекций и преподавательской деятельности. Философию К.Н. Любутина рассматривает в качестве диалектического единства её научной и мировоззренческой сторон. Но в любом случае всякая философия – это всегда попытка так или иначе, в соответствии с «духом времени», ответить на вопрос: «Что такое человек?», а значит, показать специфику связи человека и мира.

Советские версии марксизма

Большое внимание уральскими марксистами уделяется исследованию истории советского марксизма [12]. В очерках, посвященных отечественной философии советского периода (которые выходят под рубрикой «Российские версии марксизма»), раскрываются особенности философских взглядов А.А. Богданова [8], А.В. Луначарского [13], В.И. Ленина [6], Н.И. Бухарина [11], А.М. Горького [7], Л.Д. Троцкого [3], А.А. Зиновьева [9] и В. Сталина [1], участников философских дискуссий 20–50-х гг. XX в., авторов крупнейших работ по вопросам философии, опубликованных в советский период.

1. Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. Марксизм Иосифа Сталина: Философско-политологические этюды. – Екатеринбург, 2001.

2. Жижек, Каллиникос, Холловэй: Идея коммунизма. Июль 2010 г. Ежегодная конференция, организованная Социалистической Рабочей Партией Великобритании // http://philosophytoday.ru/2011/04/29/zizek_callinicos_holloway_idea_communisma.htm.

3. Иванов А. Путь России к социализму: точка зрения Льва Троцкого // Марксизм и Россия. – М., 1990. С. 114–163.

4. Калиникос А. Антикапиталистический манифест. – М.: Практикс, 2005. – 192 с.

5. Кондрашов П.Н., Коряковцев А.А. Академические философские исследования на Урале: обзор ключевых направлений за четверть века (1988–2012 гг.) // Философия

и общество. Выпуск № 2 (74). 2014. С. 163–179.

6. Любутин К.Н. В.И. Ленин // Русская философия IX–XX вв. – Екатеринбург, 1992. Ч. 2. С. 81–98.

7. Любутин К.Н. Герои и еретики: Максим Горький // Екатеринбургский гуманитарий, 1999. № 1. С. 35–43.

8. Любутин К.Н. Российские версии марксизма: Александр Богданов. – Екатеринбург, 2000.

9. Любутин К.Н. Социальная философия А. Зиновьева: к осмыслению концепции общества // Социально-гуманитарные знания, 2004, № 1. С. 305–329.

10. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Философия как общая теория субъекта и объекта // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 9. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 7–22.

11. Любутин К.Н., Мошкин С.В. Российские версии марксизма: Николай Бухарин. – Екатеринбург, 2000. – 206 с.

12. Любутин К.В., Русаков В.М. Отечественная философия советского периода. Очерки. Ч 1. Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2001. – 314 с.

13. Любутин К.Н., Франц С.В. Российские версии марксизма: Анатолий Луначарский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 170 с.

1. Gajda A. V., Lyubutin K. N., Moshkin S. V. Marksizm Iosifa Stalina: Filozofsko-politologicheskie e'tyudy. – Ekaterinburg, 2001.

2. Zhizhek, Kallinikos, Xollove'j: Ideya kommunizma. Iyul' 2010 g. Ezhegodnaya konferenciya, organizovannaya Socialisticheskoy Rabochej Partiej Velikobritanii // http://philosophytoday.ru/2011/04/29/zizek_callinicos_holloway_idea_communisma.htm.

3. Ivanov A. Put' Rossii k socializmu: tochka zreniya L'va Trockogo // Marksizm i Rossiya. – M., 1990. S. 114–163.

4. Kalinikos A. Antikapitalisticheskij manifest. – M.: Praxis, 2005. – 192 s.

5. Kondrashov P.N., Koryakovcev A.A. Akademicheskie filozofskie issledovaniya na Urale: obzor klyuchevyx napravlenij za chetvert' veka (1988–2012 gg.) // Filozofiya i obshhestvo. Vypusk № 2 (74). 2014. S. 163–179.

6. Lyubutin K.N. V.I. Lenin // Russkaya filozofiya IX–XX vv. – Ekaterinburg, 1992. Ch. 2. S. 81–98.

7. Lyubutin K.N. Geroi i eretiki: Maksim Gor'kij // Ekaterinburgskij gumanitarij, 1999. № 1. S. 35–43.

8. Lyubutin K.N. Rossijskie versii marksizma: Aleksandr Bogdanov. – Ekaterinburg, 2000.

9. Lyubutin K.N. Social'naya filozofiya A. Zinov'eva: k osmysleniyu koncepcii obshhestva // Social'no-gumanitarnye znaniya, 2004, № 1. S. 305–329.

10. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Filozofiya kak obshhaya teoriya sub'ekta i ob'ekta // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filozofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Vyp. 9. Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. S. 7–22.

11. Lyubutin K.N., Moshkin S.V. Rossijskie versii marksizma: Nikolaj Buxarin. – Ekaterinburg, 2000. – 206 s.

12. Lyubutin K.V., Rusakov V.M. Otechestvennaya filozofiya sovetskogo perioda. Oчерki. Ch 1. Ekaterinburg: Izd-vo UrGSXA, 2001. – 314 s.

13. Lyubutin K.N., Franc S.V. Rossijskie versii marksizma: Anatolij Lunacharskij. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. – 170 s.

UDC 141

FIRST WORLD CONGRESS ON MARXISM IN BEIJING: GLOBAL FUTURE

Kondrashov Pjotr,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Ph.D.,
Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Annotation

The article describes the purpose and main themes of the First World Congress on Marxism, which was held on 10–11 October 2015 in Beijing (China). The author shares his personal impressions of the debate held at the congress, notes the most interesting reports. The article presents fragments of the author's report «Ideas of K. N. Lyubutin and Ural School of Marxism», read at the congress.

Key words:

Marxism, the World Congress on Marxism, Alex Callinicos, Samir Amin, the Chinese experience in the development of Marxism, Ural School of Marxism, the global economy.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА И ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ» НА VII РОССИЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

АНОО Уральский финансово-юридический институт,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Сегодня нет особенной необходимости говорить о широте и размахе исследований различных аспектов комплекса явлений жизни современного общества, получившего наименование «мобильность». Потребность в мировоззренческом и методологическом анализе данного явления породила целую «философию мобильности» [1]. Неудивительно, что уральские ученые, всегда стремящиеся «держать руку на пульсе» современной мысли, значительное внимание уделили этой проблематике и добились включения этой темы в программу работы VII Российского философского конгресса «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.) в качестве темы круглого стола: «Философия, культура и дискурс мобильности» (Руководители: д. полит. н., проф. О. Ф. Русакова; д. полит. н., доц. М. А. Фадеичева, д. с. н., проф. Т. П. Моисеева) [2]. По теме было заявлено более 30 докладов и выступлений. На заседании круглого стола были заслушаны: программный доклад О. Ф. Русаковой «Дискурс мобильности: философско-теоретический ана-

лиз», в котором она сформулировала отчетливо наметившиеся в современной методологической литературе главные аспекты феномена мобильности и их изучения в рамках методологии дискурс-анализа. Затем с докладом «Интеллектуальная мобильность в глобальном мире» о новой стороне феномена мобильности в современном обществе выступила к. филос. н., доц. И. В. Гладкова (Екатеринбург). Она предприняла попытку раскрыть понятие интеллектуальной мобильности в контексте современной культуры и сформулировать основные ее характеристики, а также указать на ряд возникающих в этом плане проблем, порождаемых развитием технологий и средств коммуникации [3]. В докладе к. филос. н., доц. К. С. Романовой (Екатеринбург) «Социальные лифты как средство социальной мобильности» была подвергнута анализу проблема так называемой «вертикальной» мобильности, впервые фундаментально поставленная П. А. Сорокиным. Особо было отмечено, что разрушение системы социальных лифтов приводит к деградации общества, потому что без них невозможно ни выстроить современное общество, ни запустить

механизмы экономического роста [4]. К. п. н., доц. Н. М. Самаркина (Екатеринбург) в своем докладе «Проблема социальной мобильности и самоидентификации современной российской молодежи» подняла исключительной важности для современного российского общества проблему – с кем склонна идентифицировать себя сегодняшняя российская молодежь и почему? Докладчик предпринял попытку наметить основные тенденции обеспечения самоидентификации молодежи, используя гуманитарные ресурсы российского образования [5]. Молодые ученые вызвали не менее значительный интерес участников круглого стола, обратив внимание на ряд актуальных аспектов мобильности: аспирант Д. М. Ковба (Екатеринбург) квалифицированно рассмотрела «Фактор моб

ильности с точки зрения теории «мягкой силы» – так ею был назван доклад. В нем особо было указано, что различные виды мобильности могут выступать как показателями, так и источниками так называемой «мягкой силы» государства, к изучению которой сегодня

обращено немалое внимание исследователей [6]. Весьма интересным было выступление аспиранта Я. Ю. Моисеенко (Екатеринбург) с докладом «Мобильность как свойство массового конформистского сознания», в котором тот же феномен «мягкой силы» (soft power) был рассмотрен как ресурс глобального управления, результатом которого является унификация ценностных предпочтений акторов мировой политики, а залогом успешной имплементации ее выступает конформизм массового сознания [7]. Другой, не менее интересный аспект вертикальной мобильности рассмотрел аспирант К. К. Фурсов (Екатеринбург) в докладе «Проявление дискурса вражды в жанре автобиографии в рамках процесса вертикальной

политической мобильности» [8]. Докладчик «соединил» дискурс вражды и вертикальную политическую мобильность через исследование жанра автобиографии и мемуаров, произведения которого дают богатый объяснительный материал. Свообразным итогом заседания стал доклад д. филос. н., проф. В. М. Русакова (Екатеринбург) «Философия мобильности в современном мире», подготовленного им в соавторстве с О. Ф. Русаковой, в котором он затронул лишь одну сторону: эволюции современного общества от «человека ищущего» (Homo viator – в духе Г. Марсея) к сегодняшнему человеку «мобильному», подвижному, а чаще всего – мечущемуся в мучительных поисках ценностей и смыслов [9].

В заключение руководитель круглого стола

О. Ф. Русакова с сожалением отметила, что не все докладчики сумели найти необходимые силы и средства, для того, чтобы принять участие в работе VII-го РФК [10], но, к счастью, научный журнал «Дискурс-Пи» предоставил возможность опубли-

ковать полные тексты докладов, в частности, здесь можно ознакомиться с докладами д. полит. н., доц., ведущего научного сотрудника Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург) И. Б. Фан «Дискурс мобильности и проблематизация национального гражданства» [11], к. филос. н., доц. В. Н. Савина «Методологические проблемы изучения феномена мобильности в современном российском обществе» (в соавт. с Н. Б. Фатеевой) [12], аспиранта Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург) А. С. Исакова «Дискурс мобильности в исламе: политологический анамнез» [13], А. А. Коняева (Уральский финансово-юридический институт, Екатеринбург)

«Мобильность, стабильность, изменчивость» [14], В.А. Корнеевой (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург) «Виды и ресурсы спортивной мобильности как инструменты soft power в реализации интересов национальной и региональной политики стран» [15], Я.Е. Корелина (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург) «Дискурс мобильности и национализм» [16]. Кроме того, была выражена общая благодарность участников круглого стола администрации Уфимского государственного авиационно-технического университета за оказанный теплый прием и качественное обеспечение техническими средствами.

1. В.М. Русаков, О.Ф. Русакова. Философия мобильности в современном мире // Дискурс-Пи. Научный журнал. № 2 (19) Октябрь 2015. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2015. С. 10–18.
2. <http://rfk2015.bashedu.ru/programma-kongressa>.
3. И.В. Гладкова // Дискурс-Пи. Научный журнал. № 2 (19) Октябрь 2015. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2015. С. 19–23.
4. К.С. Романова // Там же. С. 30–34.
5. Н.М. Самаркина // Дискурс-Пи. Научный журнал. № 1 (18) Июнь 2015. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2015. С. 125–128.
6. Д.М. Ковба // Дискурс-Пи. Научный журнал. № 2 (19) Октябрь 2015. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2015. С. 53–56.

7. Я.Ю. Моисеенко // Там же. С. 39–46.
8. К.К. Фурсов // Там же. С. 47–52.
9. В.М. Русаков, О.Ф. Русакова // Указ. соч. С. 10–18.
10. Представленные тесты докладов (тезисы) опубликованы: <http://rfk2015.bashedu.ru/novosti/materialy-kongressa>.
11. И.Б. Фан // Указ. соч. С. 24–29.
12. В.Н. Савин, Н.Б. Фатеева // Указ. соч. С. 35–38.
13. А.С. Исаков // Указ. соч. С. 57–63.
14. А.А. Коняев // Указ. соч. С. 72–74.
15. В.А. Корнеева // Указ. соч. С. 64–71.
16. Я.Е. Корелин // Указ. соч. С. 78–81.

1. V.M. Rusakov, O.F. Rusakova. *Filosofiya mobil'nosti v sovremennom mire* // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. № 2 (19) Oktyabr' 2015. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2015. S. 10–18.
2. <http://rfk2015.bashedu.ru/programma-kongressa>.
3. I.V. Gladkova // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. № 2 (19) Oktyabr' 2015. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2015. S. 19–23.
4. K.S. Romanova // Tam zhe. S. 30–34.
5. N.M. Samarkina // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. № 1 (18) Iyun' 2015. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2015. S. 125–128.
6. D.M. Kovba // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. № 2 (19) Oktyabr' 2015. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2015. S. 53–56.
7. Ya. Yu. Moiseenko // Tam zhe. S. 39–46.
8. K.K. Fursov // Tam zhe. S. 47–52.
9. V.M. Rusakov, O.F. Rusakova // Ukaz. soch. S. 10–18.
10. *Predstavlennye testy dokladov (tezisy) opublikovany:* <http://rfk2015.bashedu.ru/novosti/materialy-kongressa>.
11. I.B. Fan // Ukaz. soch. S. 24–29.
12. V.N. Savin, N.B. Fateeva // Ukaz. soch. S. 35–38.
13. A.S. Isakov // Ukaz. soch. S. 57–63.
14. A.A. Konyaev // Ukaz. soch. S. 72–74.
15. V.A. Korneeva // Ukaz. soch. S. 64–71.
16. Ya.E. Korelin // Ukaz. soch. S. 78–81.

ROUND TABLE «PHILOSOPHY, CULTURE AND DISCOURSE OF MOBILITY» AT THE VII RUSSIAN CONGRESS OF PHILOSOPHY

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Institute of Finance and Law,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ»

Статьи

В. И. Карасик

ДИСКУРС

Дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения, или, по Н. Д. Арутюновой, в жизнь. Такое понимание сориентировано на анализ информации, выводимой из коммуникативной ситуации и соотнесенной с информацией, выраженной в тексте. Коммуникативная ситуация есть элемент культуры, и поэтому анализ дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно выходит на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения, имеющие социально-групповую либо этнокультурную значимость.

Можно выделить четыре основных подхода к моделированию дискурса – тематический (предметный), агентивный (социолингвистический), инструментальный (тональный) и перформативный. В рамках тематического описания дискурса нас интересует его содержание – о чем идет речь, при агентивном подходе к предмету нашего изучения мы моделируем коммуникативную ситуацию, в которой выделяются ее участники и обстоятельства, инструментальный подход к анализу дискурса выводит на первый план коммуникативную тональность и способы коммуникации, обусловленные каналом общения, перформативное осмысление дискурса акцентирует наше внимание на фактуальности как конструируемой и реконструируемой картине мира. Эти подходы взаимодополнительны.

Социолингвистическое описание дискурса строится на основании выделения лично-ориентированного и статусно-ориентированного типов общения. Лично-ориентированное общение происходит в тех ситуациях, когда участники общения раскрывают друг другу все богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности, статусно-ориентированное общение имеет место между людьми, воспринимающими друг

друга как представителей определенной группы общества в каком-то одном качестве (врач – пациент, адвокат – подзащитный, администратор – подчиненный сотрудник и т. д.). Выделяются две разновидности лично-ориентированного дискурса – бытовое и бытийное общение (в последнем случае имеется в виду художественный и философский дискурс), с одной стороны, и институциональный и неинституциональный дискурс, с другой стороны. В рамках институционального дискурса противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения (политический, педагогический, религиозный, медицинский, научный, юридический, рекламный, военный, дипломатический и другие разновидности дискурса, отражающие специфику соответствующего социального института). Список типов институционального дискурса исторически обусловлен и ограничен. Неинституциональный дискурс представляет собой общение незнакомых людей между собой.

Прагмалингвистическое описание дискурса в инструментальном аспекте базируется на основании типов коммуникативной тональности – культурно обусловленного эмоционально маркированного способа организации общения. Выделяются серьезный и юмористический, торжественно-ритуальный и обыденный, информативный и фасциативный, содержательный и фатический и другие типы дискурса.

Перформативный подход к дискурсу представляет собой характеристику общения как действия, являющегося поступком, т. е. сознательным выбором, в результате которого человек принимает на себя ответственность за новое положение дел. Перформативное измерение дискурса разворачивается в координатах действия: «реальное – возможное», «прямое – не прямое», «простое – магическое»,

«открытое – манипулятивное», «естественное – инсталляционное».

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. Сочи, 1999. 92 с.
3. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
7. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр.

- Вып.1. Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 26–40.
8. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
9. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. Изд.2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
10. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35–73.
11. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как междисциплинарное образование // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. № 586. С. 33–38.
12. Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. L.: Routledge, 2003. 270 p.
13. Lemke J.L. Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. L., 2003.
14. Slembrouck S. What is meant by discourse analysis? (2002) // Режим доступа: <http://banc.rug.ac.be/da>.
15. Trappes-Lomax H. Discourse Analysis // The Handbook of Applied Linguistics. A. Davies, C. Elder (Eds.). Malden, Oxford: Blackwell, 2004. P. 133–164.

А.В. Олянич

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Презентационный дискурс – «надстроечный» тип дискурса, в рамках которого говорящий транслирует важную для него информацию, им классифицированную и когнитивно освоенную, в коммуникативную разноуровневую среду – как персональную (личностную), так и институционализированную (коллективную, организационную). Целью такой трансляции является воздействие (импакт), имеющий как невербальный (семиотический), так и вербальный (лингвосемиотический) характер. Из этого следует, что каждый вид дискурса может быть презентационным, и следует говорить о презентационной модели коммуникации в целом. Когда говорят о презентационном дискурсе, имеют в виду то, что в определенной коммуникативной ситуации отдельный вид дискурса приобретает свойства презентационности, т.е. становится презентационным. Фактически презентационный дискурс представляет собой механизм демонстрации смыслов, некий своеобразный алгоритм транспортирования смыслов получателю по коммуникативным каналам, который складывается из следующих **прагматических параметров**:

– **хронотоп** как неперемещаемая составляющая демонстрационной модели коммуникации, в «декорациях» которого разворачивается общение;

– **концептосфера бытия**, вовлекаемая в коммуникацию в виде концептов, осваиваемых человеком, и образов, конструируемых им на основе сформированных представлений о собственном бытии и окружающем мире;

– **презентационность** в виде театральности как прагматическая категория и базовый компонент коммуникации;

– **интерсубъективность**, понимаемая как взаимоотношения и общение индивидуумов или социальных групп, принявших на себя некие роли и социальные функции, и участвующих в коммуникации для демонстрации тех смыслов, которые им необходимы и выгодны для осуществления широкого диапазона своих потребностей.

Мы часто говорим: «Позвольте мне представить Вам свое видение проблемы/ситуации/вопроса и т.д.», при этом мы, как правило, пытаемся заставить воспринимающих нашу речь принять и, если можно так выразиться, «понять наше понимание» или оценку того

или иного явления, события, факта, поведения и проч. Иными словами, мы пытаемся воздействовать на слушателя, внедряя в его сознание наши собственные «представления». Однако для того чтобы воздействие было эффективным, необходимо, чтобы это «представление» было столь же эффективно «представлено», доведено до сознания слушающего и было бы им одобрено (принято, т. е. положительно воспринято). При этом речь может совсем не идти об истинности передаваемого импактором собственного представления о концепте или системе концептов. Здесь кроется манипулятивная природа воздействия и влияния. Эффективность важна для импактора, но не для воздействуемого. С этой – и только с этой – точки зрения концепт следует отождествлять не с понятием, а именно с представлением. В целях такой эффективности мы соответствующим образом строим свою речь, выбираем (сознательно и подсознательно) те структуры, которые были бы суггестивно эффективны.

Дискурс – это пространство для реализации концептов; ментальные конструкты знания группируются в систему, а затем получают языковое выражение благодаря сформированным на их основе неким структурам, которые, в свою очередь, образуют дискурсионную систему, состоящую из **презентационной структуры** и ее речевого воплощения. Языковая экспликация представления как действия обычно такова: *нейтрально* – «представить», «предъявить», «довести до сведения», «обозревать», «дать/нарисовать (полную) картину», «очертить», «изложить», «отобразить»; *эмотивно-оценочно*, как положительно («одобрять», «аплодировать», «поддерживать»), так и отрицательно («заклеймить», «гневно обрушиться на», «с негодованием констатировать», «очернить», «опозорить», «оклеветать», «критиковать»).

Практически все выделяемые дискурсивные функции зиждутся на представлении – презентации и репрезентации. Иными словами, человеческий фактор в языке и речи прежде всего манифестируется в сложном процессе явления человека миру, а последний, в свою очередь, является человеку. Последовательность подобной манифестации может быть представлена

в следующей – весьма обобщенной – модели: «Увидеть» / «услышать» / «попробовать на вкус или запах или получить тактильные ощущения» → «сопоставить» → «понять» → «сформулировать свои ощущения» → «составить цельное представление о...» → «дать наименование» → «объяснить / передать по каналам информации себе подобным» → «получить оценку феномена себе подобными». Этот алгоритм есть не что иное, как исполнение дискурсом его презентационной функции.

Под **презентационной функцией** предлагается понимать трехчастный взаимосвязанный процесс, представляющий собой: 1) когнитивно-номинативную фиксацию говорящим индивидом окружающей его действительности (мира) или действительности сконструированной самим индивидом (возможного мира, реально не существующего) в его сознании, данной ему в концептуально-образной форме, которая представляет собой набор дескриптивных признаков, характеризующих эту действительность (мир) с учетом индивидуального восприятия действительности самим индивидом; 2) оценку и селекцию дескриптивных признаков зафиксированных концептов и образов, которые индивид полагает наиболее важными для реализации его жизненных и коммуникативных потребностей; 3) использование результатов селекции этих признаков для целей влияния и воздействия в процессе коммуникации. Исполнение данной функции в коммуникативном пространстве предполагает реализацию презентационных задач на разных уровнях языка и речи; таким образом, неминуемо возникают две проблемы. Первая из них касается выявления ролевого компонента реализации такой функции, т. е. определения специфики агентов дискурса, осуществляющих функцию презентации; вторая проблема связана с определением (вычленением) языковых и речевых единиц, «обремененных» презентационной функцией.

Презентационная функция дискурса актуализируется при помощи особых единиц – презентем. Под **презентемой** понимается мельчайшая информационная единица воздействия, представляющая собой сложный лингвосомиотический (знаковый) комплекс, состоящий

из когнитивно освоенных субъектом образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем как сугубо семиотически (тактильно / визуально), так и дискурсивно (преимущественно вербально). Презентема может быть обнаружена в любом виде и типе дискурса. Специфика презентемы как комплексного знака состоит в его триадном характере: с одной стороны, это лингвистический знак или совокупность лингвистических знаков; с другой же – это коммуникативная единица, реализующая в речи (дискурсе) заложенную в нее информацию, когнитивно освоенную коммуникантом, ее передающим; третья сторона этого лингвосемиотического и коммуникативно-информационного образования – интенция воздействующего коммуниканта. Цельность презентемы как предельного и воспроизводимого в дискурсе сложного комплекса знаков разного качества определяется как раз наличием этой, онтологически важной для его существования, природы.

Основными презентационными стратегиями являются:

– адекватное и активное воплощение коммуникативного пространства в структуре коммуникационной среды безотносительно к задачам расширения или структурного изменения среды коммуникации (*промоушн, продвижение*);

– смысловое изменение коммуникативного пространства, влекущее за собой изменение структуры коммуникационной среды (но не всегда ее расширение) – своеобразный *имиджмейкинг*;

– расширение и детализация структуры коммуникационной среды при неизменном, как правило, коммуникативном пространстве – *расширение информационного присутствия*.

Литература:

1. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
2. Олянич Андрей Владимирович. Презентационная структура массово-информационного дискурса (лингвосемиотические модели социальной драматургии // Олянич, А.В. Избранные статьи по лингвистике и лингводидактике: Сборник к 35-летию научно-педагогической деятельности / А.В. Олянич. – Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2014. С. 6–11.

А.В. Олянич, А.С. Захарова

ИХТИО- И АКВАДИСКУРС

В лингвосемиотической картине мира отражаются знаки окружающей человека действительности, образующие обширные конгломераты, кластеры и концептосферы. Одними из таких концептосфер потребностного характера являются: а) *ихтиосфера*, содержащая в себе языковые (семиотические, семантические) рефлексии водного мира живой природы, выступающие в виде номинаций многообразия видов рыб; б) *аквасфера*, лингвосемиотически рефлексиирующая виды морепродуктов (моллюсков и ракообразных). Ихтиосфера (рыбный мир) и аквасфера (мир

моллюсков и ракообразных) репрезентируются как элементы лингвосемиотической картины мира в статусе концептосферы – ментального отражения аквакультуры в целом, выступающей в качестве неотъемлемой составляющей бытия живой природы. *Ихтио- и аквадискурс*, таким образом, оказываются коммуникативной средой актуализации широкого спектра номинаций, связанных с существованием рыбы и морепродуктов, их ловлей, добычей, обработкой и потреблением.

В центре такого сопряженного вида дискурса оказываются ихтио- и акваномина-

ции (*ихтионимы* и *аквонимы*), т. е. лингвистические знаки различных классов, видов и типов рыбы, а также других живых существ (моллюсков и ракообразных), обитающих в водной среде и являющихся объектами потребления. Одновременно в когнитивную модель ихтио- и аквадискурса включены а) номинации *субъектов* потребностной коммуникации, связанных с процессами добычи, обработки и потребления продуктов ихтиосферы; б) номинации *инструментов*, вовлеченных в эти процессы; в) номинации *среды обитания* рыбы и морепродуктов как объектов потребления. В когнитивную модель данного типа сопряженного дискурса также включены *образные* и *ценностные* характеристики лингвосомиотической и когнитивной актуализации перечисленных номинаций в ихтио- и аквакоммуникации субъектов потребления рыбы и морепродуктов.

Ихтио- и аквафера представляют собой феномены потребностной концептосферы бытия и являются обширными участками лингвосомиотической картины мира Человека потребляющего. В их центре располагаются *этно- и поликультурные концепты* «Рыба», «Моллюск» и «Рак», репрезентированные в полиязычных этнокультурах как знаки, символы и мифологемы. Этноихтио- и этноаквафера в рассматриваемых языках репрезентированы мощной лексико-семантической системой языковых (лексических) единиц – *ихтио-* и *аквазнаков* (*ихтионимов* и *аквонимов*), первичное смысловое содержание которых носит терминологический характер, но не является термином в чистом виде: роль термина берут на себя латинские наименования биологической классификации особей рыб, моллюсков и ракообразных; вторичное же смысловое содержание кодируется при помощи этнолингвокультурного *ихтиокода*, который формирует и специфицирует символические значения ихтиономинаций.

Ихтио- и акваноминации в коммуникации представителей рассматриваемых этносов представляют собой потребностные знаки, включены в сферы жизни, быта и террито-

рии проживания этносоциумов и, соответственно, носят прагматический характер, вследствие чего рассматриваются как *знаки-прагматонимы*. Помимо этнолингвокультурных номинаций классов, видов и типов рыбы, моллюсков и ракообразных к прагматонимам отнесены также инструменты, субъекты и процессы их добычи и обработки для дальнейшего потребления.

Полиязычные этноихтио- и акваферы аксиологически параметризованы, обладают образными и ценностными характеристиками, специфическими для каждого этноса. В полиязычных образных и ценностных кластерах ихтио- и аквафер обнаруживается достаточная сбалансированность присутствия знаков, денотирующих сходство мира водной природы и хабитата человека. Это сходство рефлексировано во фразеологических единицах и паремиях разнообразных этнолингвокультур, в центре которых – водные существа (рыба, раки, моллюски) и субъекты их добычи. Помимо собственно номинаций рыбы, моллюсков и ракообразных в ихтио- и аквадискурс вовлечены *знаки-ресурсонимы* как единицы обслуживания этой сферы. Термин «ресурсоним» как объединяющий номинации источников жизнеобеспечения и питания введен Т.Н. Некрасовой и А.В. Оляничем. К ресурсонимам сферы «Хабитат» (среда обитания и вылова / добычи) относятся, например, английские номинации *river, creek, pond, lake, bay, sea, ocean, fiord, gulf*. В русскоязычной номинативной зоне таковыми являются их эквиваленты *река, ручей, пруд, озеро, залив, море, океан, фьорд, пролив*.

Отметим также, что к сфере «Среда обитания» могут также быть отнесены номинации территории выращивания (культивации) ихтио- (рыба) и аквакультур (моллюски, ракообразные, морские водоросли, морская капуста и т. п.). К таким номинациям относятся английские вербалии типа *fish farm, clams farm, shrimps farm* и их русские эквиваленты например, *рыбозавод* и *форелевое (осетровое) хозяйство*. Рыборазведение в России и англоязычных странах оказывается возможным

в искусственных прудах и запрудах, а также в искусственных водоёмах у дамб и гидроэлектростанций (см. английские номинации и их русские эквиваленты: *dam* – плотина, дамба, запруда, перемычка, матка, мол; *dike* – дамба, дайка, плотина, ров, защитная дамба, запруда; *dyke* – дамба, дайка, плотина, дейк, ров, запруда; *pond* – пруд, водоем, бассейн, садок, запруда; *weir* – плотина, водослив, запруда; *bay* – бухта, залив, губа, запруда; *barrage* – заграждение, плотина, барраж, запруда; *hatch* – шлюз, запруда; *lasher* – водослив, плотина, запруда; *wear* – запруда). Ловля и добыча ихтиокультур вместе с аквакультурами осуществляется при помощи особых, приспособленных для этого судов (номинация *траулер*, англ. *trawler*), на борту которых зачастую происходят обработка и переработка рыбопродуктов для доставки их потребителю в виде полуфабрикатов.

Промышленный лов рыбы осуществляется при помощи сетей и тралов (англ. номинации *trawl*, *net*); при любительском лове используют удочки (английская номинация *fishing rod*), спиннинги (английская номинация *spinning*), закидные (английская номинация *pulling net*) и завозные сети (английская номинация *delivery net*); последние, как правило, являются браконьерским способом лова и запрещены в цивилизованных странах. Для лова ракообразных и моллюсков часто используются сетчатые ловушки (*catch*). В любительском лове ихтиокультур также принимают участие ныряльщики (англ. номинация *divers*) и охотники с подводными ружьями (английская номинация *speargun divers*) или острогами (см. синонимичные номинации *spear* – копьё, гарпун, дротик, острога; *lance* – копьё, пика, острога; *fizgig* – острога, гарпун; *gig* – острога; *harpoon* – гарпун, острога, багор; *gaff* – багор, острога, гафель; *leister* – острога; *fish spear* – острога; *fish fork* – острога; *fish-gig* – гарпун, острога).

Для ихтио- и аквадискурса характерно также когнитивное гастрономическое (глутоническое) освоение знаков способов обработки (переработки) ихтиокультур в России

и других странах. К ним относятся *жарение, варка, духовое и костровое запекание, соление, горячее и холодное копчение, вяление, консервирование в масле и томате, маринование с овощами, специями, в уксусе и пряностях*. Сегодня в Великобритании принят и такой, заимствованный у шведов способ обработки сельди, как *заквашивание*, в результате чего получается продукт *сюрстрёмминг* (квашеная селедка). Заквашивание продуктов питания – давно известный метод консервирования. В XVI веке во время военных действий, которые вёл шведский король Густав I с немецким городом Любек, возник недостаток запасов соли. В связи с этим сельдь засаливалась с меньшим количеством соли, что нарушало нормальный процесс консервирования, и продукт начинал бродить. В обстановке войны и голода забродившая сельдь стала употребляться в пищу. Ко всеобщему удивлению, по вкусу она совсем не напоминала тухлятину, а кому-то ее кисловатый привкус даже понравился. Рыба не протухла, а «прокисла». О новом блюде пошла слухи, и, поскольку соль стоила недешево даже в мирное время, то в Северной Швеции, где было нелегко достать свежие продукты, у бедняков «заквашивание» сельди стало распространенным методом ее консервации. Сегодня этот способ и сам продукт чрезвычайно популярны у англичан-гурманов.

К весьма популярным ихтио- и аквапродуктам относится *икра* промысловых рыб и некоторых ракообразных и моллюсков (омара и морского ежа); отметим, что знак «икра» (англ. номинация *caviar*) в его многочисленных вариантах кочует по семиотической шкале «доступность – недоступность для потребителя». Так, осетровая икра (белужья, стерляжья, севрюжья, калужья), в советский период доступная всем гражданам СССР в ценовом отношении, в российский период стала практически недоступной потребителю в силу ее дороговизны; что касается икры лососевых рыб – нерки, сёмги, лосося, горбуши, форели – её недоступность в СССР обернулась свободой покупки и потребления в наши дни.

А.В. Олянич, Т.Н. Некрасова

ДИСКУРС ГЕОИНФОРМАЦИОННОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

Одним из важных свойств человека как мыслящей личности является его способность к определению своего местоположения внутри некоторого пространства – вселенной, участка действительности, места проживания и пребывания, какой-то специфической локации и т. д. Без ощущения комфорта внутри какой-то территории живое существо (и не только гуманоид, но и любой субъект жизни – насекомое, млекопитающее, гад и т. п.) существовать не может: потеря ориентации в пространстве означает неминуемую гибель. Мы – никто без хабитата, и ориентирование в нем составляет безусловное предназначение живого. В каждом из нас живет навигатор: территориальное позиционирование – феномен не только физиологический, но и семиотический; он имеет лингвoseмиотическую природу, характеризуется особенной семантикой локализации. Пользуясь электронными навигаторами при езде на автомобиле или перемещаясь на морском или ином сухопутном транспортном средстве (поезде), мы не только получаем электронно-графическую схему движения, но и имеем возможность пользоваться вербальными комментариями речевого синтеза: в любом электронном навигаторе «сидит» говорящий помощник, дающий нам голосовые подсказки территориального ориентирования. Продуцируемые знаки – графические (визуальные) и лексические (вербальные) – представляют собой основу *дискурса геоинформационного позиционирования*.

Геоинформационное ориентирование предполагает, во-первых, одновременную рефлексию местоположения субъекта, перемещающегося в пространстве на транспортном средстве «здесь и сейчас» и прогноз точки его запланированного дальнейшего перемещения; во-вторых, электронную вербализацию перемещения и местонахождения для облегчения водителю транспортного средства ориентации в пространстве и принятия решения о дальнейшем перемещении (грядущем маневре, близкой

остановке). Информирование автомобилиста при помощи электронных средств навигации напрямую связано с позиционированием, поэтому здесь актуальны термины «*когниция локации*» и «*знаки-локативы*». Эти единицы когнитивно детерминируют и семиотицизируют пространство, денотируют направление движения к его объектам, их местоположение и их социальную значимость. *Знаки-инструктивы* – следующая категория единиц, вовлеченных в дискурс геоинформационного позиционирования: они представляют собой вербальные (голосовые подсказки) и визуальные указания водителю транспортного средства по поведению в автомобильном потоке и совершению движения на выбранном маршруте. *Знаки-информативы* представляют собой семиотические феномены, дающие представление водителю о ситуации на дороге, смене режимов движения и изменениях в спутниковом позиционировании движущегося автомобиля с помощью российской геоинформационной системы (ГИС ГЛОНАСС) или северо-американской Geo-positioning System (GPS), сегодня широко используемых в мире.

В дискурсе геоинформационного ориентирования мощно репрезентирована визуальная (сугубо семиотическая) составляющая. В ее центре – собственно карта местности с маршрутом движения автомобиля, автоматически проложенным спутниковым оборудованием (навигатором). Карта снабжена двумя типами знаков-иконок: первые – *информативы* – сообщают о скорости и направлении движения, вторые – локативы – дают представление водителю собственно о местности, в которой он находится или к которой он приближается. К информативам относятся стрелки направления, поворотов, разворотов, а также быстро меняющиеся цифры, денотирующие реальную скорость автомобиля. К информативам также следует отнести знаки-числительные, измеряющие оставшееся до цели путешествия

расстояние, время в пути, время до пункта назначения, реальное астрономическое время. К отображаемым визуально (на экране навигатора) знакам-локативам относятся знаки населенных пунктов на маршруте движения, указания рельефа местности, пересечения рек и переездов через железную дорогу, идентификационные номера дорожных магистралей, сопровождаемые литерами государственной ответственности. Учетный номер автомобильной дороги обязательно включает в себя заглавную букву русского алфавита.

На карте навигатора также отображается транспортная инфраструктура городского ландшафта – улицы, переулки, площади, дорожные развязки, парки, водные резервуары, мосты и т. п. Они обязательно снабжаются наименованиями, за исключением объектов малой значимости. На карте могут показываться такие знаки-локативы, как так называемые точки интереса (POI – англ. Points of Interest). Это иконки групп объектов, которые могут вызвать потенциальный интерес у пользователя программы, а также помогают ориентироваться на карте. POI сгруппированы в 14 категорий, внутри которых есть множество групп POI и подкатегорий. Отображение POI можно настроить как для каждой категории и подкатегории, так и для конкретной группы POI. По мнению человека, создавшего эту точку, информация о ней может оказаться интересной или полезной. К примеру это могут быть отели, заправки, магазины, музеи, храмы, парковки, вокзалы, источники пресной воды, удачные места для фотосъемки, памятники и т. д. Полноценная POI содержит информацию о координатах (широта и долгота), название, описание и другие параметры, в том числе высота, номер телефона. В приложениях для навигации обычно POI отображаются в виде тематических иконок. К особому типу POI относятся так называемые POI SPEEDCAM: в отличие от обычных POI они предупреждают водителя о приближении к объекту, представляющему какую-либо опасность. Это такие объекты, как железнодорожный переезд, изменение скорости на участке, камера, встроенная в светофор, контроль проезда на красный свет, «лежачий полицейский», мобильная засада

ГИБДД, участок ограничения скорости, опасный перекресток, опасный поворот, опасный участок, плохая дорога, стационарная камера, пост ДПС. У каждой категории POI SPEEDCAM есть своя иконка и голосовое оповещение. В геоинформационное ориентирование широко вовлекается цветосемиотика, позволяющая отображать и учитывать дорожную ситуацию. Собирая информацию от пользователей, спутниковая система геопозиционирования показывает красным цветом дороги с заторами, а желтым – с затрудненным движением.

Собственно дискурсивную зону геоинформационного ориентирования составляют вербальные знаки-информативы – голосовые подсказки, подаваемые роботом-симулятором человеческой речи. Хранящиеся в электронной памяти навигатора текстовые файлы с информацией о движении и перемещении в пространстве преобразуются в звуковые файлы, которые репродуцируются по ходу маршрута. Голосовые подсказки во время движения сочетаются с возможностью выбрать плоское или трехмерное изображение карты, модель и цвет пиктограммы машины, воспользоваться списком объектов «points of interest» и добавить в этот список собственные объекты. Функция «text-to-speech» позволяет воспроизводить голосовые подсказки с названием улиц: так, в голосовых подсказках кроме лексем «поворот налево/направо» может содержаться название улицы, на которую водитель должен свернуть. Настройки голосовых подсказок сводятся к выбору голоса, настройке времени предупреждения и настройке звуковой подсистемы устройства. В стандартном программном обеспечении навигатора есть четыре голоса: женский английский, мужской русский, женский русский и женский турецкий. Одних только русскоязычных голосов доступно семь, а ведь есть еще записанные энтузиастами, не лишённые институционального юмора и пародирующие голоса политических акторов (хорошо узнаваемые голос и тональность Владимира Путина, характерный визгливый тенорок Владимира Жириновского, картавость голоса Ленина и «кавказский акцент» Сталина, иронические обороты речи Валерии Новодворской и т. п.).

В GPS-устройствах есть возможность включения звукового сигнала при определенных условиях, например: прибытие в точку назначения, отклонения от заданной траектории, прохождения заданного расстояния, приближение к лежащему полицейскому или камере наблюдения, срабатывания будильника или таймера и в других ситуациях. Таким образом, в дискурсивной зоне геоинформирования широко представлены вербальные знаки-инструктивы, такие как «Продолжайте движение 350 км», «Приготовьтесь: через 500 м возьмите налево», «Сверните направо», «Резкий поворот направо на развязку, 2-й съезд», «Возьмите правее». К дискурсивным информативам могут быть отнесены такие знаки, как «Внимание: проверка скорости 60 км в час», «Вы ушли с маршрута», «Плохие условия приема», «Соединение со спутниками установлено», «Вы достигли места назначения» и т. д. Возникновение на грани тысячелетий такого типа дискурса, как гео-

информационное ориентирование, заставляет размышлять в футуристическом направлении: мы застали то время, когда подобный дискурс считался объектом научной фантастики и мыслился как весьма отдаленное будущее человечества. Время стремительно изменило нашу жизнь: сегодня, несмотря на то, что подобный дискурс является скорее симуляцией, неким «псевдодискурсом», следует признать, что в его основание заложены обычные и реальные вербальные и невербальные знаки как языковые и речевые феномены.

Литература:

1. Олянич А.В., Некрасова Т.Н. Лингвосомиотика гео-информационного ориентирования как нового жанра массово-информационного дискурса // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (35). Февраль 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grani.vspu.ru>.

А.В. Олянич, В.В. Копылова

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Термин «дидактический дискурс» наиболее точно рефлектирует инструктивно-импактный характер коммуникации в сфере обучения и образования, поскольку а) история его апробации началась еще в эпоху «великих греческих дидактов» – Сократа и Аристотеля, в недрах школ которых как раз родились термины διδασκική (дидактика, обучение) и διδασκός (дидактический, обучающий); б) его значение емко вбирает в свой семный состав идею об информационном воздействии инструктора, о последовательном формировании компетентности воздействуемого в любой сфере знания, о научно обусловленных закономерностях процесса обучения, о плодотворном воспитательном воздействии знания, при котором развивается интеллект и рождается просвещенная личность; в) он обладает объяснительной силой, значительно более эффективной по сравнению с прочими терминами, предлагаемыми для обозначения процесса обучения, вследствие того, что в нем

удачно сочетаются рефлексии институциональности коммуникативной ситуации обучения, персонифицированности передаваемой информации, интеракции в любой учебной аудитории и научной деятельности, развивающей методы передачи и усвоения знаний.

В мировую лингвистику понятие «дидактический дискурс» (didactic discourse) почти одновременно ввели Д. Шифрин, Тиун ван Дейк, а также представители латвийской дидактической школы И. Крамина и И. Жогла, однако, системное изучение данного типа дискурса было начато в 2006 г. российским лингвистом М. Ю. Олешковым при попытке моделирования коммуникативных процессов. Этот феномен понимается им как разновидность институционального дискурса в виде системы взаимно обусловленных индивидуальных действий субъектов образовательного процесса (учителя и учащихся), когда поведение каждого из участников выступает одновременно и стимулом,

и реакцией на поведение остальных. Важнейшей составляющей таких действий исследователь считает дидактическую коммуникативную ситуацию, представляющую собой последовательность коммуникативных актов в процессе речевой интеракции во время занятия, которая непосредственно детерминирует эффективные средства как самой интеракции участников, так и обеспечение определенного уровня эффективности воздействия инструктирующего на инструктируемых (учителя на обучаемых).

Так или иначе, при актуализации в коммуникации любого из перечисленных инструктирующих дискурсов вовлекаются инструменты семиотики и языковые (речевые) средства общения. Когда речь идет об обучении субъекта родному языку, родной речи и культуре своей страны и своего народа (нации, этноса), мы имеем в виду особый тип дидактического дискурса – *лингводидактический дискурс*. Закономерности этого типа дискурсоразвертывания изучались пока только в связи с обучением иностранных студентов и магистрантов русскому языку, с точки зрения прецедентности текстов, порождаемых в результате его актуализации, его аксиологической (оценочной) нагруженности, включения иностилевых элементов в его «тело», эффективности актуализации стратегий разворачивающегося внутри него диалога, его терминообразующих потенций и успешности апробации англоязычных лингводидактических терминов-заимствований в немецком языке. Ряд закономерностей лингводидактического дискурса частично рассмотрены в двухтомной монографии Т.Н. Астафуровой и А.В. Оляничка только с точки зрения моделирования собственно процесса обучения иностранным языкам без специального акцента на его сугубо лингвистические особенности.

Коммуникативная ситуация, разворачивающаяся в иноязычной среде, требующей особого когнитивного освоения, и, соответственно, развитого умения понимания чужой иноязычной речи на слух, широкого спектра иноязычных компетенций, связанных с говорением, чтением и письмом, иногда – даже инокультурной мысленной активности, может быть освоена при помощи посредника, которому она хорошо знакома; посредника, способного

передать обучаемому субъекту все возможные варианты и последствия ее развертывания. Речь посредника такого типа есть не что иное как *иноязычный лингводидактический дискурс*. В то же время, момент освоения иноязычной коммуникативной ситуации обучающимся субъектом включает его самого в пространство лингводидактического дискурса, делая его равноправным участником интеракции.

Перечисленные обстоятельства, таким образом, дают возможность сформулировать рабочее определение понятия «иноязычный лингводидактический дискурс» в следующей трактовке: *иноязычный лингводидактический дискурс следует считать сложным лингвосемиотическим образованием, в котором процесс интеракции имеет целью формирование иноязычных и инокультурных компетенций у обучаемого иностранным языком и культурам и представляет собой информационный поток, состоящий из систем вербальных и невербальных иноязычных знаков. Этот поток направлен от инструктирующего к инструктируемому, при этом иноязычные знаковые системы осваиваются последним, а при их воспроизведении инструктируемым подвергаются корректировке инструктирующего, которая может использовать знаки языка, являющегося родным для инструктора и инструктируемого.*

Дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, исполняет некую функцию или целый кластер функций, одна из которых является ведущей (основной, доминирующей), остальные – второстепенные – поддерживают реализацию ведущей функции и дополняют осуществление дискурсоразвертывания. В данном случае ведущей функцией предлагается считать *дидактическую функцию*, под которой понимается трехчастный взаимосвязанный процесс, представляющий собой: 1) когнитивно-номинативное освоение инструктирующим информации об окружающей его действительности и ее фиксация в сознании, данной ему в концептуально-образной форме, которая представляет собой систему знаков, рефлектирующих эту действительность с учетом ее индивидуального восприятия инструктирующим; 2) оценку, селекцию и систематизацию

зафиксированных инструктирующим знаков, которые он полагает наиболее важными для передачи инструктируемому; 3) использование результатов систематизации этих знаков для целей формирования компетенций инструктируемого в ходе общения в обучающем (образовательном) пространстве.

Исполнение данной функции в коммуникативном пространстве предполагает определение (вычленение) дискурсивных единиц, «обремененных» дидактической функцией. Для обобщенной номинации знаков подобного рода, удовлетворяющих эпистемологическим требованиям и постулирующим непременно выделение единиц феномена таким образом, чтобы содержали явные смысловозначительные (дискриминирующие) признаки, методологически необходим некий зонтичный термин, генерализующий разнообразие функций, которые единицы исполняют в данном типе дискурса. Как представляется, таким требованиям удовлетворяет термин «дидактика». Под дидактикой предлагается понимать *информационную единицу инструктивного воздействия, представляющую собой сложный лингвосомиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных инструктирующим субъектом концептов и образов окружающего мира, отобранных и систематизированных им с точки зрения образовательного и утилитарного потенциала этих концептов и образов, который после такой когнитивной обработки транслируется в ментальное поле инструктируемого субъекта в ходе дидактической интеракции с целью обучающего воздействия.*

Процесс общения в рамках образовательной (обучающей) ситуации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности дидактических сугубо семиотически (визуально / аудиально), и дискурсивно (преимущественно вербально). В рамках теории дидактического дискурса дидактика занимает центральное место и может быть обнаружена в таких его видах, как лингводидактический и иноязычный лингводидактический. Поскольку дидактика исполняет функцию эпистемологической единицы, т. е. средства или инструмента лингвистического

описания, то естествен вопрос о ее предельности / непредельности и о ее воспроизводимости / невозможности в соответствующем коммуникативном пространстве. Поскольку дидактика относится к классу единиц воздействующего типа, ее законченность может измеряться самим результатом образовательного импакта, т. е. реакцией воздействуемого (инструктируемого) и убежденностью воздействующего (инструктора) в том, что цель его воздействия достигнута (транслированные знания, умения и навыки когнитивно освоены инструктируемым, о чем получено реальное подтверждение). Специфика дидактики как комплексного знака состоит в его триадном характере: с одной стороны, это лингвистический знак или совокупность лингвистических знаков; с другой – это коммуникативная единица, актуализирующая в дискурсе обучения информацию, семантически в ней «зашитую» и когнитивно освоенную объектом дидактического воздействия. Третий функциональный аспект дидактики как лингвосомиотического и коммуникативно-информационного образования – корректное отражение интенций субъекта дидактического воздействия. Базовой функцией дидактики является передача и фиксация в сознании объекта когнитивного воздействия представления об образовательно- / утилитарно-значимых концептах и образах мира и его участков. В связи с этим исполнение данной функции в дидактическом коммуникативном пространстве может послужить основанием для типологизации дидактики.

Литература:

1. Олянич А.В., Копылова В.В. Иноязычный лингводидактический дискурс: онтологический статус и эпистемологические единицы // Человек и его дискурс: коллективная монография. – М.: ИЯ РАН, ИЦ Азбуковник, 2014. – 399 с.
2. Дискурсивные знаки потребностной культуры [Текст]: коллективная монография / А.В. Олянич [и др.]; под общ. ред. А.В. Олянич; М-во сельского хоз-ва Российской Федерации, Департамент науч. – технологической политики и образования, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Волгоградского гос. аграрного ун-та», Науч. проекты каф. иностранных яз. фак. сервиса и туризма. – Волгоград: Волгоградская ГАУ, 2015. – 251 с.: табл.; 21 см. – (Серия «Лингвосомиотика и лингвокультура потребностей»).

Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич

САКРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Сакрализация (от лат. sacer – посвященный богу и sacrum – священное) – наделение какого-либо объекта (вещи, явления, животного, человека) священным содержанием, необычным качеством. Понятие *сакральный* выражает представление о разделении мира на профанный (светский, обычный) и сакральный (священный, эзотерический). Соотношение этих двух миров характеризуется некоторыми особенностями: 1) сакральное невыразимо по своей природе и может быть приближено к человеку (его пониманию) только через символ; 2) общение с сакральным требует особого ритуала, церемонии, придающих человеческому действию священный смысл. Сакральность представляет собой комплексный феномен, значение которого актуализируется различными лингво-семиотическими способами – вербальным (тексты, языковые формулы), акциональным (действия, обряды, ритуалы), предметным (вещи, здания), персональным (существа, персонажи, лица) и т. д. Основной сферой семиозиса сакрального выступает вера, которая манифестируется в религиозном дискурсе – его жанрах, ритуалах и обрядах. Религия в силу своего наднационального характера обычно не является специфической национальной системой воззрений; язык, напротив, может восприниматься как фактор этнической самобытности, посредством которого осуществляется передача социального опыта от поколения к поколению.

Сакральность неразрывно связана с магией, которая обладает ярко выраженным мистическим (суггестивным) потенциалом, реализуя базовые стратегии предостережения, коррекции и протекции. *Предостережение* направлено на предупреждение о возможных опасностях, отраженных в этноспецифических приметах. *Коррекция* (очищающая магия) связана с исцелением недугов и нормализацией девиантного психосоматического состояния через алгоритмизированные, семиотически насыщенные обряды и заговоры. *Протекция* (отгонная магия) выступает в качестве защиты от враждебных

внешних воздействий через заклинания и символически насыщенные ритуалы.

Познание и когнитивное освоение человеком мира неизбежно связаны с семиозисом, т. е. использованием знаков во всех сферах жизни человека. Самым древним примером такого процесса является семиозис предрассудков, который представляет собой способ борьбы человека с силами природы и его страхом перед ними, обеспечивающий выживание человека как вида. Иррациональный страх, закрепленный в этноспецифической системе знаков-примет, способствовал получению информации об источниках опасности эзотерического, природного, межплеменного характера, и, соответственно, формированию особого типа коммуникации, нейтрализующей эти страхи.

Природа предупреждает человека об опасности знаками разного свойства и предназначения, и человек, декодируя эти знаки, выстраивает свое коммуникативное поведение в соответствии с полученной семиотической информацией. Знаки опасности формируют алгоритм противодействия предрассудку и становятся частью иррациональной картины мира этноса, которая находит отражение в *сакральном дискурсе*.

Когнитивно освоенные фобии чрезвычайно разнообразны и репрезентированы феноменологической триадой суеверий, предрассудков и предубеждений. Их разграничение связано с разными типами когнитивных и психосоматических представлений о страхе – благоговейном ужасе, бытовой боязни и социальных опасениях, каждое из которых вербализуется в английском языке лексико-семантическими группами с доминантными лексемами *Awe*, *Fear* и *Angst*.

Природа этих представлений различна: мифолого-теологические страхи формируют суеверия (*awe = holy horror*), порождаемые нарушением религиозных заповедей, нравственных норм христианской морали и неизбежно влекущие за собой наказание «в жизни после смерти»; бытовая боязнь (*fear = self-defense mechanism*) формирует предрассудки, т. е. представления этноса о прогностической системе

примет не/удачи, сопровождающих обыденное существование человека, а также способы защиты от злых сил средствами бытовой (народной) магии.

Семиотический аспект суеверий и пред-рассудков дифференцирован по качеству знака: *религиозная* лингвосемиотика вовлекает сакральные мифы и символы, *магическая* лингвосемиотика – сакрализованные знаки отгонной и очищающей магий. Алгоритмы противодействия греху также представлены в мифологемах и рефлектируются преимущественно в *знаках-прохибитивах* и *знаках-директивах* нравственно-этического характера, закрепленных в универсальных христианских догмах (absolutes) добра и зла: *You shall have no other Gods before me. You shall not make for yourself an idol. You shall not take the name of the Lord your God in vain. Remember the Sabbath Day to keep it holy, etc.* Сакральный дискурс основан на прототипном убеждении в том, что будущее или исход определенных важных событий зависят от добродетельного поведения христианина.

Сакральный дискурс также актуализируется в прогностических знаках-приметах, отражающих приобретенный этносом опыт существования в природном хабитате. Проекция этого опыта представлена в *знаках-дидактемах* как дескриптивах освоенной ситуации и ритуальных действий, направленных на нейтрализацию знаков неудачи и «снятие» боязни перед властью эзотерического Зла. Так, *знаком-предупреждением* возможных враждебных внешних воздействий воспринималась метла, оставленная у кровати, через которую злые силы могли навести порчу на ее хозяина (*do not lean a broom against a bed because the evil spirits in the broom will cast a spell on the bed*). Рекомендовалось также следить за тем, чтобы выметая мусор, не задеть свою обувь, иначе никогда не женишься или не выйдешь замуж (*if someone is sweeping the floor and sweeps over your feet, you'll never get married*).

Наряду со знаками-предупреждениями или опасности существует система *знаков удачи*: встреча с трубочистом (*It's very lucky to meet a chimney sweep by chance*), сулившая исполнение желания (*Make a wish when sighting one, and the wish will come true*); Для сохранения удачи или

защиты от злых сил предписывалось трижды постучать по дереву (*knock three times on wood after mentioning good fortune so evil spirits won't ruin it*); при вселении в новый дом – насыпать соли на порог как оберег от нечистой силы (*put salt on the doorstep of a new house and no evil can enter*). Наиболее значимыми в национальной англоязычной лингвокультуре являются морские профессиональные артефактные *знаки-протективы* (*signs of good luck*) – татуировки, серьга в левом ухе, кусочек угля, выброшенная за борт монетка в момент отчаливания.

Знаками опасности – *signs of ill luck* – являлись: встреча моряка со свиньей, священником, женщиной по дороге к судну; присутствие женщины или священника на борту корабля; произнесение слов *свинья, священник, кролик* на борту корабля; падение ведра за борт; отплытие в пятницу, плевок в море, свист на корабле (*meeting a pig, a priest on the way to one's ship, having a priest or a woman aboard, saying the words «pig, priest, rabbit», dropping a bucket overboard, leaving a hatch cover upside down, leaving a broom, a mop or a squeegee with the head upwards, spitting in the sea, whistling*).

В сакральном дискурсе реализуется аксиологическая система магической лингвосемиотики, в основе которой лежит диада «добродетель – злодеяние». В нее включены позитивные ценностные константы (человеколюбие, трудолюбие, честность, целомудрие, щедрость, здоровье и т. д.), противопоставленные антиценностным (ненависть, обман, клевета, болезнь, порча, сглаз, алчность, прелюбодеяние и т. п.). Аксиологическая значимость выделенных констант рефлектирована в этноспецифической системе магических знаков, символов, ритуалов.

Магическая лингвосемиотика вовлекает в сакрализованную коммуникацию знаки отгонной и очищающей магии и направлена на снятие бытовых страхов болезни, неудач, негативного влияния окружающих на судьбу человека. Она представлена:

- магическими артефактами (обереги, амулеты, талисманы, инструменты и т. д.);
- магическими текстами (заговоры, заклинания, приметы, описывающие механизм воздействия человека на окружающий мир с целью защиты от его негативного влияния);

– магическим ритуалом (формализованная последовательность действий, сопровождающих магические тексты).

Магические знаки защищают от болезней и порчи (*amulet_n = an object worn, especially around the neck, as protection against illness or injury*); неудачи и дурного глаза (*charm_n = an item worn for its supposed magical benefit, as in warding off evil*) и обеспечивают покровительство добрых сил (*talisman_n = an object believed to confer on its bearer magical powers of protection*).

Магическим артефактам (*dummies, wax figure, bell, candle, magic recipe, brew, broth, needle, thread, philter, magic ring, mirror*) приписывается суггестивная сила в рамках протективного ритуала. Особой суггестивной силой наделяются магические травы (*magic herbs*), которые:

– охраняют от нечистой силы, колдовства: *anise (анис) – leaves are used for protection against wicked supernatural entities and the evil eye*;

– защищают от стихий и людских пороков: *hawthorn (боярышник) – a tree of protection against lightning, evil eye, and malevolent entities; thistle (чертополох) – used in protection against thieves, healing spells and hex breaking*;

– снимают порчу, сглаз: *juniper (можжевельник) – used to guard against black magic, supernatural entities, enemies, disease and accidents*;

– очищают от болезней, депрессии и ночных кошмаров: *cowslip (калужница) – heals sickness, guards houses against unwanted intruders, increase physical charm and beauty*;

– освобождают от дурного воздействия недоброжелателей: *elder (бузина) – used to break the power of curses, evil entities, and protects against negative forces and sorcery; used in healing rituals and spells to attract good luck, love, and prosperity*;

– приносят благополучие, удачу, любовь, физическое здоровье, исполнение желаний: *acacia (акация) – used to attract money, inspire love, ward off evil, and enhance psychic powers; daisy (маргаритка) – used to attract good luck, and return lost loves*.

Разное сочетание прогностики, суггестии и акциональности актуализируется в сакральных текстах, обеспечивающих:

– предугадывание, предупреждение об опасности, предвосхищение события в виде совета (*omen = prognostic sign for a person to be aware of his good / bad luck* – прогностические приметы);

– исполнение отгонной и очищающей магии (*chant = a suggestive monotonous rhythmic and rhymed protection verse or formula* – заговор);

– исполнение магических ритуалов, поддерживающих магические тексты (*spell* с его латинским этимологическим дублетом *charm = an action and a magic word, verse or formula thought to have magical power* – заклинание).

В текстах-приметах реализуются прагматические установки, связанные с разной экспликацией категории хроноса: предугадывание – на длительный срок, предупреждение – на неопределенный срок, предвосхищение – на короткий срок.

Базовыми жанрами сакрального дискурса являются: *прогностический* жанр, в котором предостережение направлено на предупреждение возможных опасностей, отраженных в этноспецифической системе примет; *суггестивный* жанр, ориентированный на коррекцию / исцеление недугов и нормализацию девиантного психосоматического состояния через алгоритмизированные обряды и заговоры; *акциональный* жанр, в котором

протекция / защита от враждебных внешних воздействий осуществляется через заклинания и символически насыщенные ритуалы.

Таким образом, сакральный дискурс реализует протективную функцию, нейтрализуя эзотерические фобии и бытовые страхи при помощи религиозных символов и магических знаков; религиозных и магических текстов; ритуалов, сопровождающих эти тексты.

Литература:

1. Астафурова, Т.Н. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография / Т.А. Астафурова, А.В. Олянич. – Волгоград: Нива, 2008. – 244 с.

2. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика сакральности: знак, слово, текст // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 80–87.

МАГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Историко-культурная ценность феномена магия (лат. *magia*, от греч. *μαγεία/magéia*) формировалась на протяжении многих тысячелетий и остается в числе ценностных доминант всех современных культур. Данный феномен, появившийся как зачаток духовной жизни древних цивилизаций, означает колдовские обряды и ритуалы, связанные с верой в способность человека сверхъестественным путем воздействовать на людей, животных, явления природы, а также на воображаемых духов и богов (БСЭ). Магия неразрывно связана с такими понятиями как мистика, вымысел, волшебство, которые восходят к наивной картине мира и категоризируются в магических текстах, позволяющих психологически противодействовать негативному влиянию окружающей среды. Такие тексты и связанные с ними ритуальные действия относятся к магическому дискурсу и актуализируются в жанрах заклинания, заклęcia, заговора, приворота / отворота, снятия порчи и т. д. Магический текст обладает ярко выраженным суггестивным потенциалом, символически насыщен и реализует базовые стратегии предостережения, коррекции и протекции. На заре человечества люди пытались найти идеальные слова, породить лечебные тексты – заговоры, молитвы, формулы гипноза. Самые удачные из них запоминались, переписывались, передавались из поколения в поколение, и человек, профессионально владеющий ими, считался чародеем, магом, ведуном.

Для магического дискурса характерно внушение (суггестия), обращенное к логосу, пафосу и этосу, которое определяется такими ситуативными факторами как низкий уровень осведомленности и компетентности суггестантов, девиантные психические состояния, поскольку конечной целью любого суггестора является изменение поведения суггестанта через воздействие на его подсознание, а внушаемость возрастает в состоянии сильного эмоционального возбуждения, стресса, утомления, болезни.

Магический дискурс как суггестивный тип коммуникации функционирует в рамках статусно-ролевого общения, реализующего про-

тективную функцию нейтрализации бытовых фобий (боязнь болезни, неудач, мистического негативного влияния окружающих на судьбу человека и т. д.) при помощи: магической *семиотики* (обереги, амулеты, талисманы, инструменты – *dummies, wax figure, bell, candle, magic recipe, brew, broth, needle, thread, philter, potion, jar, moly, wand, magic ring, magic mirror.*); магической *вербалики* (тексты – заговоры, заклинания, приметы и т. д., используемые с целью защиты от негативного влияния); мистических *ритуалов* с суггестивной силой.

Магический дискурс выделяется на основании системообразующих признаков: его целей и участников; общение происходит в рамках статусно-ролевых отношений. Целью магического дискурса является реализация базовых стратегий предостережения, коррекции и протекции. В качестве *участников* выступают: клиент – лицо, которое обращается за помощью, и агент – носитель тайного знания, посредник, осуществляющий общение между клиентом и сверхъестественными силами. Принципиальное неравенство участников коммуникации специально демонстрируется агентом его внешним видом, поведением, наличием знаковых атрибутов магического процесса, специфическим способом произнесения магических текстов. Представление о более высоком статусе агента, его необычных способностях и возможностях отражено в языке самим количеством наименований для агентов магического дискурса: маг, волшебник, чародей, колдун, чудотворец. Представления о колдунах и ведьмах связаны с негативной оценкой и фиксируются в ценностных доминантах *вредность, страх*. С большим уважением относились к ведунам (от слав. *ведать*), которые обладали даром предвидения будущего.

Ключевыми концептами магического дискурса выступают *чудо* и *тайна*, которые отражают ценность сверхъестественного как силы, обладающей неограниченными возможностями. Магический семиозис англоязычной лингвокультуры представлен вербальными, невербальными и смешанными знаками. *Вербальные* знаки но-

минируют *агентов, клиентов* дискурса, *ресурсы* магического процесса, действия его участников, стратегии и виды деятельности и объединяются в номинативные группы, в соответствии с англосаксонским представлением о трехмерной модели мира *верх* (мир богов) – *середина* (мир людей и эльфов) – *низ* (ад).

1) *Magic people* (Агенты срединного мира, люди, обладающие тайными магическими знаниями): *Wizard* – колдун, чародей; фокусник; волшебник; *Warlock* – волшебник, колдун, маг; *Witch* – колдунья, ведьма; *Sorcerer* – маг, волшебник, кудесник, колдун, чародей; *Conjuror* – волшебник, чародей, кудесник; *Charmer* – чародей, маг, волшебник и т. д. Лексемы номинативной группы *magic people* связаны интегральной семой *магическое воздействие*.

2) *Magic creatures* (Антропоморфные демонические существа – supernatural living beings) также относятся к агентам магического дискурса:

а) агенты нижнего мира: *Demon* – демон, искунитель, злой дух, бес; *Fiend* – дьявол; демон; *Devil* – сатана; *Incubus* – миф. инкуб (дьявол в образе мужчины; *Succubus* – суккуб (дьявол в образе женщины; *Poltergeist* – http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=110&t=705891_1_2&sc=0 привидение; призрак; *Dementors* – Дементоры, парящие скелеты в балахонах, живущие во тьме и приносящие уныние и смерть;

б) агенты верхнего мира: *Spirit* – дух; духовное начало; душа; *Ghost* – привидение, призрак; дух; *Whitelighter* – ангел добра (хранитель); *The Elders* – высшие маги добра; *Angel of Destiny* – ангел судьбы; *Banshee* – ирл., шотл. банши, привидение-плакальщица, предвещающая обитателю дома смерть;

в) агенты срединного мира: *Sprite* – эльф; фея; *Vampire* – вампир, вурдалак; *Ogre* – великан-людоед; *Dwarf* – гоблин, гном; *Troll* – тролль; *Fairy* – миф. фея; волшебница; *Hag* – ведьма, карга, колдунья, чародейка, баба-яга.

3) *Magic animals* (Агенты срединного мира – зооморфные демонические существа): *Dragon* – дракон; *Griffin* – грифон; *Unicorn* – единорог; *Centaur* – кентавр; *Mermaid* – русалка, сирена; наяда; *Merman* – водяной; тритон; *Werewolf* – вервольф, оборотень.

Ресурсы магического дискурса представлены локативами, инструментативами, инспиративами, квалификативами, процессивами.

4) *Локативы* номинируют магические заведения: *Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry* – школа Волшебства и Чародейства «Хогвартс»; *Beauxbatons Academy of Magic* – академия магии Шармбатон; *Department of Magical Law Enforcement* – Отдел обеспечения магического правопорядка; *Department of Magical Accidents and Catastrophes* – Отдел магических происшествий и катастроф.

5) *Инструментативы* номинируют артефакты магического процесса: а) магические тексты (*magic texts*) и б) магические атрибуты (*magic tools* – *wax figure, candle, magic recipe, potion, magic ring, magic mirror, magic herbs, amulet, talisman, The Book of Shadows, Tarot Card, Pentacles and Pentagrams, Altar Rugs, Brooms, Custom Witch Bottles, Rune, etc*), с помощью которых происходит магическое действие (различного рода магические ритуалы): заклинания, заговоры, заклятия и т. д. Номинативную группу *magic texts* представляют лексические единицы, содержащие семы *заклинание, заговор, заклятие*: *Spell* – заклинание; *Charm* – заклинание, магическая формула; заговор, наговор; *Conjuration* – заклинание, заговор; колдовство, чары; *Oath* – обет; *Jinx* – проклятие, сглаз; *Chant* – песнь, песнопение; напев, хорал, монотонное произнесение текста.

Заклинания англоязычной *сказочной магии* подразделяются на:

– *бытовые*, направленные на нейтрализацию личностных фобий, состояния нервозности и для усиления магических способностей: *Shield Charm* (Заклятие Щита) – заклятие создает невидимую стену, защищающую колдующего от слабых заклинаний; *Somnium* – Заклинание грез погружает объект в воображаемую ситуацию;

– *протективные*, нейтрализующие угрозу со стороны сил «Зла», при помощи волшебной палочки, нацеленной на жертву. Так, чтобы избавиться от боггарта, надо представить пугающую фигуру комичной («превратить страшилище в посмешище») и, направив на привидение палочку, произнести магическое слово;

– трансфигуративные, позволяющие перемещаться в пространстве, менять облик и т. д.: *Invisibility* – чары, делающие кого-либо невидимым; *Apparate* – позволяет появиться в нужном месте, обратное *Disapparate* – позволяет перемещаться, исчезая в одном и появляясь в другом месте; *Transfegio* – возвращает предмету первоначальный вид.

Заклинания *бытовой магии* подразделяются на следующие типы: защита от проклятий (*purification spell to break a curse*); защита от злословия (*anti-slander spell*); защита от недруга и врага (*spell to make an enemy move away, spell against a trouble-maker*); защита от воровства (*spell to stop someone from stealing*); защита от поджога (*fire protection spell*); защита честного имени, репутации (*protection spell for reputation*); защита от психического воздействия (*spell to rid yourself of psychic attacks*); защита от физической травмы (*spell against physical harm*); защита дома от недоброжелателей (*house protection spell*); излечение недуга (*spell against an illness*).

Магические тексты, произносимые по особым правилам и в особых условиях, символически насыщены и обладают устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мистического (иррационального) сознания. Автосуггестия заговора основана на стилистических приемах – ритмических повторах, транслитерации, рифме, рекомбинациях протективных лексем, простой и легко запоминающейся синтаксической структуре, императивах, которые нейтрализуют страх, угрозу, состояние нервозности (*If you are feeling nervous or threatened, repeat this chant quietly to yourself*): «*Divine Goddess, Goddess Divine; Divine God, God Divine; If evil dwells within this place, Please make it leave my space*».

Композиционно заговор состоит из двух частей – обозначения условий его произнесения и протективного текста. Так в заговоре от ночных кошмаров (*Anti-Nightmare Chant*) обозначены время (*Say while you are falling asleep*), место его произнесения (*only works in your bed*) и способ действия (*keep repeating it*). Автосуггестия отгонной магии создается императивами с негативной семантикой (*go away; leave; it's not...*), семантическим повтором,

транслитерацией, рифмой, простыми синтаксическими конструкциями.

б) *Процессивы* обозначают действия участников дискурса в магическом процессе. Данная группа представлена следующими ЛЕ:

а) *active powers* (активные силы): *anticipation* – предвидение; предвосхищение; *augury* – гадание, предсказание; *telekinesis* – телекинез (перемещение предметов на расстоянии); *pyrokinesis* – пирокинез (способность управлять огнем с помощью силы мысли); *teleportation* – телепортация; телекинез (перемещение материальных объектов усилием мысли);

б) *inactive powers* (статичные силы): *ability to take other forms and roles* – способность изменять форму и роли; *ability to project oneself into the future and the past* – способность переноситься в будущее или в прошлое; *ability to communicate with other gods and spirits* – способность входить в контакт с духами и другими потусторонними силами; *concentration or meditation* – медитация (*the magical power of the subconscious mind* – магическая сила подсознания).

7) *Магические ритуалы* как смешанные знаки данного дискурса предполагают обязательное наложение символических / семиотических элементов на жесткую структуру события, определяют результативность мистического действия как основы магии. В ритуал вовлекаются знаки повседневности, осмысленные сквозь призму мистической лингвосемиотики, наделяния существ / артефактов, действий и текстов коррективными, предупредительными и протективными функциями. Магический потенциал ритуала поддерживается следующими языковыми знаками: колороморфными (*red venom, white venom, black venom, venom, yellow venom, etc*); зооморфными (*worm-blister*); натурморфными (*water-blister, ice-blister*); нумерологическими (*nine horrors, nine venoms, nine poisons, three and thirty*); соматическими (*pain, blister, poison*); эзотерическими (*devil's hand, witchcraft*); манипулятивными (*deception*).

Литература:

1. Астафурова Т.Н., Плахова О.А. Лингвосемиотика магии в сказочном дискурсе // Вестник Волгоградского университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 3 (9). С. 119–125.

И. В. Палашевская

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС

Судебный дискурс – тип статусно-ориентированного, институционального общения; коммуникативная практика решения правовых споров судом, определяемая специфичным набором ролей и событий, особыми нормами взаимодействия в особых контекстуальных границах времени и места (по В. И. Карасику, 2004).

Конститутивные признаки судебного дискурса имеют функциональный характер и являются следующими: а) регулятивный, определяемый институциональной природой права; б) перформативный (фактообразующий), выраженный в институциональной коммуникативной практике. Взаимосвязь данных признаков отражает базовую для юридического дискурса в целом дихотомию *норма – факт*. Выделяемые признаки совмещаются в *сюжетно-фабульном*, представляющим собой вербальное воплощение типового сценария юридически релевантного события в изложении его участников и/или наблюдателей. Регулятивные единицы задают референциальный аспект судебных споров (сюжеты дел, подлежащих судебному рассмотрению), а также сюжеты коммуникативных событий в институциональной реальности (судебные процедуры), перформативные – претворяют эти сюжеты в фабулах сценического взаимодействия.

Судебный дискурс развёртывается как наблюдаемое драматическое событие, имеющее ценностно-символическое измерение, характеризующееся коммуникативной неоднородностью, предписываемой процессуальными нормами и обыкновениями практики стереотипностью, затрагивающей национальную ментальность. Аксиологические основания судебного дискурса представляют собой систему регулятивных концептов (*истина, справедливость, законность*), выступающих одновременно критериями качества судебных решений; аксиом и принципов права, объясняющих выбор того или иного легитимного действия и обуславливающих специфику построения скриптов коммуникативного по-

ведения – слияние и размежевание функций участников (защита, обвинение, решение спора), стратегий отбора аргументативных ходов и риторических средств, способов дискурсивного производства судебных фактов и пределов судебного усмотрения. В различных культурах и различные времена судебный процесс предстаёт на концептуальном уровне как *ритуал осуждения, игра легитимных сил* или, например, как *раскрытие истины* [Гарапон, 2004]. Данные представления выражаются в концептуальных противопоставлениях типа *истина – правдоподобность, установленная справедливость – договорная справедливость, предварительное следствие – признание – тайна и судебное заседание – состязательность – правила допустимости доказательств, права личности, иммунитет от самообвинения, равенство средств нападения и защиты, наличие независимого арбитра*. Дискурсивные практики выражают ценностное сознание институциональной общности и влияют на него. Так ценностная доминанта «признание» обуславливает существование подтекстных оценочных презумпций, признаваемых в качестве самоочевидных истин: *Обвиняемый, как правило, виновен; Невинный оговаривать себя не станет; Обвиняемый при признании говорит правду, а при отрицании заведомо лжёт; Если обвиняемый не может предоставить оправдывающие его доказательства – значит, их нет; Следствие не ошибается* и т. п. Логика такого рода суждений активизирует практики предварительных заключений, способы избегания вынесения оправдательных приговоров, стабильность назначения наказаний. Ментальные модели должного участия в дискурсе находят свою экспликацию уже на уровне символической расстановки фигур в «мизансценах», обуславливающей траектории и модальность коммуникативных связей, в судебном церемониале – презентационной стороне дискурса. Современный судебный дискурс в демократических странах стремится к нейтрализации давления на субъекта, что прослеживается отчасти

в негативном отношении к выделению подзоны для подсудимых заградительной решёткой. В этом способе локализации усматривается средневековый атрибут «позорного отличия», который заранее обозначает подсудимого как негативного персонажа разыгрываемой «драмы». Сегодня во многих странах предпочтение отдаётся менее заметным способам заключения под стражу в зале суда, а противостояние сторон подчиняется дискурсивным правилам формирования судебной истины. Это выражается в ограничениях перекрёстного допроса, передопроса, правилах формулирования и постановки вопросов, степени допустимости наводящих вопросов и проч. возможностях представления и исследования доказательств, а также в изгнании из суда всякого намёка на состязания в хуле, введение запрета на использование дискриминационных дискурсивных практик. В способах рассмотрения судебных дел, характере доказательств и средствах их получения заложены фундаментальные принципы построения взаимоотношений государства и личности. Судебный дискурс – это коллективно разделяемая практика утверждения пределов свободы личности.

Степень свободы участника дискурса измеряется возможностью влиять на ход его развития. Судебный дискурс может быть более или менее вероятностным. В случае детерминированного общения, единицы дискурса взаимодействуют точно известным образом, ведя к заранее известному исходу (ритуалы осуждения или оправдания). На первый план здесь выступает не установление судебного факта, а перформансная практика его становления, демонстрация действия, которая обладает мощной перформативной силой влияния на социальный контекст. Напротив, менее вероятностный дискурс имеет проблемную природу, направлен на достижение определённости по поводу возможного отношения между его участниками – в уголовном процессе между подсудимым и государством, между подсудимым и потерпевшим. Решение этого вопроса порождает разнообразные последствия для вовлечённых в дискурс лиц. Проблемный дискурс не допускает однозначного детерминизма, любое судебное дело заранее предполагает

несколько вариантов решения. Принимая состязательную (агональную) форму, проблемный дискурс характеризуется противоположными интересами его участников и основан на выборе субъекта своего поведения в будущем, предусматривая ряд направлений переходов из одних состояний в другие. В основе этого выбора лежат оценки ситуаций и способов действий, обусловленных нормами и конечной целью участия в дискурсе. В качестве основной структурной единицы судебного дискурса, с данных позиций, выступает комплексное воплощение институционально обусловленной интенции – юридически релевантный коммуникативный поступок, позволяющий реализовать законные интересы его исполнителя. Степень свободы участника дискурса проявляется в синтаксисе его юридически релевантных интенций, реализованных в ходе процесса. Условием релевантности коммуникативного поступка выступает его ситуативная и статусная обусловленность, а также должное жанровое воплощение. Речевой жанр как тип высказывания – модельный проект, сюжет коммуникативного поступка. Он принадлежит уровню должного, выполняет регулятивную функцию дискурса, в то время как коммуникативный поступок – уровню реализации этого проекта в жизненных обстоятельствах – конкретной ситуации дискурса, выполняет перформативную функцию дискурса. Интенциональная составляющая коммуникативного поступка заключается в речеактовой основе соответствующего ему речевого жанра.

При анализе жанров судебного дискурса можно выделить ряд присущих им характеристик. 1. Соразмерность жанров – выделение *простых жанров*, которые объединяются в жанровые макроструктуры (по принципу часть-целое), образуя *сложные жанры* – цепочки взаимообусловленных речевых событий. 2. Взаимозависимость жанровой формы и сценарной организации дискурса. Так, следственный порядок производства по уголовным делам предполагает следственную форму обвинения, состязательный – исковую. Сама специфика процедуры выражена в присущих ей жанрах, реализацию которых она призвана обеспечивать. 3. Существование центральных и периферийных образований в жанровом пространстве

дискурса и смена этих позиций в ходе истории. Так, для средневековой инквизиционной процедуры уголовного судопроизводства (*inquisitio*) центральным жанром выступает «признание обвиняемого» (*confessio*), без которого приговор не может быть вынесен. Для получения признания вводится процедура пытки его провоцирующая – «игра со строгими правилами», «состязание» между следователем, распорядившемся о пытке, и подозреваемым [Фуко 1999, с. 61–63]. В следственном процессе жанр «судебное заседание» занимает периферийную позицию как логичное завершение следствия, и, напротив, в состязательном процессе – центральное и независимое место. 4. Можно выделить привязанные к определённым стадиям судопроизводства формы («исковое заявление», «заявление о преступлении», «постановление о возбуждении уголовного дела», «обвинительное заключение», «приговор», «кассационное определение суда» и т. п.) и формы, используемые на протяжении процесса (ходатайства, жалобы). 5. Изменчивость, замена, исчезновение жанров в процессе исторического развития дискурса. Суть нового может быть в новом использовании старого (например, *свод – очная ставка*). Каждая эпоха выдвигает те или иные формы и забывает другие. Жанр выражает особенности времени, в котором он используется. При сохранении своей структуры, он может менять свою стилистику. 6. Возможность трансформации речевых жанров, смещении признаков разных жанровых форм, использовании одной формы в качестве средства для реализации другой.

Ритуал судопроизводства (судебная процедура) выступает своего рода сцепкой коммуникативных поступков участвующих в дискурсе лиц. Он встраивает их в общую сценарную канву взаимодействия, легитимируя возможность их актуализации в зависимости от ситуативных, статусных, интенциональных, ценностно-

нормативных факторов. Сценарная канва, получает вариативную реализацию в фабуле «сценического действия», благодаря совершённым и несовершённым коммуникативным поступкам лица и поступкам других лиц, совершённых в отношении него, которые вместе образуют историю его участия в дискурсе.

Особенностью судебного дискурса является форма сценической драмы и принцип нарративной организации. Он соединяет в себе настоящее и прошлое, сочетая признаки сценической игры и ретросказания. Поэтому, судебный дискурс – это история людей, которые задействованы в процессе (подсудимые, свидетели, потерпевшие...), история взаимоотношений людей, которые рассказывают истории о том, что произошло, доказывая свою правоту (см. ст. «судебный нарратив»).

Литература:

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996. – С. 159–206.
2. Гарapon, А. Хранитель обещаний: суд и демократия / А. Гарapon. – М.: NOTA BENE Media Trade Co., 2004. – 328 с.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
5. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
6. Палашевская, И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 346 с.
7. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: пер. с фр. / М. Фуко; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
8. Austin, J.L. *Philosophical Papers* / J. Austin. – Oxford: Oxford University Press Inc, 1961. – 248 p.
9. Schechner, R. *Performance Theory*. / R. Schechner. – L.: Routledge, 2003. – 407 p.
10. Wagner, A., Cheng, L. *Exploring courtroom discourse: the language of power and control* / A. Wagner, L. Cheng. – Burlington, USA: Ashgate Publishing company, 2011. – 267 p.

СУДЕБНЫЙ НАРРАТИВ

Судебный нарратив – способ дискурсивной практики в судопроизводстве по формированию знания о юридически значимом событии. Событие в судебном дискурсе рассматривается

как релевантное с позиции норм права изменение некоторого состояния действительности, вызванное определённым (без) действием субъекта. Средством анализа события высту-

пают факты, т. е. высказывания о состояниях действительности, которые претерпели изменения в результате определённого (без) действия субъекта и которые в силу норм права имеют юридическое значение. Эти высказывания, представленные как категоричные утверждения, составляют нарративную экспликацию события в текстах судебного дискурса и представляют потенциально значимую для правоприменителя характеристику произошедшего.

Судебный дискурс может быть описан с помощью схемы, включающей следующие компоненты: а) референтный (событие в его реальном развертывании), б) модельный (обобщение повторяющихся фактических случаев), в) нарративный (изложение события с позиций одного из участников / наблюдателей). Референтное событие – то, что познаётся человеком непосредственно при соприкосновении с действительностью. В процессе расследования преступления оно заявляет о себе через ряд разнообразных семиотических типов презентем [термин А. В. Олянича, 2007] – *сентальные, густальные, аретфактные* или *вещественные, тактильные, графемы, поведенческие* и т. п. – своего рода ключей к построению модели произошедшего. Текст события структурируется за счёт перехода от знаков-презентем события преступления («следов») до связанной последовательности действий его участников: *знаки – действия – событие – презентация события (факты)*.

На этапе расследования преступления явления действительности («следы») приобретают языковую форму. Реальность «именуется» – становится языковым фактом (протокол осмотра места происшествия). Произведённые дискурсом предварительного расследования языковые факты затем наделяются смысловыми взаимосвязями и включаются в систему средств убеждения в правдивости той или иной версии-модели произошедшего [Александров, 2003].

Модельное событие выявляется путём аналитического обобщения повторяющихся признаков различных фактических случаев и подведения их под схемы-инварианты, служащие в дальнейшем для интерпретации новых случаев. Если референтное событие – то, что произошло в действительности, то модельное

событие – то, что должно было произойти, нарративное событие – то, как об этом рассказали. Нарративное событие принадлежит дискурсопроцессуальному уровню и строится, с одной стороны, в соответствии с процессуальными правилами, вписывающими нарратив в дискурс судопроизводства, с другой – с моделью референтного события, которое в нём излагается. Триада референтное событие – модельное – нарративное является необходимым условием осмысленности повествования в дискурсе судопроизводства. Три события связаны между собой отношением последовательной интеграции: референтное событие обретает смысл лишь постольку, поскольку существует возможность его интерпретации посредством модельного, в соответствии с которым осуществляется связывание фактов в определённую конфигурацию в событии рассказывания.

Нарративная организация судебного дискурса может быть представлена как состоящая из единиц трёх уровней: правовой сюжет (генерализованное представление о юридическом событии) – судебная фабула (изложение события с позиции одной из сторон) – текст участников судебного дискурса (протокол, приговор, жалоба, ходатайство, представление). В состязательном судопроизводстве, борьба сторон разворачивается за тот или иной сюжет (модельное событие), сосредоточиваясь на фактуальной стороне дела – знаниях о произошедшем (референтном событии), и обосновании соответствия постулируемого стороной факта с юридическим контекстом его интерпретационной модели в событии рассказывания. Агенты судебного дискурса рассматривают произошедшее как вариации юридических сюжетов, в силу чего языковая презентация события неизбежно отражает соотношение фактических и юридических оснований.

Повествование выполняет связывающую, конструирующую функцию по отношению к событию, собирая его отдельные элементы посредством смысловых синтагматических связей. Юридические словесные обозначения события – *мошенничество, убийство, похищение*, называемые Р. Бартом [2000] «крупными функциями сюжета», относящимися к «коду повествования», представляют собой понятия-

темы, суммирующие событийный материал того или иного дела, подлежащего судебному рассмотрению. На уровне структурной организации события преступления крупные функции образуют доминантный уровень, содержащий придоминантные узлы, которые в свою очередь могут предполагать следующий уровень развёртывания сюжета. Конкретизация доминанты на первом уровне связана с действиями, направленными на промежуточное достижение цели. Второй уровень конкретизации связан с тактико-техническими операциями, которые приспособливают действие к конкретным условиям достижения цели. Они позволяют ответить на вопрос *как, каким образом* осуществляется убийство, кража, захват заложника в конкретном случае. Например, *похищение* человека раскладывается на такие узловые сцены, как *захват* жертвы – её *перемещение* из одного места в другое – последующее *удержание* с ограничением свободы действий в течение неопределённого промежутка времени. В свою очередь каждая сцена предполагает разложение её номинанта на ряд вариативных конкретизирующих его образований: *Захват: Блокирование автомобиля жертвы → Нападение → Принуждение силой (или угрозой оружия) покинуть автомобиль → Пересаживание в автомашину похитителей*. Сюжетное развёртывание, в данном случае, возможно благодаря тому, что действие, обозначаемое глаголом *похищать* не элементарно, сопряжено с рядом конституирующих его активных действий и не единственным способом осуществимо. Развёртка события в нарративных структурах судебного дискурса (в отличие от художественного) детерминирована относительно жёстко и конкретизация действия на каждом уровне его развёртывания не безгранична, как и количество самих уровней. Это обусловлено тем, что действие выступает как независимое от элементарных действий, если последние не выполняют по отношению к нему юридически конституирующей роли. Предел свёртывания события – условное обозначение числами и буквами, указывающими на статью закона, нарушение которого вменяется в вину. Каждый придоминантный узел вместе со своими зависимыми образует целостную и относительно автономную синтаксическую группу.

Линейная организация событийного материала ведётся по придоминантным узлам по принципу фразового нанизывания всех нижестоящих функций, когда каждая фраза по смыслу задаётся предыдущей и определяет последующую, что продиктовано намерением говорящего раскрыть тему и связать текст события в единое целое.

Увязывание событийного материала происходит в соответствии с законами композиционного построения рассказа. К базовым типам композиции, используемым в судебном дискурсе, относятся линейная и фрагментарная. Любая акциональная последовательность может быть разбита на множество отдельных кадров различной крупности. Осуществляя такую разбивку, стороны по делу проводят аналитическую работу по формированию знания о событии. Рассмотрение события в целостности или по фрагментам – это также две противоположные тактики построения дискурса. Распространённым является мнение, что в судебном заседании рассказ, как в эстафете переданный по частям несколькими «своими» свидетелями, убедительнее, чем тот же рассказ, повторенный каждым из них. Построение, при котором событие рассматривается с разных точек зрения глазами нескольких лиц, «подобно тому, как деталь, доводимая до нужной формы, поочерёдно обрабатывается несколькими резцами, подаваемыми вращающейся обоймой», в теории повествования называют «револьверным» [Веллер, 2006]. Оно позволяет рассмотреть произошедшее и его участников как со стороны, так и изнутри, их собственными глазами. Судебный нарратив строится из нарративных линий различных участников дискурса (свидетелей, потерпевших, подсудимых); точки пересечения этих линий образуют факты, имеющие доказательственное значение.

Презентационные типы юридического нарратива могут быть миметическими (в диалогической форме отражающими юридический дискурс) и опосредованными (оформленными в виде повествования о юридически релевантном событии с позиции различных участвующих в дискурсе лиц).

Агональная природа судебного нарратива проявляется в коммуникативном поведении его различных типовых участников, находящихся

внутри или вовне по отношению к референтному событию. Внутренние участники события могут быть представлены как актанты юридической пропозиции, внешние участники формируют модальную рамку пропозиции и занимают одну из позиций – критик либо эмпатик.

Судебный нарратив развёртывается в соответствии с жанровым форматом дискурсно-процессуального события, включающим ситуативную, нормативную и интенциональную составляющие. Ситуативная составляющая представляет собой повторяющийся фрагмент коммуникативной практики (допрос, судебная речь), нормативная – сводится к деонтологической базе коммуникативного события (конвенции жанра, скрипты коммуникативного поведения), интенциональная составляющая заключается в речеактовой основе соответствующих жанров судебного дискурса. Наррация является действием, выражает перформативный аспект судебного дискурса (рассказывая о произошедшем, участник дискурса даёт показания). Особое значение придаётся правилам, по кото-

рым производится нарративное высказывание в ситуации взаимодействия и реализуется (посредством данного высказывания) юридически релевантная интенция.

Литература:

1. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику: монография / А.С. Александров. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. правовой академии, 2003 (а). – 420 с.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / под ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
3. Бремон, К. Логика повествовательных возможностей / К. Бремон // Семиотика и искусствознание. – М.: Мир, 1972. – С. 108–135.
4. Веллер, М.И. Технология рассказа / М.И. Веллер // Песнь торжествующего племени. – М.: АСТ Москва, 2006. – 368 с.
5. Женетт, Ж. Границы повествовательности / Ж. Женетт // Фигуры. В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 60–281.
6. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
7. Roermund, G van. Law, Narrative and Reality. An Essay in intercepting politics / G. van Roermund. Den Haag: Kluwer Academic Publishers, 1997. – 252 p.

Н.Н. Панченко

ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК МЕЖДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Достоверность как междискурсивная категория имеет особенности в дискурсах различных типов: в научном, политическом, масс-медийном, религиозном, юридическом и др. Данная категория варьируется в дискурсивном пространстве на осях объективности – субъективности, рациональности – иррациональности, информативности – интерпретативности / воздействия / аффективности, точности – смысловой неопределенности, подлинности – подделки / правдоподобия, соответствия – несоответствия действительности.

Достоверность в научном дискурсе – гносеологический факт, фундаментальный принцип квалификации содержания научного знания, с одной стороны, конститутивный признак научного дискурса (рационального мышления) – с другой. Изучение реальности и установление закономерностей сопровожда-

ется удостоверением в их истинности. С одной стороны, достоверность выступает как структурный элемент научно-исследовательской деятельности, инвариант научного знания наряду с гипотезой, новизной и т.д. С другой, достоверность в научном дискурсе выступает в качестве критерия истинности, трактуя полученные результаты как соответствующие / не соответствующие действительности.

Религиозный дискурс концентрируется вокруг системообразующей, концептуальной доминанты «вера», приобщение к которой является основной целью религиозного дискурса. Достоверность в религиозном дискурсе выступает в качестве вторичной категории после понятия веры. Религиозный опыт может рассматриваться как особая разновидность познания, но в отличие от научной достоверности «высшая достоверность» религиозных догматов

сопровождается не критическим отношением, восприятие феноменов в качестве достоверных происходит без объективных оснований и доказательной базы. Достоверность в религиозном дискурсе – факт онтологический, духовная реальность принципиально не удостоверяема в научном смысле слова и не доказуема рациональным способом. Достоверность в научном и религиозном дискурсах варьируема на осях объективности – субъективности, рациональности – иррациональности, где научный дискурс тяготеет к полюсу объективности, рациональности, а религиозный – к крайней точке субъективности, иррациональности.

Проблема достоверности информации в *политическом* дискурсе осложняется тем, что «целый ряд характерных для него жанров и типов высказываний связан с таким видом содержания, которое в принципе не поддается верификации» [Шейгал, 2000, с. 190]. Искаженная реальность в политическом дискурсе формируется с помощью смысловой неопределенности, использования метафор, идеологических коннотаций и пропагандистских лозунгов, апеллирующих к общечеловеческим ценностям и правам человека, эвфемистических замен. Коммуникативное поведение политика, обусловленное борьбой за власть, стратегически сходно с манипулированием и обманом. Достоверность в политическом дискурсе обусловлена варьированием в рамках информативность – интерпретативность, информативность – аффективность, информативность – воздействие, точность – смысловая неопределенность.

Юридический дискурс предполагает необходимость подтверждения достоверности полученной в ходе дознавательного процесса информации. Условием юридической коммуникации является точность обозначения, отсутствие смысловой неопределенности. Актуальной для юридического дискурса является реализация категории достоверности в таких специфических речевых поступках и жанрах, как клевета и (ложный) донос, располагающихся на стыке персонального и институционального дискурсов. Варьирование достоверности в юридическом дискурсе происходит в рамках шкалы подлинность – подделка, адекватность – несо-

ответствие действительности, достаточность – недостаточность доказательств / оснований для вынесения вердикта.

Для *медицинского* дискурса в целом «характерна тенденция к повышению достоверности информации путем устранения личностного (субъективного) начала» [Жура, 2008, с. 135]. Достоверность в медицинском дискурсе фокусируется на извлечении адекватной информации у пациента и предоставлении ему полной и точной информации о заключении и рекомендациях. Выбор стратегии информирования пациента оказывается под воздействием двух противоположно действующих интенций. Речь идет о нравственной аргументации, выборе между сообщением достоверной информации (соответствующей норме речевого действия), которая может повлечь за собой негативные для пациента последствия (эмоциональные, физические и т. д.), и недостоверности информации (соответствующей этической норме, что квалифицируется как неправда в интересах пациента), оправдываемой гуманистическими соображениями.

В *массмедийном* дискурсе проблема достоверности информации, в первую очередь, связана с такими категориями, как «информативность», «точность», «объективность». Достоверность информации в массмедийном дискурсе зависит от фактора надежности источника информации, включая способ и обстоятельства получения источником этой информации, и связанных между собой категорий информативности – интерпретативности, с одной стороны, и субъективности – объективности изложения – с другой.

Достоверность в *рекламном* дискурсе коррелирует с базовыми функциями информирования и воздействия. К особенностям рекламного дискурса также относятся императивность и побудительность, взаимодействующие с семантикой желательности и возможности. Впечатление правдивости содержания создается введением в контекст рекламы апелляции к авторитету / авторитетному мнению, аргументов «за» и «против» и других распространенных приемов воздействия на получателя. Воздействие в рекламе преследует цель повлиять на когнитивный (знания), аффективный (чувства), интенциональный

уровень адресата – заставить поверить в достоверность информации и совершить внушаемое действие, чаще связанное с приобретением товара. Информация в рекламе не может быть объективной по определению, это всегда пристрастная информация. Субъективность, неопределенность, генерализация и манипулятивность рекламного текста рождает недоверие к рекламной информации и снижают уровень достоверности. В результате можно построить некоторую систему основных соответствий достоверного и недостоверного: событие/факт – оценка (квалификация) / интерпретация, знание – мнение, факт – фактоид и т. д.

Достоверность, представляя собой дискурсивное измерение, носит градуальный характер.

Специфика вариативности достоверности в том или ином типе дискурса обусловлена вариативностью реализующих ее категорий: точность, информативность, объективность, правдоподобие и выражается в рамках противопоставлений «информативность – интерпретативность», «точность – приблизительность» «объективность – субъективность», «подлинность – правдоподобие».

Литература:

1. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 407 с.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

В.М. Русаков

ПУТНИК

Центральный концепт Травелога (наряду с Путем, Приключением) имеет ярко выраженный архетипический характер, что проявляется в широком спектре воплощений, тесно связанных между собой: П. – это и путешественник, странник-паломник, искатель приключений, беженец, вождь движения, и полководец, или просто юноша, получающий первые необходимые уроки жизни, взросления, или мудрец, обуреваемый духовными исканиями. П. обретает всю полноту своих качеств в процессе совершения Пути и переживания Приключений, даже если единственным Приключением его является его жизнь. В мифологическом сознании субъективный характер П. не выделяется, снижается предписаниями рока, судьбы, предопределения (Ахиллес уходит на троянскую войну, потому что «героям так надо», должно поступать), в литературе научной субъективное начало тоже сдвигается на второй план по сравнению с содержательностью повествования

и то лишь из соображений защиты научного приоритета (открытия неведомого). Только в художественной литературе в полной мере раскрываются субъективная и субъективно-личностная сторона П.: он в Пути и через Приключения становится личностью, из персонажа становится героем, даже если не он, а его выбирает Путь – это все равно драма личности, и Травелог показывает нам либо победу П. над Путем, или трагическую участь П., побежденного, раздавленного Путем (беглец, бродяга, перекасти-поле).

Литература:

1. Русаков В.М. Дискурс травелога: образ Пути и Путника в мировой культуре / Дискурс травелога. Сб. статей. Авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, Издательский дом «Дискурс-Пи», 2009. С.131–139.
2. Толстиков А.В., Кошелева О.Е. НОМО VIATOR // Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М.: Наука. 2010. С. 5–10.
3. Шубарт Х.Ф.Д., Легенда об Агасфере – «вечном жиде» / Под ред. и с предисл. М. Горького. П., 1919.

ПУТЬ

Один из центральных концептов в дискурсе травелога (повествования о реальном

или мнимом путешествии) наряду с Путником и Приключением. Архетипический характер

данного концепта наглядно проявляется в самом широком спектре воплощений, связанных между собой широкими полями отождествлений: П. – как пути-дороги пространственного перемещения, способы организации жизни, образа жизни, политического и культурного действия, работы над собой, своим духовным и телесным совершенствованием, опыт переживаний – жизненный опыт. Различные типы П. диктуют различные типы Путника их совершающего (авантюрист, путешественник-первопроходец, разведчик, вождь, беженец, бродяга-перекати поле и т. п.). П. – это хронотоп травелога, место-время свер-

шения Путником важного действия, которое приводит его к преобразованию.

Литература:

1. Путь // Энциклопедия «Мифы народов мира». ч. 2. М., 1982. С. 352–354.
2. Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.
3. Русаков. В. М. Дискурс травелога: образ Пути и Путника в мировой культуре / Дискурс травелога. Сб. статей. Авт. – сост.: О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. Екатеринбург, Издательский дом «Дискурс-Пи», 2009. С. 131–139.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Важный концепт в дискурсе Травелога, характеризующий цель Пути, совершаемого Путником. Спектр П. в Травелоге может простирается от П. как самоцели (поиски приключений), так и до крайнего трагического варианта победы Пути над Путником, когда собственно П. становится сама жизнь, жизненный Путь Путника, причем в виде вечного скитания, нескончаемого бегства и бродяжничества («без цели»). П. носит менее выраженный архетипический характер в сравнении с Путником и Путем, тем не менее оно тоже является схематизмом, наполняемым амбивалентным, крайне разнообразным чувственно-образным содержанием, отчего смысл различных вариантов П. меняется на диаметрально-противоположный: П. как

авантюрные проделки или даже проступки или П. как подвиг самопожертвования. Основное содержание П. – это преодоление различных препятствий на Пути (барьеры, преграды, опасности, козни), степень опасности которых и приближает их преодоление Путником П. к Подвигу, а Путника – к Герою.

Литература:

1. Малышев М. А. Георг Зиммель и Владимир Янкевич: Феноменология Приключения // Дискурс-Пи. Вып. 3. Екатеринбург. 2003. С. 82–85.
2. Муравьев В. С. Приключенческая литература // <http://www.bse.sci-lib.com/article092765.html>.
3. Перемышлев Е. Приключенческая литература // <http://www.krugosvet.ru/articles/104/1010416/1010416a1.htm>.
4. Авантюрный роман // <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-0031.htm>.

ТРАВЕЛОГ

Повествование о реальном или мнимом путешествии, форма субъективно-творческого освоения действительности. Виды и жанры травелога весьма многообразны, охватывают как устное предание (сказания о путешествиях и подвигах мифологических героев), так и литературу (научная литература – отчеты об экспедициях, словари и справочники, инструкции и т. п., художественная – т. наз. «литература приключений», произведения о странствиях души в поисках ценностей

и смыслов). Изобретателем термина Т. считается Б. Холмс (B. Holmes).

В структуре дискурса Т. центральное место занимают такие концепты, как Путь, Путник, Приключение, носящие ярко выраженный архетипический характер, т. к. наполняются самым разнообразным чувственно-образным и эмоциональным материалом, так, что приобретают многообразное воплощение: Путь – это и различные пути-дороги, но это и жизненный путь, получаемый или по-

лученный жизненный опыт («пройденный путь», «как закалялась сталь»), это различные движения, в т. ч. политические («мы пойдем другим путем...», «третий путь»), религиозные («Алмазный путь», «духовные искания»), художественно-творческие поиски способов самовыражения и художественно-эстетического освоения действительности; Путник – тот, кто не просто совершает перемещение в пространстве-времени, но переживает его и повествует о нем (Странник, Путешественник, Разведчик, Вождь, Полководец, Беглец и т. п.); Приключение – главное, что переживает Путник в Пути и что составляет смысл Т. (конечная цель, подвиг, преображение души и т. п.).

Дискурс Т. включает все основные аспекты: семиотический, лингвистический, праксеологический, кратологический, аксиологический.

В семиотическом плане дискурс Т. подразумевает целый спектр повествований о всевозможных путешествиях – от действительного перемещения в пространстве-времени и размышлений об этом до вымышленных фантастических путешествий и приключений. Различные виды Травелога выражаются в разнообразной знаково-символической форме: летописи, записки, дневники, отчеты, карты, лоции, путеводители, инструкции и т. п. В ряде случаев специально знаково-символическая форма выражения травелога нормируется, вплоть до юридической санкции (географические названия, способы обозначения на картах и лоциях и т. п.).

Праксеологический аспект дискурса Т. подразумевает разнообразный набор антропологических практик (в т. ч. «практик себя» (М. Фуко)), которые осваиваются субъектом – Путником, – и овладение которыми ведет к преображению Путника. Крайним случаем является победа Пути над Путником – т. е. вечное странничество («вечный жид», Агасфер), нескончаемое бегство (бродяжничество, беженство), никак не разрешающееся в какое-либо новое состояние и свойство Путника, что равносильно проклятию, тяжкому наказанию. Кроме того, праксеологический аспект хорошо просматривается в организационно-

методической стороне совершения различных путешествий – бегство, странничество, экспедиция, нашествие, поиски приключений, разведка, бегство от скуки и т. п.

В кратологическом аспекте выражается властно-распорядительный ресурс Т.: различные виды травелога подразумевают и предписывают различные антропологические практики (в религиозном, паломническом странствии; в научной экспедиции, в скитаниях и бегствах, в набирании жизненного опыта). Аналогичным образом это проявляется в перформативной стороне видов травелога – как надлежит повествовать и представлять каждое путешествие (дневники, записки, отчеты, сказания, свидетельства, артефакты). В мировой культуре существует устойчивый стереотип необходимости странствия души как способа взросления, становления личности.

Из этого вытекает аксиологический аспект травелога: повествования о всевозможных странствиях и путешествиях обладают большой ценностью с точки зрения воспитательного эффекта (сколько выдающихся характеров сформировалось под влиянием литературы путешествий!). Записки путешественников и отчеты о научных экспедициях составляют золотой фонд знаний о различных уголках земли, сферах жизнедеятельности людей. Отображаемый в травелогах жизненный опыт, странствий души в поисках ценностей и смыслов обладает силой катарсиса и потому всегда вызывает жгучий интерес.

Литература:

1. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.
2. Travelogue // <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/travelogue>.
3. De Botton, Alain 2003. The Art of Travel. London: Penguin.
4. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.
5. Лучицкая С.И. Путешествие // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 397–400.
6. Русаков В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога. // Дискурс-Пи: научный журнал. Вып.10. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи». 2010. С. 209–210.
7. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496.

ДИСКУРСИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Дискурс как определенный порядок мыслей и вещей, обнаруживаемый или устанавливаемый в процессах общения, содержит целый ряд важных аспектов (или сторон) – семиотический, лингвистический, праксеологический, кратологический, перформативный, аксиологический. Поскольку этот порядок мыслей и вещей увязывается под действием определенных ценностей и выливается в определенные практики (от образа жизни отдельного индивидуума до строя общественной жизни), то это решительно сближает Дискурс с Идеологией (о смерти которой сообщалось столь же много, сколь и поспешно) как теоретическим выражением и защитой интересов различных социальных групп (К. Маркс, В.И. Ленин). ДИК отображает ядро социально-политических движений (напр. – либерализма, народничества, большевизма, христианства и т.п.), в котором комплекс идей, пронизанных определенными ценностями, вплетен в комплекс антропологических практик (начиная от «практик себя» (М. Фуко), кончая практиками социального и политического жизнестроительства). ДИК позволяет преодолеть исходную раздвоенность анализа социально-политических движений (христианства, либерализма, социализма, народничества, коммунизма и др.), когда исследуются «с одной стороны» – идеи и теории, а «с другой стороны» – социальные и политические действия. ДИК возникают гораздо раньше самих общественно-политических движений, они возникают в виде конкурирующих комплексов (как в России в XIX веке существовали дискурсивно-идеологические комплексы народничества, либерализма, социал-демократии и феодально-монархического консерватизма). Как комплексы, обладающие особенной семиотикой, праксисом, нормативной, властно-распорядительной и ценностно-ориентирующей силой, они способны мощно преобразовывать различные слои и сферы жизнедеятельности общества (повседневность, семья, брак, духовное производство, творчество, политика).

Литература:

1. Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, ИФиП УрО РАН-УрГСХА, 2004. С. 145–152.
2. Русакова О.Ф. Хронотоп травелога: концептуально-дискурсивный анализ // Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. С. 99–106.
3. Фурман Ф.П. Дискурсивно-идеологический комплекс народничества. – Нижневартовск, Изд-во УрАГС, 2010. – 210 с.

УДК 324 – 32

ОТ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СПЛОЧЕННОСТИ И ПРИВЕРЖЕННОСТИ

Чусовитина Юлия Павловна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
Департамент политологии и социологии,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: uchusovitina@yandex.ru

Аннотация

Предметом реферативного обзора является статья: Leonie Huddy, David O. Sears, Jack Levy «Group Identity to Political Cohesion and Commitment», опубликованная в Оксфордском справочнике «Political Psychology» (N.Y: Oxford University Press. 2013). В данной статье авторы раскрывают содержание понятий идентичности и сплоченности с точки зрения различных методологических подходов – психологического, социологического и политологического. В центре внимания авторов – политические последствия принадлежности личности к какой-либо группе, а также – влияние принадлежности к группе на внутригрупповую солидарность

Ключевые слова:

политическая идентичность, социальная идентичность, членство в группе, групповая идентичность, политическая сплоченность.

Прежде чем излагать основные идеи статьи, стоит обратиться к ее структуре, дабы понять логику изложения авторов. Структурно статья состоит из шести глав:

- 1.0. Членство в группе, групповая идентификация и социальная идентичность;
- 2.0. Основные теоретические подходы;
- 3.0. От социальной идентичности к политической сплоченности;
- 4.0. Эмоции как катализатор, побуждающий действия;
- 5.0. Развитие групповой идентичности;
- 6.0. Будущее исследований.

В **первой главе** описываются традиционные способы измерения социальной идентичности. По мнению авторов, измерение групповой идентификации и социальной идентичности имеет различные индикаторы в зависимости от времени и дисциплины, которая изучает эти явления. Один из самых первых индикаторов групповой идентификации,

используемых в эмпирических политических исследованиях, – чувство принадлежности к группе – появился в оригинальных американских электоральных исследованиях (ANES) и был включен ANES в методику опросов на протяжении многих лет. Как правило, респондентам давали список социальных групп (например, «рабочие мужчины», «бизнесмены», «католики»), и просили назвать группы, к которым они себя относят.

Во **второй главе** дано описание пяти теорий, которые, на взгляд авторов статьи, являются максимально полными для объяснения сущности, генезиса и развития политической идентичности. Каждая теория предьявляет определенный набор активных компонентов, влияющих на развитие политической идентичности.

В параграфах главы описываются конкретные подходы к изучению различных форм и видов идентичности, раскрывается характер

их соотношения. Глава имеет следующую структуру:

- 2.1. Когнитивный подход: Классификация и Группа Saliense;
- 2.2. Эмпирические подходы;
- 2.3. Символические подходы: теория социальной идентичности;
- 2.4. Социальный конструктивизм и смысл членства в группе;
- 2.5. Эволюционный подход;
- 2.6. Соотношение пяти подходов.

В **третьей главе** описывается процесс членства в социальной группе. Членство в социальной группе не обязательно диктует конкретную политическую перспективу и не предписывает обязательную политическую деятельность от имени группы. В этой связи возникает важный вопрос об условиях, при которых социальные идентичности превращаются в политическую идентичность для формирования политической сплоченности. Дополнительные факторы, находящиеся вне простого членства в группе, необходимы, чтобы объяснить появление политического единства. Автор выделяет три фактора, которые играют ключевую роль в этом процессе: существование сильных идентичностей, политический смысл членства в группе, существование как символических, так и реальных угроз и обид.

Далее описывается каждый фактор более подробно. Параграфы обозначены следующим образом:

- 3.1. Сильные, субъективные идентификаторы принадлежности к группе;
- 3.2. Групповое мнение;
- 3.3. Общие интересы, обиды и угрозы;
- 3.4. Групповое сознание.

В **четвертой главе** авторы раскрывают роль эмоций в становлении политической идентичности. Эмоции являются важным звеном в усилении политических последствий групповой идентичности. Они усиливают групповую сплоченность, укрепляют или ослабляют готовность действовать. Например, при угрозе международного вооруженного конфликта, согласно теории межгрупповых эмоций, граждане, которые считают свою страну сильной в военном отношении, скорее всего, будут чувствовать возмущение и начнут

сердиться на нападение противника, которого они считают слабым. В той же ситуации граждане, считающие свою страну не достаточно сильной в военном отношении, более склонны к беспокойству, испытывают чувство страха (хотя некоторые люди, относящие себя к более слабым политическим субъектам, могут в большей мере злиться, чем испытывать страх).

Концентрировать или ослаблять принадлежность к группе могут конкретные, совместно испытываемые эмоции. В данной главе подробно разбираются психологические факторы, оказывающие влияние на характер идентичности. Их анализ проводится в следующих параграфах:

- 4.1. Сила идентичности и эмоциональная реактивность;
- 4.2. Групповые силы и гнев;
- 4.3. Гнев и действия.

Пятая глава посвящена проблеме влияния субъекта на формирование групповой идентичности, а также вопросу об обратном влиянии группы на формирование субъективной идентичности. В главе подробно анализируется феномен субъективной идентичности, исследуются факторы, оказывающие влияние на его характеристики. Параграфы пятой главы выглядят следующим образом:

- 5.1. Существенные стили;
- 5.2. Значение и валентность идентичности;
- 5.3. Приобретенная vs Приписываемая идентичность;
- 5.4. Перманентные границы группы;
- 5.5. Размер группы;
- 5.6. Индивидуальные различия;
- 5.7. Угрозы.

Шестая глава посвящена вопросам будущего исследований политической идентичности. Согласно авторам, существует два основных перспективных направления:

1. изучение конвергенций идентичностей;
2. изучение роли лидеров в формировании сплоченности группы.

Оба исследовательских направления, по мнению авторов, заслуживают гораздо большего внимания, чем они получили на сегодняшний день. В данной главе делается попытка

подробно описать указанные направления. Параграфы главы обозначены соответствующим образом:

6.1. Конвергентные идентичности;

6.2. Политическое лидерство.

В реферируемой нами статье весьма четко прослеживается мысль о том, что членство

в группе является необходимым условием для развития политической идентичности, однако этого, конечно, недостаточно. Авторы попытались описать несколько факторов, которые являются ключевыми для развития целостного политического мировоззрения и сильной групповой идентичности.

UDC 324 – 32

FROM THE GROUP IDENTITY TO THE POLITICAL COHESION AND COMMITMENT

Chusovitina Yulia Pavlovna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
The Institute of Social and Political Sciences,
Department of Political Science and Sociology,
undergraduate,
E-mail: uchusovitina@yandex.ru

Annotation

The subject of the article is a review of abstracts: Leonie Huddy, David O. Sears, Jack Levy «Group Identity to Political Cohesion and Commitment», published in the Oxford Handbook «Political Psychology» (N. Y.: Oxford University Press. 2013). In this article, the authors reveal the content of the concepts of identity and cohesion from the perspective of the various methodological approaches – psychological, sociological and political. The authors focus on – the political consequences of accessories to any person – or group, and – the impact of group membership on intra solidarity.

Key words:

political identity, social identity, group membership, group identity, political cohesion.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

DISCOURSE-P
Дискурс★Ни
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★НИ

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 или RTF.

2) Первая (титовая) страница должна содержать (на русском и английском языках):

- название статьи;
- фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания;
- контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
- аннотацию (до 300 печатных знаков);
- ключевые слова.

3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).

4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.

5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию и подписанные подстрочные сноски). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат бумаги – А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.

6) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.

7) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.

8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.

9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Электронный вариант каждой иллюстрации с подписанными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.

10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9; 15]). За точность библиографии несет ответственность автор.

Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.